
РУСТАМ
РАХМАНАЛИЕВ
ИМПЕРИЯ
ТЮРКОВ
ВЕЛИКАЯ
ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Рустан Рахманалиев

Империя тюрков. Великая цивилизация

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=298182
Империя тюрков. Великая цивилизация: РИПОЛ классик; Москва; 2009
ISBN 978-5-386-00847-5

Аннотация

Автор издания – академик, профессор, доктор исторических наук, доктор философских наук, кавалер Почетного знака РАЕН «Рыцарь науки и искусств» (2007, Россия) Р. Рахманалиев в своем фундаментальном труде исследует многовековую историю тюркских народов. Данная книга – выдающееся научное достижение, которое на много лет вперед определит будущий облик этой области знаний.

Содержание

Предисловие 4
Глава 1 8
Скифская экспансия 11
Вытеснение скифов сарматами 16
Создание государства Хунну 20
Изгнание хуннами юэчжей из Западного Ганьсу и его последствия в евразийском мире 28
Хунны – главный противник империи Хань 32
Древние тюрки I–V вв 38
Упадок Хуннской державы 40
Завоевание оазисов Тарима 44
Цивилизация оазисов Тарима 52
Великие походы в IV в. 54
Династия Вэй – «тюркский Китай». Военные кампании против жужаней 57
Держава эфталитов 62
Религии Великой степи 66
Глава 2 70
Гунны – возвращенная молодость хуннов 70
Аттила – «Маленький отец народов» или «Бич Божий»? 75
Двор Аттилы. Внешняя политика 81
Война с Восточной Римской империей 88
Вторжение Аттилы в Западную Римскую империю 91
Каталаунская битва 99
Вторжение в Италию 105
Смерть Аттилы. Развал империи 111
Глава 3 117
Тюркоязычные народы и федерации в V–VII вв 117
Образование Великого Тюркского каганата. Завоевательные походы 120
Цивилизация древних тюрков: Великая степь. Кочевое скотоводство. Люди. Война. Социальная жизнь. Культура. Религия 126
Раскол в Великом Тюркском каганате 141
Восточные и западные тюрки и их роль в мировой войне 148
Второй Тюркский каганат 159
Арабское вторжение. Арабский мир и тюркский мир 163
Мировая обстановка в середине VIII в. 166
Уйгурский каганат 167
Кыргызы 175
Кидани 177
Шато 178
Глава 4 179
Исламизация тюркских государств 179
Тюркские гулямы 181
Конец ознакомительного фрагмента. 182

Рустан Рахманалиев
Империя тюрков. Великая цивилизация

«В наши дни не остается никакого сомнения в том, что всемирную историю время от времени придется переписывать. Подобная необходимость проистекает не вследствие того, что со временем выявляются все новые и новые события, а оттого, что появляются новые взгляды, побуждающие передового человека нового времени занять такую точку зрения, с которой он мог бы совершенно по-новому видеть и оценивать прошлое».
Гёте

Предисловие

Правящих рас, народов с имперским мышлением, не так много. В их числе, рядом с персами, греками и римлянами, можно назвать тюрков.

В чем же суть имперского мышления тюрков? Они, как правило, властители земли по природе или по характеру. Их империи, непохожие друг на друга, демонстрировали за три тысячи лет общие основные черты. Тюрки стремились к тому, чтобы заставить самые разные народы жить вместе в гармонии, оставляя им, правда, под своей централизованной до предела и деспотической властью их идентичность, язык, культуру, религию, а часто и правителей. Взойдя на вершины власти благодаря праву завоевателя, они не гнушались обращаться за помощью к вассалам, когда те были более цивилизованными, чем они сами, и часто доверяли им важные дела; они также не стеснялись заимствовать у них то, что могло быть полезным: иногда технику, иногда образ жизни, иногда религию или язык. Их главная забота заключалась в том, чтобы организовать покоренные народы и племена, управлять ими, вести их на битву, писать хроники. Это объясняет, почему так часто они заканчивали тем, что ассимилировали в покоренных массах.

Представителям нашей цивилизации довольно сложно представить, чем были и чем остаются тюркские архивные хроники, поражавшие своим качеством и количеством. Они встречаются повсюду, во всех крупных городах, когда-либо захваченных тюрками, потому что те фиксировали все события и хранили их на бумаге.

Тюркоязычные народы в западной части Центральной Азии известны с глубокой древности, однако термина «тюрк» тогда не существовало. Народ, именовавший себя «тюрки», сложился в начале VI в. Тюрки VI в. – это сложносоставной народ, образовавшийся в результате соединения в единое государство монголоязычной орды Ашина, вынесшей из ордосских степей воинственные традиции своих предков, и тюркоязычного населения Большого Алтая. В середине VI в. оба эти элемента слились в единое целое, создав огромную державу от Желтого до Черного моря, успешно воевавшую с Китаем, Ираном, Византией и распространившую имя «тюрк» на пол-Азии.

История знает тюрков под разными именами: хунны, гунны, уйгуры, гулямы, сельджуки, мамлюки, кыпчаки, шейбаниды, – и этот список далеко не полный. Европейцы воспринимали название «тюрк» как общее определение всех кочевых племен Центральной Азии. Арабы называли тюрками всех воинственных кочевников к северу от Согдианы, и те приняли это название, ибо первоначальные носители его стали для кочевников-степняков образцом доблести и геройства. В дальнейшем термин «тюрк» трансформировался и стал названием языковой группы. Так сделались тюрками народы, в VI–VII вв. не входившие в Великий Тюркский каганат, – туркмены, азербайджанцы, курыканы (предки якутов) и мно-

гие другие. В конце дохристианской эры к тюркам начинают причислять кыргызов – светловолосых людей высокого роста, голубоглазых, которые, скорее, относились к палеоазиатам или тюркизированным индоевропейцам. С тех пор эта тенденция распространяется все шире, поскольку тюрки привержены экзогамии и женятся на женщинах не тюркского происхождения. Они смешиваются со всеми этническими группами, встречающимися на пути, а их язык обладает удивительной способностью притяжения, так что сегодня уже невозможно считать физический (брахицефальный) признак характерным. По сути, не существует абсолютно чистых рас.

Если пойти еще дальше, можно сказать, что тюрки представляют собой смешанную расу – они вообще лишены расовых признаков, т. е. нет тюркской расы как таковой. По всему миру (за исключением, может быть, изолированных горных уголков Центральной Азии) в жилах тюрков течет намного больше чужой крови – монгольской, китайской, иранской, греческой, кавказской, русской, африканской, – чем исконно тюркской крови, той самой, что делала скулы выступающими, а глаза раскосыми.

Кто сказал, что основной движущей силой мировой истории в продолжение тысячелетий, почти до порога новой эпохи, было соперничество между кочевыми и оседлыми народами? Как раз об этом упоминается в Библии, где противопоставляются двое сыновей Авраама – Каин и Авель. Но для тюрков это соперничество – ключ, открывающий двери в мир их языка и славных авантюр, если принять за факт, что кочевники всегда одерживали верх над оседлыми народами и что именно они стояли у истоков мира.

Тюрки – это народ с трехтысячелетней историей, которая совершалась от Тихого океана до Средиземного моря, от Пекина до Вены, Туниса, Алжира. Однако колоссальная территория между Западной Европой и Китаем, страна с оригинальной природой, разно образным населением и неповторимой культурой – Евразия, – долгое время была незамеченной, вследствие чего считалась несуществующей. Тем не менее она существовала. Великая степь – сердце Евразии, и простиралась она от Китайской стены до Карпат, окаймленная с севера полосой сибирской тайги, а с юга – пустынями Иранского плоскогорья и оазисами Персии. Великую степь в древности греки называли Скифией, персы – тураном, а китайцы – степью «северных варваров». Таким образом, Китай, Ближний Восток, Византия и Европа являлись как бы рамкой, обрамляющей картину – тюрко-монгольскую степь.

История Великой степи – это история тюрко-монгольских орд, оспаривавших лучшие пастбища и перемещавшихся вместе со своими стадами, иногда в течение столетий, по огромным пространствам, которые природа приспособила для их физической конституции и образа жизни.

В протоисторическую эпоху движение кочевников было преимущественно с запада на восток. Когда кочевники иранской расы, т. е. индоевропейцы, которых греческие историки называли «скифы» и «сарматы» (в иранских текстах – «саки»), углубились очень далеко на северо-восток, к Алтаю и Саянам, другие индоевропейцы заселяли оазисы Тарима от Кашгара до Куча, Карашара и Турфана. Однако начиная с христианской эры течение повернулось с востока на запад. Теперь индоевропейские диалекты уже не доминировали в оазисах будущего Туркестана, и что касается «внутренних перемен», то это была смена гегемонии кочевых кланов тюрков и монголов, жаждавших власти над другими ордами: тюрки-хунны – X в. до н. э., монголы-сеньпеи – III в. н. э., монголы-жужани – V в., тюрки-тукю – VI в., тюрки-уйгуры – VIII в., тюрки-кыргызы – IX в., монголыкидани – X в., тюрки-кераиты, или найманы, – XII в., тюрко-монголы – XIII в. и, наконец, тюрки-темуриды – XIV–XV вв.

На западе происходило то же самое, что и на востоке. В Европе, в русских степях, продолжавших азиатскую степь, сменяли друг друга гунны Аттилы, булгары, авары, венгры (последние были из угро-финской группы, но входили в число гуннской аристократии), хазары, печенеги, команы, чингисиды. То же можно сказать об исламских землях, где

процесс исламизации и иранизации среди тюрков-завоевателей Ирана и Анатолии – точная копия китаизации завоевателей Небесной Империи – тюрков, монголов, тунгусов. Хан здесь становился султаном или падишахом, так же как там – Сыном Неба.

Ираном поочередно правили и истребляли друг друга тюрки-газневиды, тюрки-сельджуки, тюрки из Хорезма, тюрко-монголы, тюрки-темуриды, тюрки-шейбаниды, не говоря уже о тюрках-османах, которые стрелой промчались по мусульманским землям и разгромили в Малой Азии ослабших сельджуков, а затем – неслыханное дело! – ринулись покорять Византию. И этот процесс стал одним из географических законов в мировой истории. Но есть и другой, противоположный, закон – постепенного поглощения кочевых завоевателей старыми цивилизованными странами; это явление имеет две стороны: прежде всего, демографическую – варвары-всадники, превратившись в правящий класс, ассимилируют в общей массе, в человеческом муравейнике; затем культурную – покоренная китайская или иранская цивилизация обольщает, усыпляет, покоряет своего завоевателя и в конце концов так или иначе уничтожает его. Чингисхан не без оснований остерегался удобств цивилизованной жизни: когда его потомки обосновались во дворцах Пекина и Тауриса – тут же началось их вырождение.

Тюрки связали свою судьбу с судьбой всех народов Древнего мира. Хотя история человечества изучена крайне неравномерно и особенно много пробелов в истории евразийской степи, тем не менее можно с уверенностью отметить тот факт, что именно история тюрков изобилует событиями исключительной насыщенности, которые коренным образом меняли картину мира: Аттила и гунны, империя Табгача в Северном Китае, сооружение Самарры, аббасиды, мирное сосуществование всех крупных религий в уйгурской Центральной Азии, сельджуки Ирана, Чингисхан и тюрко-монгольская гегемония, мамлюки Египта, Золотая Орда, поработившая на два столетия Русь, Амир Темур, темуридский Ренессанс в Самарканде и Герате, Бабур и создание империи Великих Моголов, Османская империя – ведущая мировая держава XVI в., Ататюрк и национальная революция в Турции.

Поражают сложные формы общественного бытия и социальные институты тюрок: эль, удельно-лествичная система, иерархия чинов, военная дисциплина, дипломатия, а также наличие четко отработанного мировоззрения, противопоставляемого идеологическим системам соседних стран. Здесь, очевидно, следует вспомнить теорию Л. Гумилева о пассионарности этногенеза, где пассионарность – способность и стремление к изменению окружения, а этногенез – природный процесс, проходящий в течение свыше тысячи лет, оставляющий после себя следы не меньшие, нежели наводнение или выброс лавы из вулкана.

Без сомнения, без войны нет тюркского феномена. Это вовсе не означает, что другие народы обходились без войн. Но есть такие народы, которые утвердились, несмотря на войну, другие служили богу войны, третьи покрыли себя славой и извлекли из нее выгоду, но их судьба непосредственно не зависела от войны. Трудно представить, кем бы стали тюрки в условиях всеобщего мира. И дело не в том, что у них не было иных доблестей, кроме воинских, – их родина не могла быть колыбелью крупной цивилизации, хорошо то, что она могла прокормить их, когда их было не так много, когда они не дрались за пропитание и не допускали в свои земли посторонних.

Любой демографический взрыв заставлял их убивать друг друга. Разделенные на племена, тюрки могли выжить только посредством войн. Объединенные в федерации, которые академик Р. Груссе удачно назвал «степными империями», они могли существовать, только навязывая волю сильного слабому. В этом случае они обладали такой ударной силой, которая требовала непременного применения. Они и применяли ее против богатых царств оседлых народов. Захватив троны трех континентов – в Пекине, Дели, Исфахане, Дамаске, Багдаде, Каире, Константинополе, Алжире, – они должны были действовать так, чтобы не потерять их. Следует отметить, что на завоеванных землях чаще всего наблюдался невиданный рас-

цвет, к примеру Китай под властью Табгача, Иран под сельджуками, Египет под мамлюками, Индия под владычеством Великих Моголов; что касается Османской империи – то это была одна из крупнейших тюркских держав мира, которая сначала являлась для ислама мечом, затем – щитом.

Начиная с эпохи Крестовых походов тюрки представляются нам истовыми приверженцами ислама, однако их исламизм – это относительно недавний феномен, причем он не распространяется на всех тюрков. Хотя ислам очень давно, по крайней мере еще в VIII в., вступил в контакт с тюрками и нашел среди них верных сторонников, только постепенно, начиная с XI в., он стал глубоко проникать в их среду. Однако существовали специфические тюркские (или, точнее, тюрко-монгольские) структуры, внутри которых сформировались первые цивилизации и которые не только сопротивлялись исламу, но и атаковали его, сохранив древние верования, пусть и в несколько измененном виде. Исламизация широких масс в Центральной Азии стала фактом лишь в начале XVII в., но до сих пор есть немало тех, которые так и не приняли ислам. В разные моменты своей истории тюрки впитывали в себя великие мировые религии и часто прославляли их своими деяниями.

Тюрки – народ самобытный, они, как минимум, страстные любители и ценители искусства, антиквары и меценаты, но это и великие созидатели: именно при владычестве тюркской династии Вэй в Китае сформировалась одна из лучших скульптурных школ в пещерах Юньгана и Лунмэня; тюрками были созданы самые прекрасные и экспрессивные монументы Азии – большая мечеть Пятницы в Исфахане, Тадж-Махал в Агре, Регистан в Самарканде и мечеть Сулеймание в Стамбуле…

Итак, перед нами наследники всех кочевников – как живой организм со своими специфическими законами и проявлениями, как часть человечества, состоящая из очень разных элементов, но образующая великолепную совокупность, которую можно назвать конкретным именем: тюрки. Среди мудрых изречений о тюрках есть одно, особенно отвечающее сути: «Тюрк подобен жемчужине в морской раковине, которая не имеет ценности, пока живет в своем жилище, но когда она выходит наружу из морской раковины, то приобретает ценность, служа украшением царских корон».

В монографии мы не собираемся совершать насилие над источниками, дабы втиснуть их в заранее задуманную схему – хотя обязательно отметим те, что не вписываются в наши рассуждения, – но мы хотим понять тюркскую реальность, исследуя трехтысячелетнюю историю этого народа в контексте их великих империй.

Глава 1
Тюркские народы с X в. до н. э. по V в. н. э

Мировая история свидетельствует, что не было и не могло быть этноса, происходящего от одного предка. Все этносы имеют двух и более предков, как все люди имеют отца и мать, и это подтверждено многовековой историей тюрков.

Степные кочевники сыграли в истории и культуре человечества не меньшую роль, чем персы, греки и римляне. И роль их в мировой истории была особой, как, впрочем, у каждого этноса.

Это настоящие варвары, если термин предполагает не столько отсутствие цивилизованности, сколько агрессивный тип поведения. Варвары, которых не одну тысячу лет китайцы называли «ху» и которые, подчиняясь таинственному на первый взгляд порыву – а если говорить ученым языком, речь идет об объединении, переселении, голоде, эпидемиях, – упорно продвигаются все дальше, прогрессируя или деградируя, объединяясь или снова разделяясь на племена. Они нападают на города, завоевывают царства, а затем скрываются неизвестно куда, оставляя в качестве следов бесчисленные курганы своих захоронений. Это – прекрасные всадники, составляющие одно целое со своими лошадями, которые были одними из лучших лошадей в мире, причем сами всадники будто родились на коне и никогда не спускались на землю. Они первыми научились седлать и запрягать лошадей, они изобрели седло и упряжь, они – искусные лучники, и их стрелы летят дальше всех и разят сильнее всех. Таким образом, верхом на коне, вооруженные до зубов, они стремятся вперед, они непобедимы в течение веков.

Тюрки – это гораздо больше, чем только тюркоязычные народы, а тюркизм – это гораздо больше, чем этнообразующая идея одного народа или одной нации.

Существует легенда, где повествуется о том, что Верховный Отец всех тюрков Тенгри подарил некогда своим детям-тюркам Большой Казан, сделанный из чистой меди, который водружался на железный треножник. Все большие и малые племена тюрков ели из этого Большого Казана, который еще называли Тенгри-Казаном, и никто из них не был обделен, никто не жаловался на недостаток пищи. Тучные стада кобылиц и бесчисленное множество скота паслись на землях тюрков. Охота всегда была удачной. Дети были здоровыми, семьи – крепкими, старики были в почете, а мужчины умели все: выращивать скот, защищать свои земли от врагов, ладить с соседями, вступая с ними в торговые отношения. Тюркские старики славились своей мудростью и талантом красноречия, передаваемыми из поколения в поколение; тюркские девушки блистали красотой, грацией и умом, а тюркские юноши были самыми непревзойденными воинами. Все тюрки превыше всего ценили свою свободу, честь и достоинство.

Тюркский народ приумножался в лоне Отца своего – Тенгри, но с каждым днем приближался День Великого Расставания, когда повзрослевший Сын должен был оседлать коня и, простившись с Отцом, войти в неведомый ему мир. И этот День настал.

Тюрки сняли Тенгри-Казан с железного треножника и, поставив его на глиняный очаг, приступили к приготовлению прощальной трапезы.

Умельцы расплавили железный треножник и изготовили из него большое количество боевых топоров, железных наконечников для стрел и копий, пробивающих любой панцирь, стремян, позволяющих всадникам ловко управлять своими боевыми конями и вести бой обеими руками, быстрых, как молния, сабель, островерхих шлемов, символизирующих свод небесного купола, дома Отца своего – Тенгри. Тюркские женщины сшили большое количе-

ство кожаных шаровар и коротких рубах – одежды для верховой езды – и накатали большое количество войлока для походных юрт, родного дома кочевников.

Прощальная еда тюрков из Тенгри-Казана была обильной, и многие навечно запомнили неповторимый вкус пищи родного дома.

А эта трапеза из Тенгри-Казана была действительно прощальной, ибо, когда люди насытились, Тенгри-Казан разлетелся на миллиарды мелких кусочков.

Верхняя разлетевшаяся часть Тенгри-Казана вознеслась на небо и образовала вокруг Темир Казык (Полярной звезды) Круг Времен в виде зодиакальных созвездий, по которым тюрки могли определяться в непрестанном течении времени.

Кусочки средней части Тенгри-Казана образовали на небе Млечный Путь, по которому тюрки могли определять свое местоположение в пространстве, в какой бы части Земли они ни находились и куда бы они ни продвигались.

Нижняя часть Тенгри-Казана, которая всегда была подвержена действию огня, разлетелась на миллиарды медных капель, которые попали в сердце каждого тюрка и, переходя от отца к сыну, сохраняли в сердце тюрков горячую любовь к родному дому, к Большому Тенгри-Казану.

Остатки пищи из Тенгри-Казана упали на землю тюрков и, просочившись в глубину ее, превратились во множество полезных ископаемых, которые в будущем должны были прокормить далеких потомков тюрков.

Проведя последнюю ночь на родной земле, тюрки наутро выступили в поход. Но он не был завоевательным – это было движение новой мысли и нового духа. Ибо на своем пути в Страну Заката тюрки шли по местам, народы которых еще только начинали узнавать, что такое железо, и даже самый маленький его кусочек стоил гораздо дороже равного ему по мере золота. Эти люди не знали, что такое стремена, и даже двурогая вилка (шанышкы), с помощью которой тюрки, не обжигаясь, ели горячее мясо, вызывала у них большой интерес. Эти народы, облаченные в длиннополые платья, скрывающие наготу, но абсолютно не приспособленные для ведения пешего и конного боя, поражались конструкции тюркских шароваров, удобных для верховой езды и в повседневной жизни.

В своем движении тюрки несли миру качественно новый уровень («железный») цивилизации: лошадь, укрощенную до уровня боевой единицы; изогнутую саблю, более эффективное оружие ближнего боя, чем прямой меч; новую тактику и стратегию применения больших, но легких (летучих) конных отрядов; одежду, приспособленную для ведения конного и пешего боя, и многое другое, что для того времени представляло самый передовой уровень научно-технического прогресса.

Тюрки принесли на запад символ Креста, как обозначение четырех стрел, летящих из одной точки (от Тенгри-Казана) в разные стороны света, неся на своем острие знания новой цивилизации. Круглые и островерхие шлемы тюрков, символизирующие форму небесного свода, стали прообразом куполов православных церквей и мечетей, которые нередко окрашивались в синий цвет, олицетворяющий цвет Неба и Тенгри.

Много веков прошло с тех пор, как Аттила, возглавлявший «конный народ» (атты ель), прошел до самых западных пределов тогдашней Ойкумены. Много рассеялось по земле тюрков, которые превратились в бесчисленные народы, забыв свои обычаи и язык. Но в глубине сердца каждого тюрка жила и продолжает жить маленькая медная капля Большого Тенгри-Казана, соединяющая его с далеким тюркским прошлым.

Обратимся к Евразийскому материку – вернее, его срединной части – Великой степи, которая простирается от Западной Маньчжурии на востоке до венгерской степи на западе, на юге – Тибетское нагорье и Семиречье, от Сибири ее отделяют хребты: Саянский, Хамар-Дабан и Яблоновый. В восточной зоне Степи, в так называемой Внутренней Азии, где рас-

полагались Монголия, Джунгария и Восточный Туркестан создавались могучие державы хуннов, уйгуров и монголов.

Переселение предков хуннов – хяньюнь и хунюй – с южной окраины Гоби на северную совершилось в X в. до н. э., и это переселение связывается с образованием империи Чжоу, породившей античный Китай, древнекитайский суперэтнос (IX в. до н. э. – V в. н. э.) и знаменитую ханьскую агрессию. А эти грандиозные события, в свою очередь, сопоставимы с началом скифских поселений.

Таким образом, рубеж доисторических периодов и исторических эпох приходится на X в. до н. э.

В X в. до н. э. два этноса – чжоуский (древнекитайский) и скифский – смыкались в южной части Центральной Азии. Однако расширились они в разных направлениях: чжоусцы – на восток, скифы – на северо-запад.

Скифская экспансия

Между 750 и 700 гг. до н. э., как свидетельствуют греческие историки и ассирийские хронологи, киммерийцев вытеснили из южно-русских степей скифы, пришедшие из Туркестана и Западной Сибири. Племена, которых греки называли скифами, – это те самые, которым ассирийцы дали имя «ашкузаи», а персы и индусы – «саки».

По данным ономастики, скифы принадлежали к иранской расе. Это северные иранцы, остававшиеся кочевниками на своей «иранской родине», в степях нынешнего Туркестана, и большей частью избежавшие влияния цивилизации Ассирии и Вавилона, которое достаточно сильно отразилось на их дальних оседлых сородичах – мидах и персах, – живших на юге, на Иранском плоскогорье. Подобно своим собратьям сарматам, скифы также остались чужды воздействию зороастрийской реформации, которая вскоре постепенно трансформировала мидо-персидские верования.

На греко-скифских вазах (Кулоба и Воронеж) запечатлены лица скифов: бородатые и волосатые, как и их собратья саки на барельефах Персеполиса, в остроконечных шапках, защищающих уши от сильных степных ветров; одеты, как и саки, в свободную тунику и широкие штаны – одежду их сородичей, мидов и персов. Средством передвижения скифов была лошадь – великолепный степной скакун, их верный спутник, так же, как и лук со стрелами. У этих конных лучников не было постоянных селений, лишь повозки, на которых они совершали дальние переходы; на таких повозках монголы Чингисхана в XIII в. промчатся по тем же русским степям. В этих повозках скифы везли женщин и все свое имущество: украшения, орнаментальные пластинки, снаряжение и вооружение, а также ковры – все то, что ныне составляет суть скифского искусства. Они были хозяевами русской степи с VII по III в. до н. э.

Хотя, по мнению современных исследователей, скифы относятся к иранским народам – индоевропейская семья, индоиранская или арийская группа, – их образ жизни весьма схож с образом жизни хуннских племен – прототюрков, или доисторических тюрков, – которые в ту же эпоху начали движение на другом конце степи, на китайских границах.

В принципе условия кочевой жизни в степи одинаковы от Северного Причерноморья до Прикаспия и дальше до Монголии, хотя в последнем регионе они более суровые. Поэтому нет ничего удивительного в том, что без учета физического облика и языка скифы, описанные греческими историками или изображенные на греко-скифских вазах, напоминают нам племена юэчжи, ту-кю и монголов, которых описывают и изображают китайские летописцы и художники, – имеется в виду их культурный уровень и условия существования. У этих групп есть общие обычаи; возможно, одинаковый образ жизни вынуждал и скифов и хуннов подчиняться одинаковым законам и правилам: и конный лучник-скиф и хуннский всадник с луком носили штаны и сапоги, а не свободное платье жителя Средиземноморья или древнего китайца, то же самое можно сказать о конской сбруе, изобретенной северными степняками, надолго обеспечившей им превосходство над конниками оседлых народов. У юэчжей сбруя появилась в III в до н. э., и она отсутствует на китайских рельефах эпохи Хань; у ойротов (алтайцев) она существовала в I в. до н. э., когда ни греки, ни римляне не имели понятия о ней. Возможно, географические связи между скифами и хуннами, находившимися на одном культурном уровне, способствовали распространению одинаковых обычаев: например, ритуальные похоронные убийства долгое время сохранялись и у скифов и у тюрко-монголов, между тем как в Передней Азии и в Китае они давно не практиковались, начиная с захоронений Ура и Наньяна. Кстати, Геродот отмечает у скифов обычай делать порезы на руках, лбу и носу, убивать слуг и лошадей и класть их в могилу вокруг тела своего

господина. Есть данные, что у хуннов был обычай убивать на могиле вождя сотни и тысячи женщин и слуг.

Обычай резать лицо ножом существовал у тукю, монгольских тюрков.

Итак, между 750 и 700 гг. до н. э. скифы (или, скорее, часть скифо-сакских племен, потому что основная масса саков осталась в районах Тянь-Шаня, Ферганы и Кашгарии) перебрались из района Тургая и реки Урал в Южную Россию и вытеснили оттуда киммерийцев.

Наиболее обстоятельные сведения о скифах оставил Геродот (V в. до н. э.). Во главе скифского племенного союза Геродот называет царских скифов – кочевников, считавших скифов-земледельцев своими рабами.

По Геродоту, миграция скифов в направлении Европы была вызвана давлением с востока, вернее, северо-востока: скифов изгнали исседоны, а исседонов теснили аримаспы. Исседоны – это, возможно, угро-финны, которые проживали где-то на Урале. Аримаспы, обитавшие дальше на востоке – Иртыше и Енисее, – это, очевидно, иранцы, как и сами скифы: в отдельных хрониках их имя переводится как «друзья лошадей». Что касается массагетов, живших восточнее Аральского моря по Яксарту (Сырдарье) и в Прибалхашье, то Геродот считает их скифами; Страбон говорит о пяти племенах массагетов: дербики, апасиаки, аттасы, хорезмийцы и абгасы. Само название «массагеты» историки объясняют различным образом: Маркварт – от иранского «рыбаки», Кристенсен – также от иранского «большая скифская орда»; Марцеллин, Кассий, Арриан видят в массагетах предков сарматского племени алан.

Итак, часть киммерийцев под давлением скифов ушла в Венгрию, где уже обитали другие родственные фракийцам народы. Именно пришедшие киммерийцы закопали около Шилагии «сокровища» Михаени, под Хевесом – «сокровища» Фокору и Михалковский клад в Галиции.

Остальные киммерийцы двинулись через Фракию (по мнению Страбона) или Колхиду (по Геродоту) в Малую Азию, где жили они сначала во Фригии (720 г. до н. э.), затем в Каппадокии и Киликии (650 г. до н. э.) и, наконец, пришли в Понт (около 630 г. до н. э.). Часть скифов бросилась их преследовать (720–700 гг. до н. э.), но преследователи сбились с пути (по Геродоту), прошли через Кавказ, около Дербента, к Ассирии. Скифский царь Ишпакай напал на нее, но получил отпор (около 678 г. до н. э.). Другой, более мудрый скифский царь, Бартатуа, приблизившись к Ассирии и сообразив, что для ассирийцев киммерийцы также были врагами, так как угрожали их границам со стороны Киликии и Каппадокии, действуя в угоду ассирийцам, направил скифское войско в Понт и разгромил последних киммерийцев (около 638 г. до н. э.).

Через 10 лет сын Бартатуа (Геродот называет его Мадей) по просьбе Ассирии, в которую вторглись мидийцы (или миды), сам захватил Мидию (около 628 г. до н. э.). Но мидийцы поднялись на борьбу с захватчиками, и их царь Киаксар истребил скифских вождей, а остатки скифов ушли назад в Южную Русь через Кавказ.

В IV в. до н. э. скифы создали государство в пределах Южной России и торговали с греческими городами на северном побережье Черного моря.

Относительно времени образования Скифского государства у исследователей нет единого мнения: одни относят его сложение ко времени скифских походов в Малую Азию (VII в. до н. э.) или к эпохе Геродота (V в. до н. э.); другие – к IV в. до н. э., когда Скифию объединил царь Атей и Скифия переживала свой расцвет; третьи определяют его рубежом III–II вв. до н. э., когда столица скифов под натиском сарматов переносится в Крым на реку Салгир (Неаполь Скифский), а Скифия переживает политический и экономический подъем при царях Скилуре и Палаке.

К V в. до н. э. Скифия еще сохраняла первобытно-общинный строй в его последней переходной к классовому обществу фазе – военной демократии. Действующими органами этого строя были народное собрание, совет старейшин и племенные вожди.

По Геродоту, территория Скифии имела форму правильного квадрата, что отражало, видимо, космологические представления, поскольку квадрат есть одна из простейших реализаций идеи организованного, упорядоченного пространства. Южной границей «скифского квадрата» было море, а северной – мифические Рипейские горы, достигающие, по утверждению некоторых авторов, небес. Кстати, у скифов существовала развитая мифология.

Наибольшим почитанием у скифов пользовалась богиня Табити – покровительница домашнего очага. Верховным божеством у них считался Папай, его греки сравнивали с Зевсом.

Скифы более 500 лет держали в страхе Переднюю Азию. Все это время ужас на старый мир наводили племена варваров-степняков. Их конница продвигалась от Каппадокии до Мидии, от Кавказа до Сирии, грабя и разрушая все, что встречалось на ее пути. Этот бурный поток, отголоски которого мы находим у израильских пророков, представляет собой первое в истории вторжение северных степных кочевников в среду древних южных цивилизаций, и это движение будет периодически возобновляться в течение двадцати веков.

Когда ассирийцев, вавилонян и мидов в качестве гегемонов в Передней Азии сменили персы, они занялись защитой «оседлого» Ирана.

Незаурядный политический деятель, царь из династии Ахеменидов Кир Великий был одержим химерической идеей – завладеть миром. В этой связи в исторических хрониках есть факт, свидетельствующий, что иноземным захватчикам сумели дать сокрушительный отпор свободолюбивые племена массагетов под предводительством царицы Томирис.

По Геродоту, Кир осуществил свой последний поход против массагетов, живших восточнее Хивы около 530 г. до н. э., но потерпел полное поражение и погиб.

Следует остановиться на историческом портрете Кира Великого, основателе Персидской империи Ахеменидов, свергнувшем Астиага, царя Мидии, и захватившем его столицу Экбатану (550 г. до н. э.). В 546 г. до н. э. Кир разгромил Креза и установил свое господство над Малой Азией и царством Набонида (последнего из халдейских царей), добавив к своим владениям Вавилон, Ассирию, Сирию и Палестину. Дальнейшие завоевания на севере и востоке завершили создание огромной империи.

Следующим противником скифов из династии Ахеменидов был правитель Персии Дарий I (ум. в 486 г. до н. э.). Скифия в VI в. до н. э. уже представляла большую политическую силу.

Дарий начал с крупной экспедиции против «европейских» скифов (514–512 гг. до н. э.). Через Фракию и нынешнюю Бессарабию он вступил на территорию Степи, где скифы, следуя обычной тактике кочевников, тактике выжженной земли, не вступая в сражение, стали отступать и заманивать его все дальше в пустынные просторы. У Дария хватило мудрости вовремя повернуть назад. Геродот считал эту «русскую кампанию» безумным капризом деспота. В действительности же Дарий стремился осуществить естественную политическую идею – сделать «внешний Иран» персидским и завершить панираское объединение.

Древние персы, покорив на западе Вавилон, Малую Азию, Сирию и Египет, а на востоке Согдиану и часть Индии, рассматривали себя как мировую империю – Иран, противопоставлявший себя Турану. Иран и Туран населяли близкородственные племена арийцев. Разделяла их не раса или язык, а религия.

Инициатива разделения древнеарийской культурной целостности приписывается пророку Заратустре, жившему в VI в. до н. э. и проповедовавшему монотеизм – почитание Ахурамазды («мудрого владыки») вместо пантеона арийских богов – дэвов, тех самых, которых

эллины помещали на Олимпе, а германцы – в Валгалле. Помощники Ахурамазды – ахуры – эквивалентны эллинским гигантам и индийским асурам – врагам дэвов. Мифология и космогония в новом исповедании оказались перевернутыми на сто восемьдесят градусов.

Новую веру приняли далеко не все. Даже в Иране она возобладала не сразу. Но все арийцы, которые сохранили верность древним богам, стали туранцами, а сторонники Заратустры – иранцами. Так совершилось разделение на Иран и Туран.

После того как попытка объединения провалилась, скифы оставались хозяевами Южной Руси еще на протяжении трех столетий.

В результате экспедиций Дария I в Малой Азии все-таки был поставлен надежный заслон набегам кочевников.

В III в. до н. э. скифы пали жертвой сарматов, за исключением небольшой их группы в Крыму, которая была завоевана готами в III в. н. э.

Крупные скифские вторжения VII в. до н. э. на Кавказ, в Малую Азию, Армению, Мидию и Ассирию интересны не только для политической истории. Первый контакт скифов с ассирийским миром (не забудем, что скифы были его союзниками), который продолжался около ста лет, представляет собой важнейшее событие для истории степного искусства. Прежде всего именно во время походов в Малую Азию в VII в. до н. э. скифы завершили переход из бронзового в железный век. И начало скифского искусства проходило под влиянием Хальштатской техники обработки железа в кельтско-дунайском регионе. Но главным образом великое перемещение народов в VII в. до н. э. привело к тесным отношениям между Кавказом и страной мидийцев (Луристан), с одной стороны, и скифов – с другой. Имеются бесспорные свидетельства прямого влияния ассирийско-вавилонской Месопотамии на первые произведения скифского искусства.

Это – отправная точка всего скифского искусства, о котором можно оказать, что оно обошло стороной ассирийский (или греческий) натурализм, предпочтя ему декоративность. Так, на юге России на целые столетия воцаряется эстетика Степи, а ее четкие тенденции можно проследить в их развитии на востоке, вплоть до Монголии и Китая. С самого начала в скифском искусстве существовали два течения: натурализм, периодически подпитываемый из ассирийско-ахеменидских источников, с одной стороны, и эллинизмом, с другой, и декоративное течение, которое подавляет, деформирует и отводит в сторону первое течение ради чисто орнаментальных целей. В конце концов, анималистический реализм, с которым никогда не расставался этот народ всадников и охотников, превратился в предлог для декоративной стилизации.

Такая тенденция объясняется условиями жизни кочевников – как скифо-сарматов на западе, так и хуннов на востоке. Они не имели постоянных поселений, поэтому скульптура, барельеф и живопись, которые изначально предполагают реализм, были для них чуждыми. Их атрибуты роскоши сводились к одежде и украшениям, к аксессуарам снаряжения и конской сбруи. Поэтому такие предметы, как застежки и пряжки, подвески для сабли, элементы лошадиной сбруи, будто специально предназначены для стилизации. Кроме того, все северные кочевники проводили жизнь верхом на лошади, преследуя и загоняя зверей, как волки загоняют антилоп. И естественно, что они усвоили из ассирийско-вавилонских уроков только геральдические темы и стилизованные сражения животных. И наконец, эти анималистические сюжеты имели для степных охотников магическое значение.

Если оставить в стороне греко-скифские предметы украшения, которые можно назвать скифскими только по сюжету, но на деле они выполнены греческими художниками, работавшими для эллинских колоний в Крыму или непосредственно для степных царей, мы увидим в скифском искусстве только образы животных, сведенные к геометрическим формам и служащие для орнаментальных целей. Повсюду: в Костромском захоронении V в. до н. э., в Елизаветовских раскопках той же эпохи, в Кул-Оба, в Крыму (450–350 гг. до н. э.), в сокро-

вищнице сарматской эпохи из Западной Сибири (I в. н. э.), в Верхне-Удинске (Забайкалье), – где найдены образцы хуннского искусства нашей эры, мы видим оленей и лошадей с пышной гривой, а когти хищников завиваются в кольца и спирали, в два раза превышающие размер животного. Даже верхняя губа лошади вывернута в форме улитки. В западносибирском искусстве скифов и сарматов и в искусстве аналогичного типа, которое сформировали юечжи, стилизация анималистических форм достигает совершенства.

Степное искусство далеко уходит от искусства оседлых народов: скифское искусство можно противопоставить ассирийско-ахеменидскому, хуннское – китайскому, несмотря на их общую почву, которой являются сцены охоты и сражения зверей. Ассирийцы, ахемениды и китайцы эпохи Хань показывают нам тех же животных, преследующих или угрожающих друг другу, в простом, наполненном воздухом декоре. А у скифов и хуннов мы наблюдаем зверей, которые сплетаются в смертельной схватке. Здесь нет никакого движения. Это драма, в которой жертва как будто увлекает своего палача в пропасть гибели. Но здесь есть внутренний динамизм, внутренняя трагическая мощь.

Находки предметов скифского искусства дают возможность проследить скифское продвижение по Руси. Примерно в 700–550 гг. до н. э. центр скифской культуры находился в степях юго-восточной части – на Кубани и Таманском полуострове. Разумеется, скифы властвовали уже и на Южной Украине, между нижним течением Днепра и низовьем Буга, как свидетельствуют находки в Мартоноше и Мельгунове, но эта власть, скорее, носила спорадический характер. По Таллгрену, только между 550 и 450 гг. до н. э. скифская культура окончательно утвердилась на территории нынешней Украины, а ее апогей датируется 350–250 гг. до н. э., о чем свидетельствуют большие царские курганы в низовьях Днепра, в Чертомлыке, Александрополе, Солоке, Деневе и т. д. Самая северная зона на западе, затронутая скифской экспансией, находится на северной границе лесостепной полосы, южнее Киева и около Воронежа. К северо-востоку скифская экспансия достигает Саратова, где сделаны важные открытия и где Таллгрен локализует скифский, или находившийся под скифским влиянием, народ, – в любом случае представляющий иранскую расу. Это сарматы. Вполне возможно, что скифы в Южной Руси составляли всегда только правящую верхушку, а основу составляли киммерийцы, т. е. фракийцы и фригийцы.

Сведения Геродота о скифах обнаруживают чисто иранскую ономастику, данные греческого происхождения о тех же скифах указывают на фракийско-фригийскую ономастику. Это лингвистические следы, подтверждаемые следами археологическими. Таллгрен пишет: «Хальштатский тип киммерийской бронзы продолжал существовать на Украине в качестве крестьянской культуры даже во времена укрепления связей между скифами и эллинизмом». Наконец, к северу от скифской области с киммерийской основой жили другие варвары, не скифы, которых Геродот называет «андрофаги», «меланкелены» или «исседоны», которых можно отнести также и к угро-финнам. Таллгрен локализует андрофагов к северу от Чернигова, а меланкеленов – к северу от Воронежа. Мы знаем, что эти два народа вступили в союз со скифами для отражения нашествия Дария. Что касается иседонов, то они жили, очевидно, на Урале, в районе Екатеринбурга. Кстати, андрофаги и меланкелены, т. е. угрофинские соседи скифов, относятся к так называемой мордовской культуре, следы которой обнаружены на Десне и Оке, в которой присутствует геометрический орнамент, более бедный и совсем не похожий на скифский стиль.

Вытеснение скифов сарматами

В IV в. до н. э. в районе Оренбурга, у подножия Уральских гор, в Прохоровке, существовала местная культура – сарматская, – характерной особенностью которой было изготовление большого количества копий, и это, безусловно, свидетельствует о том, что именно копья были их главным оружием.

По мнению Ростовцева, в Прохоровских захоронениях обнаружены первые свидетельства о появлении сарматов в европейской части России. Хотя еще в V в. до н. э. Геродот упоминал «саураматов», живших к востоку от устья Дона, считая их метисами скифов и амазонок, говоривших на скифском языке. Возможно, это был их авангард, пришедший вслед за скифами, а основная масса еще кочевала на северном берегу Каспийского моря. Ростовцев замечает, что матриархат, который греки наблюдали у «саураматов», на самом деле сарматам не был свойствен, и считает, что между этими народами нет ничего общего. Как бы то ни было, во второй половине III в. до н. э. сарматы, принадлежавшие к той же расе, что и скифы, т. е. к группе североиранских кочевников, живших к северу от Арала, перешли Волгу и заселили русскую степь, вытеснив скифов в Крым.

Скифы в это время оказались между сарматами, которые наступали из Азии, и гетами (будущими даками) фракийско-фригийского происхождения, которые основали свою империю в Венгрии и Румынии.

III в. до н. э. – именно с этого времени, по мнению историков, можно осмыслить этническую историю Евразийской степи: племена Монголии были объединены хуннами; династия Цинь устанавливала единодержавие в Китае, среди северных варваров появились хуннские богатыри, героически отстоявшие от циньцев свою землю; возникла могучая держава Центральной Азии – Парфия: парфяне под предводительством скифа Аршака изгнали из Ирана македонян и основали на месте разрушенной Александром Великим мидоперсидской монархии собственное царство; полулегендарные скифы Причерноморья были сменены сарматами.

Так в Степи началась новая эпоха, и с начала III в. до н. э. в степях к северу от Черного моря теперь жили сарматы.

Кочевники-сарматы вторглись в Скифию и убивали там всех, кого могли настичь. Это было не завоевание, а война на истребление. Весьма трудно объяснить, чем было вызвано такое ожесточение. Во II в. до н. э. сарматская экспансия достигает своего наивысшего напряжения.

Расселение сарматов в степях Поволжья, Южного Урала и нынешнего Казахстана привело к утверждению гегемонии сарматов в степях Восточной Европы со II в. до н. э.

Основная масса сарматов кочевала между низовьем Волги и Днестра. Некоторые сарматские племена были независимы, например аланы (предки осетин), кочевавшие в районе Терека до самой Кубани, роксоланы, которые в 62 г. н. э. поселились к западу от нижнего течения Дона, назиги, которые с 50 г. н. э. обитали на равнине между Тиссой и Дунаем – территории даков и римской провинции Паннония в срединной части нынешней Венгрии. Макс Эберт писал: «В конце II в. до н. э. аланы кочевали в арало-каспийских степях. Оттуда они пошли на Дон».

Сарматы стали активной политической силой в международных делах Древнего мира.

В 179 г. до н. э. сарматский царь Гатал примкнул к союзу малоазийских государств. В I в. до н. э. сарматы были союзниками понтийского царя Митридата VI в его борьбе против Рима. С этого времени бывшая территория Скифии на античной карте, составленной Випсанием Агриппой, стала называться Сарматией. Восточная группа сарматов экономически и политически была тесно связана с государствами Центральной Азии, особенно с Хорезмом.

Начиная с I в. н. э. сарматы неоднократно совершали военные походы в Закавказье и выступали там союзниками отдельных государств.

Сарматы появились и на Дунае, где часть племен, в основном языги и роксоланы, осела близ границ Римской империи. Здесь происходили столкновения римлян с сарматами.

Политическая гегемония сарматов в Северном Причерноморье была подорвана в III в. нашествием готов, а в IV в. сармато-аланские племена были разгромлены гуннами.

Остановимся на переходе скифского искусства в сарматское, опираясь на находки, обнаруженные в Западной Сибири.

Несмотря на общие кочевнические корни, сарматы отличались от своих предшественников. Скифов мы знаем как всадников с луками в островерхих шапках и широких одеждах, как варваров, набравшихся греческой культуры, имевших анималистическое искусство и хранивших, несмотря на стилизацию, память о натуралистической пластике. Сарматы – тоже всадники, но вооруженные копьями, носившие конической формы шлемы и кольчугу. Их искусство, также анималистическое в своей основе, уже обнаруживает более тонкий вкус, что касается стилизации и геометрического орнамента, например многоцветная эмалевая инкрустация на металле. Короче говоря, в нем чувствуется «восточная» реакция на греко-римскую пластику. Это можно считать первым появлением в Европе искусства восточного Средневековья, которое сарматы передали готам, а те – всем германцам. В III и II вв. до н. э. сарматское искусство пришло в Южную Русь.

Ученые склонны приписать золотые украшения, обнаруженные в Западной Сибири, народам, близким к сарматам, а найденные человеческие черепа (Оглакты под Минусинском, т. е. дальше на восток), как они считают, никак не могут принадлежать тюрко-монголам, скорее, индоевропейцам, имевшим отношение к скифам, сакам и сарматам.

На самой первой географической карте Верхней Азии отмечено, что на восточной оконечности, в нынешней Маньчжурии, обитали прототунгусы (доисторические тунгусы), в Западной Маньчжурии и Восточной Монголии – протомонголы, на самой большой части Монголии и несколько дальше к западу, в направлении озера Балхаш, – прототюрки. Вся остальная часть, включая южные и западные степи, была заселена индоевропейцами и палеоазиатами, причем здесь так и не обнаружено никаких следов алтайского народа. Раскопки в районе Минусинска в верхнем течении Енисея, находки которых относятся к так называемой «карасукской» эпохе (1200—700 гг. до н. э.), выявили все большее распространение брахицефального типа, и это, по всей вероятности, связано с тем, что позже здесь поселился другой народ – прототюрки. В «тахарскую» эпоху (700–300 гг. до н. э.) этот феномен зарегистрирован на Алтае. Наконец, около 300 г. до н. э. произошел «брахицефальный взрыв» в Южной Сибири и на южных склонах Алтайского хребта. Поэтому можно предположить, что вначале постепенно, затем все быстрее, подобно снежному кому, предки тюрков, жившие до тех пор на севере, спускаются из лесных массивов и примерно в начале новой эры добираются до северных отрогов Тянь-Шаня и степных районов озера Балхаш. Пришельцы на своем пути вытесняют индоевропейцев, или смешиваются с ними, или оказывают на них влияние, заставляя местные народы принять их язык и культуру. Это, по всей вероятности, произошло с кыргызами (стали известны через китайских историографов в 201 г. до н. э.; относятся к индоевропейскому антропологическому типу), и, таким образом, в массе тюркского населения появились индоевропейцы или, по крайней мере, немонголоидные народы.

Переселение из лесов в степи для прототюрков ознаменовалось одной из самых важных революций в их истории: они перешли из цивилизации охотников и собирателей «подножного корма» в цивилизацию скотоводов, в культуру одомашнивания лошади. Интересные результаты раскопок в Пазирике (V–II вв. до н. э.) на Алтае, которые подарили ученым удивительно сохранившиеся в вечной мерзлоте предметы и тела умерших, позволяют обнаружить признаки таких болезней, как пародонтоз, а также людей в масках и лошадей в сбруе,

что свидетельствует о ностальгии по утраченному миру и о нелегкой адаптации к новой жизни.

Центр металлургии Минусинск в верховьях Енисея, начиная с V в. до н. э., был ареной новых процессов. Там найдены захоронения с оградой из камней, датируемые так называемым бронзовым периодом (500–300 или 200 гг. до н. э.). Эта эпоха характеризуется обилием анималистических мотивов – спящий олень, стоящий олень, олень, оглядывающийся назад, и свернувшееся животное (этот мотив, по мнению Таллгрена, пришел из Южной России).

К периоду между 500 и 300 гг. до н. э. относится также первое появление сибирских бронзовых кинжалов и ножей, а также цилиндрических ударных орудий типа кистеня, которые из Минусинска распространились до Ордоса времен юечжей и до Венгрии эпохи великих завоеваний. Ножи, найденные в Минусинске и Тагорском, тонкие, слегка искривленные, с ручкой, заканчивающейся иногда очень изящной оленьей головой, также были распространены во всей Монголии, вплоть до Ордоса эпохи юечжей. В 300–200 гг. до н. э. в Минусинске устанавливается железный век с топорами-пиками из бронзы и железа и группой больших коллективных захоронений.

Вообще минусинские находки II–I вв. до н. э. обнаруживают явное сходство с сарматским искусством Южной России и Западной Сибири, и, по мнению археологов, Минусинск передал этот стиль хуннскому искусству Ордоса.

Минусинск находится на северном склоне Саянских гор. Дальше к юго-западу, в Пасирике, на северном склоне Большого Алтая, у истоков Оби и Катуни, в 1929 г. были обнаружены захоронения 100 г. до н. э. (или более раннего периода) со скелетами лошадей, «замаскированных под северных оленей» (кстати, это значит, что речь идет о племенах, которые заменили лошадь оленем). Эти маски и сбруя из кожи, дерева и золота украшены стилизованными анималистическими мотивами – мчащиеся во весь опор козлы, крылатый грифон, убивающий козла, пантеры, бросающиеся на оленей и козлов, петухи перед боем и т. п. Эти изображения еще близки греко-скифскому стилю без лишней орнаменталистики. Упорядоченная строгая стилизация производит сильный декоративный эффект. В Пасирике встречаются бородатые декоративные маски, явно греко-римского происхождения, связанные с эллинским царством на киммерийском Босфоре. Такие же греко-римские маски примерно той же эпохи – II–I вв. до н. э. – обнаружены в минусинской группе захоронений. Что касается Алтайской группы, она включает кроме Пасирика другие курганы I в. до н. э. сарматского типа. Здесь также мы видим анималистическое искусство со строгой стилизацией, близкое к реализму.

В I в. н. э. алтайская культура представлена курганом в Катанде с предметами, изображающими сражения медведей с оленями, расцвеченными ветвистыми рогами (работа по дереву), а также бронзовые пластины и куски ткани со стилизованными анималистическими мотивами сражений грифонов и оленей, которые напоминают хуннские мотивы той же эпохи (2 г. н. э.), отмеченные в Нон-Ула, в Монголии. В Нон-Ула тоже обнаружен кусок ткани, вероятнее всего попавшей сюда из киммерийского Босфора.

В течение двух первых столетий новой эры вокруг Минусинска продолжает процветать переходная культура, которую Теплухов назвал «таштыкской» и к которой, в частности, относятся находки в Оглакты, севернее Минусинска, датируемые эпохой второй династии Тан, судя по китайским шелковым тканям.

Вскоре после этого указанные очаги скифо-сарматского стиля в Минусинске и на Алтае угасают или, вернее, трансформируются, потому что еще в начале VII в. район Минусинска оставил нам бронзовые предметы, датируемые по китайским монетам династии Тан. Очевидно, страну завоевали тюркские племена, предки кыргызов, появление которых китайские историки отмечали в V в. По Теплухову, вытеснение кыргызами индоевропейской аристократии сарматского происхождения в Минусинске имело место после III в. Но прежде

чем исчезнуть, культурные центры в Минусинске, Пасирике и Катанде сыграли большую роль в передаче степного стилизованного анималистического искусства хуннским народам.

Создание государства Хунну

Пока кочевники иранской расы – скифы и сарматы – занимали в Южной России, Тургае и Западной Сибири западную часть степной зоны, восточная часть находилась под властью тюркских народностей. В древности доминирующим народом у тюрков были «юнь-ну», или «хьонг-ну», как называли их китайцы, – имя, сближающее их с именем «хунны» и «хуна», – как впоследствии называли этих варваров римляне и индусы. Вполне вероятно, что именно юнь-ну (это название появляется в китайских хрониках только в эпоху Цинь в III в. до н. э.) китайцы ранее называли «хяньюнь» (IX—VIII вв. до н. э.), или просто «ху».

По мнению Гумилева, хотя тюркоязычные народы в западной части Центральной Азии известны с самой глубокой древности, начиная с III в. до н. э., однако термина «тюрк» тогда не существовало, и на заре истории (III в. до н. э.) они назывались хунны.

Момент рождения этноса хунну связан с переходом племен хяньюнь и хуньюй с южной окраины пустыни Гоби на северную и слиянием их с аборигенами, имевшими уже развитую и богатую культуру.

В китайских хрониках хунны описываются как тип, характерный для прототюрков: «Невысокого роста, коренастые, с круглой и большой головой, круглым лицом, выступающими скулами, приплюснутым носом с широкими крыльями, довольно густыми усами, без бороды, не считая редких волос на подбородке, с длинными ушами, проколотыми для серег. Голова, как правило, бритая, не считая пучка волос на макушке. Густые брови, раскосые миндалевидные глаза с горящими зрачками. Они носили свободное платье, доходящее до икр, с разрезами по бокам, подвязанное поясом, концы которого свисают спереди. По причине холодов манжеты туго прилегают к запястьям. Плечи покрывает короткая меховая накидка, а голову – меховая шапочка. На ногах кожаные туфли. Широкие штаны, завязанные на лодыжке. Колчан с луком висит у левого бедра…» Некоторые детали этого костюма напоминают одежду скифов. Схожи также многие обычаи, к примеру погребальные убийства: и хунны, и скифы на могиле вождя перерезали горло женам и слугам умершего, иногда число убиенных доходило до ста и даже тысячи.

Геродот писал, что скифы срезали скальп с убитого врага и делали из черепа кубок. Такой же обычай отмечен у хуннов: шаньюй Лаошань пил из черепа царя племени юэчжи.

И хунны, и скифы охотились за головами. По Геродоту, скиф считал делом чести принести с войны головы врагов, отрезанные его рукой, а снятую с черепа кожу подвешивал к поводу своего коня.

У потомков хуннов – племени тугю (VI в.) – число камней на могильном холме погибшего воина равно числу убитых им врагов. У кочевника индоевропейской расы и у кочевника тюрко-монгола одинаковое отношение к крови: скиф выпивал кровь первого убитого им врага, хунн пил кровь из человеческого черепа в знак клятвы. Оплакивая мертвых, и скиф, и хунн резали ножом свое лицо, чтобы кровь текла вместе со слезами.

Подобно скифам, хунны были преимущественно кочевниками. Стада лошадей, быков, баранов и верблюдов определяли ритм их жизни. Хунны перемещались вместе со своим скотом в поисках воды и пастбищ. Питались они исключительно мясом, что поражало китайцев, которые были, скорее, вегетарианцами; одевались хунны в кожу, жили на стоянках в войлочных шатрах, спали на мехах.

Что касается религии, хунны исповедовали шаманизм, опиравшийся на культ Тенгри – обожествленного Неба, и на культ некоторых священных гор. Их верховный правитель, шаньюй, осенью собирал всеобщий сход – «сезон, когда лошади уже разжирели» – для подсчета людей и стад.

Китайцы называли хуннов варварами за дикие набеги и грабежи. Когда хуннов преследовали, они, как и скифы, использовали тактику выжженной земли, увлекая неприятельские войска в пустыню Гоби или в голую степь и обстреливая врагов на безопасном для себя расстоянии; решающий же удар наносили, когда неприятель был совершенно деморализован. Такая тактика, благодаря их мобильности и искусству стрельбы из лука, оставалась неизменной у всех степняков – от первых хуннов до Чингисхана. Надо отметить, что она типична для всех всадников, вооруженных луками: и скифов на западе, и хуннов на востоке. Именно так воевали скифы с Дарием. Но Дарий вовремя разгадал эту уловку и отступил до того, как дело закончилось бы для него поражением.

Китайские же военачальники не обладали такой мудростью и теряли свои войска в сердце Гоби, куда заводили их хунны.

Что касается языка хуннов в среде тюрко-монгольских народов, некоторые ученые, например Сиратори, относят его к монгольским. Пеллио придерживается противоположного мнения, опираясь на китайскую транскрипцию, и считает хуннов тюркским племенем, и с этим, на наш взгляд, следует согласиться.

Новый этнос всегда богаче и мощнее, нежели старые, составившие его: хуннам предстояло великое будущее.

Империя хуннов родилась так, как будут позже рождаться все степные империи: из энергии человека, который смог навязать свою волю своему клану, а затем целой группе племен. О таком человеке, умершем около 209 г. до н. э, нам известно его имя, Тумань, и его титул – шаньюй (Величественный Сын Неба), что должно соответствовать титулу императора. Мы точно не знаем о клане, из которого он вышел, что же касается племен, пошедших за ним, они, скорее всего, состояли из представителей разных этносов, или, точнее, разных языковых групп, по крайней мере, исходя из последовательности тех далеких событий, но основную массу составляли конечно же прототюркские племена.

В IV в. до н. э. хунны образовали мощную державу – племенной союз 24 родов, возглавляемый пожизненным императором (шаньюем) и иерархией племенных князей «правых» (западных) и «левых» (восточных). Ниже шаньюя стояли два высших чиновника – князья ту-ки, т. е. «два мудрых князя – правый и левый» (китайская транскрипция «ту-ки» близка тюркскому слову «тогри», т. е. правый или верный). Шаньюй восседал в Верхнем Орхоне, горном районе, где позже будет находиться столица чингисидов Каракорум. Мудрый князь «слева», бывший в принципе наследником, сидел на востоке, в Верхнем Керулене, а мудрый князь «справа» – на западе, в Хангайских горах. Далее следовали князья ку-ли – левый и правый, генералиссимусы (левый и правый), высшие правители-губернаторы (левый и правый), высшие танг-ху (левый и правый), высшие ку-ту (левый и правый), тысячники, сотники и десятники. Этот народ мобильных кочевников был организован по принципу армии. По тюркскому обычаю вся система была направлена на юг – то же самое мы увидим у потомков хуннов – тюрков VI в. и воинов Чингисхана.

В течение многих веков господство над бескрайними степями Центральной Азии принадлежало хуннам, они не только держали в повиновении все жившие здесь кочевые племена и народы, но и были главными противниками китайцев.

В V в. до н. э. в Китае произошли изменения и важные события периода Чжань-го (403–221 гг.). В то время на его территории существовало семь крупных царств: Цинь, Хань, Вэй, Чжао, Янь, Ци, Чу, между которыми велась непрекращающаяся борьба за господство. В результате ожесточенной борьбы царству Цинь удалось уничтожить остальные шесть царств и создать первое в истории Китая централизованное государство.

В эту эпоху китайцы достигли особых успехов в науках и в освоении техники. Тогда же была освоена технология обработки железа. Из него стали изготавливать сельскохозяйственные орудия, использование которых вызывало интенсивное развитие земледелия. Началось

быстрое совершенствование оружия и теории военного искусства. Появились новые виды оружия, такие как самострелы и алебарды. Создавались и новые виды войск. Если раньше основной силой были малоповоротливые, тяжелые на ходу колесницы, то теперь их заменила пехота, а в северных владениях по образцу кочевников была введена конница. Помимо наступательных средств стали совершенствоваться и оборонительные. Города обносились прочными стенами, против которых кочевники, незнакомые с осадной техникой, были бессильны.

После взятия китайцами Ордоса борьба хуннов с китайцами обострилась. Земли к югу от реки Хуанхэ имели для хуннов огромное хозяйственное значение: песчаные барханы с хорошим травяным покровом, солончаковые луга в низинах и многочисленные озера с пресной водой создавали исключительно благоприятные условия для кочевого скотоводства.

Успех китайцев в завоевании хуннских земель был связан с их тысячелетней историей государственности. Что касается хуннов, то, начиная с их легендарного родоначальника Шунвея до шаньюя Туманя, они не имели государственности. В течение более тысячи лет хунны то объединялись и усиливались, то распадались и ослабевали, и это продолжалось до тех пор, пока они не образовали единого Хуннского государства.

В 222 г. до н. э. в китайском правительстве началась междоусобная борьба, в которой победил император Цинь Шихуанди. И пока китайцы были заняты этой борьбой, шаньюй хуннов Тумань вновь занял Ордос.

Император Шихуанди в 215 г. до н. э., закончив войну со своими соплеменниками, послал в Ордос огромную армию (до 300 тыс. человек) во главе с полководцем Мэн Тянем. После битвы с китайцами хунны отступили. Китайцы вновь захватили Ордос. Чтобы усилить Ордос, император приказал начать строительство Великой стены, обеспечившей защиту от хуннов и Великой степи. (Стена была продлена в период правления династии Хань; современный вид она приобрела в период правления династии Мин.)

Стена была проведена не только по географической, но и по этнографической границе Китая; население, жившее к северу от стены, считалось китайцами «варварским», чуждым как по происхождению, так и по образу жизни, а в политическом отношении враждебным.

В 212 г. до н. э. по приказу императора построили прямую дорогу, соединившую вновь созданный в Ордосе округ со столицей империи Цинь. Таким образом, внутренние районы Циньской империи соединились с северными окраинами, что имело не только военно-политическое, но и экономическое значение. Вновь занятые земли были разделены на 34 уезда, в которые направляли переселенцев из внутренних районов страны. Началось строительство новых городов.

В 210 г. до н. э. умер император Шихуанди. На престол вступил молодой император Ху-Хай. Начало его правления в Китае отмечено антиправительственным восстанием. Период правления династии Цинь (221–207 гг. до н. э.) отмечен особо жестоким режимом. В Китае бушевала гражданская война, которая унесла две трети населения.

В 207 г. до н. э. под мощным натиском восставших династия Цинь прекратила свое существование. В 202 г. до н. э. победу одержал Лю Бан, который провозгласил новую династию – Хань (202 г. до н. э. – 220 н. э.). Это был период экономического и культурного расцвета Китая. Во II–I вв. до н. э. в прогрессивном развитии Китая, в активизации его сельскохозяйственной и городской жизни, в развитии ремесел и поднятии политического сознания, главную роль играли политические силы. Все вместе было основной причиной успеха китайцев в борьбе с хуннами.

К рубежу новой эры численность китайцев достигла почти 59,6 млн человек, а хуннов по-прежнему было около 300 тыс., и казалось, силы хуннов и империи Хань несоизмеримы. Так думали правители Китая и их советники. Однако сравнительная сила древности измерялась не только числом жителей. В те времена в Китае преобладал трудолюбивый, но

отнють не воинственный обыватель. Поэтому китайскую армию комплектовали из преступников («молодых негодяев») и пограничных племен, для коих Китай являлся поработителем. И хотя Китай имел прекрасных полководцев, боеспособность армии была не велика.

У хуннов же понятия «войско и «народ» совпадали. Хуннский шаньюй Тумань и его сподвижники были людьми старого склада, степняками. Но среди молодых хуннов уже появилось поколение энергичное, предприимчивое и патриотически настроенное. Одним из таких новых людей был Модэ (209–174 гг. до н. э.). У Туманя было два сына. Согласно обычаю, на престол после его смерти должен был вступить старший сын Модэ. Когда же родился сын от второй жены – наложницы, Тумань решил завещать трон ему. Он отдал Модэ в заложники юэчжи (племенам, жившим в Восточном Туркестане – современной западной части провинции Ганьсу). Затем неожиданно напал на юэчжи, надеясь, что они убьют его сына. Задуманный план не удался. Модэ сумел выкрасть коня и бежал обратно к отцу. Восхищенный такой смелостью, под давлением общественного мнения Тумань поручил ему командование десятитысячным войском.

Командование туменом и положило начало совершенствованию военного искусства Модэ, его способности править. Модэ ввел в своем войске жесткую дисциплину. Воины научились пользоваться стрелой, издававшей при полете свист. Модэ приказал пускать стрелы лишь вслед за его свистящей стрелой: невыполнение этого приказа каралось смертной казнью. Как-то, чтобы проверить дисциплинированность воинов, Модэ пустил свистящую стрелу в своего аргамака и не выстрелившим в великолепного коня приказал отрубить головы. Через некоторое время Модэ выстрелил в свою красавицу жену. Некоторые из приближенных в ужасе опустили луки, не находя в себе сил стрелять в беззащитную молодую женщину. Им немедленно отрубили головы. Однажды на охоте Модэ направил свистящую стрелу в аргамака своего отца, и не было ни одного уклонившегося. Увидев, что воины подготовлены достаточно, Модэ, следуя за отцом на охоту, пустил стрелу в него, и в ту же минуту воины пустили стрелы в шаньюя Туманя.

Воспользовавшись смертью отца, Модэ покончил с мачехой, братом, старейшинами и объявил себя шаньюем. Это было в 209 г. до н. э. Придя к власти, он взялся за создание первого Хуннского государства, которое в последствии стало мощной державой. Укрепляя повсеместно дисциплину, Модэ начал подготовку к войне с китайцами за освобождение захваченных хуннских земель. Однако в это время произошло ухудшение отношений с дунху, монгольскими племенами, которые стали сильны и достигли своего расцвета. Приведем несколько эпизодов, касательно отношений с дунху, восточными соседями хуннов, которые ярко характеризуют Модэ уже как состоявшегося правителя.

Узнав, что у хуннов произошел переворот, учитывая сложную обстановку внутри создавшегося государства, дунху выслали послов с заверениями в дружбе и в подтверждение тому с просьбой получить в подарок принадлежавшего Туманю коня. Модэ посоветовался со своими сановниками, и те сказали: «Конь, пробегающий 100 ли в день, является драгоценным для хуннов, не отдавай его». Модэ ответил: «Разве можно жить рядом с другим государством и жалеть для него коня?» Он отдал послам коня.

Через некоторое время дунху, полагая, что Модэ весьма сговорчив, отправили послов передать ему, что они хотят получить старшую жену шаньюя. Модэ вновь решил посоветоваться с приближенными, на что те с негодованием ответили: «Дунху не знают правил приличия, а потому требуют жену шаньюя. Нападите на них». Модэ воскликнул: «Разве можно жить рядом с другим государством и жалеть для него женщину?» И он отдал свою любимую жену послам.

Правитель дунху, уверовав в свое превосходство, решил захватить восточные земли хуннов. Между дунху и хуннами лежала брошенная земля, на которой никто не жил. Дунху отправили послов сказать Модэ: «Брошенную землю за пределами твоей заставы, служа-

щую границей между хуннами и нами, хунны не должны посещать, мы хотим владеть ею». Модэ вновь решил посоветоваться с сановниками, и некоторые из них сказали: «Это брошенная земля, ее можно отдать, а можно не отдавать». Модэ готовился к созданию Хуннского государства, ему нужны были единомышленники. Однако позиция старейшин еще раз продемонстрировала, что в его окружении людей с государственным мышлением совсем не много. С теми, кто родовые интересы ставил выше государственных, разумеется, государства не построишь, но и бороться с ними, стоявшими во главе родов и племен, имеющим сильные военные отряды или даже войска, – непросто. Требовались убедительные действия со стороны Модэ в доказательство того, что эти люди не способны управлять государством. И действия последовали. Сказал: «Земля – основа государства, разве можно отдавать ее? Земля дана каждому народу Великим Тэнгри. Есть земля – есть народ, и можно создать государство», – и всех, советовавших отдать землю, приказал казнить.

Этот эпизод вошел в историю тюрков и прославил Модэ навечно. Можно было отдать коня – богатство, можно отдать даже любимую женщину – поступиться личными интересами, но не под каким предлогом нельзя отдавать землю, даже если она «брошенная». Модэ дал приказ всем хуннским родам, всем воинам срочно явиться на войну, а опоздавшим с явкой на сборный пункт в указанное время рубить головы. С огромным войском Модэ двинулся против дунху и внезапно напал на них. Дунху, пренебрегавшие до сих пор Модэ-шаньюем, не предприняли мер предосторожности: Модэ разгромил дунху наголову, убив правителя и взяв в плен его людей. Остатки племени дунху поселились у гор Ухуань и Сяньби.

В войне с дунху хунны одержали блестящую победу и, развивая успех, напали на северные тюркские племена динлинов. Разгромив их, двинулись к реке Иртыш. Затем направились на восток, одерживая одну победу за другой, и вышли к берегам Тихого океана.

Дав возможность своему народу и войску отдохнуть, Модэ начинает войну против китайцев. Как ни старались разведчики китайцев, так и не смогли узнать ни численности хуннского войска, ни замыслов, ни сроков и места наступления. Войско китайцев по численности в 15–20 раз превосходило хуннов, они в основном были пешими, и самоуверенность китайских полководцев в отношении хуннов была велика. Войско шаньюя Модэ состояло из конницы, было маневренным и мощным. Непосредственно в боях и в ходе вой ны боевое искусство Модэ раскрылось в полной мере. Обычно, готовя войско, тех, кто послабее, он ставил вперед, а сильных, хорошо вооруженных – по флангам и в резерв. Спустя какое-то время после начала сражения передние, не выдержав натиска, отступали, китайцы, преследуя их, растягивались, терялся порядок и терялось управление войском. Тут-то на них обрушивались с флангов основные, свежие силы шаньюя Модэ и разбивали противника наголову. Как мы уже отмечали, Модэ ввел в ратный арсенал свистящие стрелы. Звуки сотен, тысяч таких стрел, слившись воедино, издавали такой устрашающий вой, что противник уже заранее впадал в панику.

В результате многолетней войны шаньюй Модэ отвоевал у китайцев и вернул хуннские земли Ордоса. Государство его расширилось, и созданная им держава была настолько сильна, что китайцы сравнивали ее с Ханьской империей. В войско в случае необходимости можно было собрать до 300 тыс. лучников. С хорошо подготовленными войсками Модэ пересек границу и начал наступление на Китай.

В 200 г. до н. э. китайский император Лю Бан решил лично нанести поражение шаньюю Модэ. Возглавив огромное войско из 300 тыс. воинов, он двинулся против хуннов. В это время Модэ из Дайгу, где размещались его войска, выслал 100 тыс. всадников, которые должны были завлечь императора Лю Бана в засаду на горе Бейден, расположенной в 17 км к востоку от Пинчэна. Одну часть отборных войск он спрятал вдоль дороги, ближе к горам, другую – в засаде в горах. Высланные навстречу Лю Бану хуннские воины атаковали китай-

скую армию. Началась битва. Хуннские воины «не выдержали» контратаку китайских войск и стали отступать к горам. Китайские войска во главе с императором устремились за бегущим противником. После того как авангард с императором вошел в ущелье, Модэ пустил из засады всадников, которые окружили их. Другие отряды, спрятавшиеся вдоль дороги, разбили и отбросили оставшиеся без императора китайские войска. Все это происходило зимой, стояли сильные морозы. Семь дней авангард китайской армии во главе с императором, оторвавшись от основной армии и обозов, находился в окружении без запасов продовольствия. Китайские войска, разделенные надвое, ничего не смогли сделать для спасения императора. Критическое положение вынудило Лю Бана отправить лазутчика с подарками к жене Модэ. Китайский лазутчик добрался до жены Модэ и сумел подкупить ее. Она стала советовать мужу помириться с императором, сказав, что, приобретя китайские земли, хунны все равно не смогут на них жить. Подумав, что на чужой земле не приобретешь ни счастья, ни покоя, Модэ отказался от дальнейшей борьбы и приказал открыть проход войскам императора. Китайские войска вышли и соединились со своими главными силами, а Модэ повернул войска на Ордос.

С выходом Лю Бана из окружения военные действия, тем не менее, не прекратились. Модэ стал часто нападать на Китай с целью грабежа. Непрерывные набеги тревожили императора, поэтому один сановник предложил императору отдать Модэ в жены старшую дочь, послав ему щедрые подарки: «Модэ будет твоим зятем, а родившийся от нее сын – твоим внуком. Внук императора не станет нападать на своего деда и таким образом в будущем удастся не только достигнуть мира, но и подчинить Хунну». Император так и сделал.

Так в 198 г. до н. э. было положено начало унизительному для Китая договору с хуннами, известному в истории как договор о мире, основанный на родстве. Договор «мира и родства» заключался в том, что китайский двор выдавал царевну за Модэ и обязывался ежегодно посылать ему обусловленное в договоре количество даров. Это была замаскированная дань.

Могущество хуннов возрастало. Но военное командование и управление народом возможно лишь при наличии сильного аппарата центральной власти. Эта власть достигалась путем установления государственной собственности на землю и регламентации перекочевок.

Особенность новой социальной структуры, появление которой говорило о возникновении государства, состояла в ее тесной связи с военной организацией. Все земли, принадлежавшие Хунну, оказались под властью шаньюя, раздававшего уделы своим сыновьям и ближайшим родственникам, которые в свою очередь наделяли землей приближенных. За предоставленные участки для содержания скота кочевники несли в отношении государства повинности хозяйственного характера, куда входило обслуживание почтовой связи и т. д., но главной была воинская повинность. Воинами считалось все мужское население. У хуннов все возмужавшие юноши, которые могли натягивать лук, становились конными латниками. Появился и аппарат принуждения. Установленные правила требовали безоговорочной явки воинов на сборный пункт в назначенное время.

Для содержания шаньюя и вельмож требовались средства. Роды и свободные воины были не согласны никому платить, так как в этой уплате они усматривали ущемление своей свободы. Средства поступали с подчиненных племен в виде дани от врагов и в виде военной добычи.

Основным оружием хуннского всадника были лук, копье и меч. Китайские полководцы писали о них так: «Перед решительным наступлением противника хуннские всадники расступаются подобно стае птиц, для того чтобы собраться и снова вступит в бой. Отогнать их легко, разбить трудно, уничтожить невозможно. Хунский род был патриархальным, т. е. дети принадлежали отцу, а не матери. Женятся они вот так: всякий берет столько жен, сколько

пожелает, хотя бы сотню, коли может их содержать. Приданое отдается матери жены, а жена мужу ничего не приносит. Первую жену почитают за старшую и самую милую».

У хуннов были развиты родовая взаимопомощь и общественная солидарность, нарушение которых каралось смертью: «Извлекший из ножен меч на один фут подлежит смерти». При таком строгом законе хунны боялись ссориться друг с другом. «Они редко бранятся между собой и никогда не дерутся, воров у них нет, друг с другом общительны и помогают в беде, даже в пьяном виде не бранятся и не дерутся», – отмечал Бичурин.

Хунны чтили одно божество – Тангри. Они верили в Бога Неба – Тангри и Землю. Небо – отец, добро, а Земля – мать. Хунны, согласно обычаю, три раза в год совершали жертвоприношение в ставке, где при 1, 5 и 10-й луне приносили жертвы духу Неба. В первой луне каждого года все начальники съезжались на малое собрание в ставку шаньюя и приносили жертвы предкам, Небу, Земле, духам людей и небесным духам. Осенью, когда лошади откормлены, съезжались на собрание, где подсчитывали, проверяли число людей и домашнего скота; обсуждали государственные дела и устраивали развлечения – скачки лошадей и бег верблюдов.

В 195 г. до н. э. император Лю Бан умер. Поскольку его сын, наследник, был малолетним, страной стала управлять императрица Люйхоу – жена Лю Бана.

В 192 г. до н. э. Модэ написал письмо и отправил гонца доставить его императрице Люйхоу. В письме говорилось: «Я одинокий (у Модэ было уже 4 жены) и находящийся от этого в возбуждении государь, родился среди низин и болот, вырос в краю степных волов и лошадей. Несколько раз подходил к границам, желая подружиться с Китаем. Вы, Ваше Величество, сидите одна на престоле, а я, одинокий и возбужденный, не имею никого рядом. Обоим нам скучно, мы лишены того, чем могли бы потешить себя. Хотелось бы поменять то, что имею, на то, чего не имею».

Разумеется, императрица, прочитав это послание, пришла в ярость. Однако помощники успокоили ее, и она составила письмо с отказом, сославшись на свою старость. Между странами по-прежнему продолжались отношения, установленные договором о мире, основанном на родстве.

Тем не менее это не мешало хуннам продолжать набеги (несмотря на Великую стену): они вступали в Китай в 166, 159, 144, 129 гг. до н. э. и доходили до нынешнего Пекина. Устанавливалось равновесие сил между Ханьской оседлой империей и кочевым царством хуннов.

После смерти императрицы Китаем правил император Вэн-ди, который признал Хуннскую державу равной Ханьской империи, а шаньюя назвал братом. Для хуннов это было большим достижением. До сих пор ни один вождь кочевых племен не мечтал сравниться с Ханьским императором.

В 177 г. до н. э. хуннским войскам удалось разбить тюркские племена юэчжей. В результате этой победы хунны присоединили к Хуннскому государству все княжества Восточного Туркестана. На арене истории появилось Великое Хуннское государство, которое простиралось от Восточного Туркестана до Кореи.

Итак, во II в. до н. э. решалась судьба хуннского народа. Если бы не ум и энергия Модэ, хунны истратили бы свои силы в родовых распрях или в бессистемных грабежах и истребительных войнах с соседями, а земли их были бы захвачены. Реформы Модэ, такие как поголовная воинская обязанность, безусловное подчинение начальникам и создание системы чинов, а самое главное, что земля рассматривалась как основа создания государства, – все это консолидировало хуннов и способствовало превращению их в сильнейшее государство Азии.

Шаньюй Модэ умер в 174 г. до н. э. Его потомки преумножили славу Хуннского государства. Политическое и военное искусство, унаследованные от Модэ, еще долго и успешно

служили тюркам. Государство Хунну было первым известным нам крупным государством тюрков и просуществовало с 209 г. до н. э. до 216 г. до н. э.

Сын Модэ Гиюй, вступивший на престол под именем Лаошань-шаньюя, получил в наследство мощную державу. Он продолжил ратные дела своего отца, и в частности, борьбу на западе в Восточном Туркестане, в Семиречье, с тюркскими племенами юэчжи, с народом, который заявил о себе в контексте мировой истории.

Изгнание хуннами юэчжей из Западного Ганьсу и его последствия в евразийском мире

Юэчжи – еще один народ туранского мира. Этот этнос появился, гранича на северо-востоке с хуннами, а на юго-востоке – с царством Цинь. Согласно китайской географии того времени, во владении юэчжей находились пустынные земли между Ордосом и оазисом Хами, но, по-видимому, эту территорию они просто захватили, имея базой богатую пастбищами Западную Джунгарию, к которой с севера примыкает Монгольский Алтай.

В 177 г. до н. э. шаньюй Модэ, продолжая войну с племенем юэчжи Западного Ганьсу, нанес им первое поражение.

Его сын и наследник Лаошань (174–161 гг. до н. э.) окончательно победил юэчжей, сделал кубок из черепа их царя и заставил их уйти на запад, вызвав таким образом первый отток народов в Верхнюю Азию, который отмечен в мировой истории.

Некоторые востоковеды предлагали идентифицировать юэчжей с тохарами – народом, хорошо известным греческим историкам тем, что во II в. до н. э. они ушли из Туркестана в Бактрию, а также с индо-скифами; по сути, тохары и индо-скифы – это один и тот же народ в два разных периода своего существования, который считается скифского происхождения, т. е. индоевропейского. Кстати, Густав Халун видит в китайском названии «юэчжи» старое произношение «згуджа», т. е. «скифы». В частности, эта идентификация опирается на тот факт, что в нынешнем Западном Ганьсу, который, по свидетельству китайских историков, в начале II в. до н. э. был родиной юэчжи, Птоломей (в том же временном периоде) отмечал народ «тагури», гору Тагурон и город Тогара. Он же называет такие страны, как Бешбалич, Турфан, Карашар и др. Страбон же упоминает племена тохаров в числе народов, которые отобрали Бактрию у греков-бактрийцев, т. е. в то время, когда китайские историки указывают на появление юэчжей у границ Тахья, т. е. Бактрии.

Прежде чем продолжить тему идентификации юэчжей, следует остановиться на том, что же представляло из себя Бактрийское царство в древности.

Бактрия – область, славившаяся в ту пору плодородием, находилась к северу от Афганистана и соседних с ним территорий (ныне территория Афганистана и частично Узбекистана и Туркмении). При Ахеменидах была сатрапией, оказавшей упорное сопротивление Александру Македонскому, который покорил ее в 329 г. до н. э. В середине III в. до н. э. Диодот I основал здесь царство, независимое от Селевкидов (македонская династия); его преемник Эвтидем I (правил ок. 235–200 гг. до н. э.) вынужден был признать своим сюзереном Антиоха Великого, а Менандр (правил в 155–130 гг. до н. э.) завоевал территорию современного Афганистана, часть Пакистана и Туркестана.

Такова была история Бактрии до юэчжей. Однако вернемся к вопросу их идентификации.

По нашему мнению, существует убедительный аргумент за то, что юэчжи в китайских хрониках – это «тохары» греческих историков, «тукара» в санскритских текстах и будущие индо-скифы римской эпохи. Кстати, оазисы Северного Тарима, которые, несомненно, были если не исконной страной юэчжей, то, во всяком случае, частью территории родственных им племен, а в Турфане, Карашаре и Куче еще в Средневековье (V–VIII вв.) говорили на индоевропейских языках, которые лингвисты совсем недавно называли «тохарийскими», а сегодня согласились считать «кучийским», «карашарийским» и т. д.

Таким образом, очевидно, что индоевропейские племена на заре истории ушли далеко на восток. Тот факт, что Западная Сибирь, возможно даже район Минусинска, была населена до новой эры скифо-сарматскими народами, и также то, что на обоих склонах Тянь-Шаня, со стороны Ферганы и Кашгара, в ахеменидскую эпоху жили саки, говорившие на восточноиран-

ранском языке, подтверждает эту гипотезу. Значительная часть нынешнего Восточного Туркестана была населена индоевропейской, либо восточноиранской (Кашгар), либо тохарийской расами (Куча, Ганьсу), таким образом, юэчжи должны относиться к последней ветви.

Но сведения из китайской истории указывают на первые пертурбации индоевропеизма в этих крайних точках: хунны наносят серьезное поражение юэчжам, затем вынуждают этот народ уйти из Ганьсу на запад, через северную часть Гоби (165 г. до н. э.), лишь часть юэчжей («маленькие юечжи», как их называли китайцы – «сяо юэчжи») обосновалась на юге Тянь-Шаня, среди кьянгов, или тибетцев, язык которых двести пятьдесят лет спустя они сделали своим. Другая часть юэчжей («большие юэчжи», или «та юэчжи»), пройдя через Гоби, пыталась остановиться в долине Или и в бассейне Иссык-Куля, но их сразу прогнали усуни. Усуней китайские историки описывают как людей с голубыми глазами и рыжей бородой. Ярл Карпентьер связывает имя «усуни» с именем «асианои», или «асионы», второе название сарматского племени аланов, т. е. он видит в них предков или сородичей аланов. Если принять эту гипотезу, тогда получается, что часть усуней, по тем же причинам, что юэчжи и хунны, ушли в направлении Южной России, где несколько раньше сарматов начали вытеснять скифские племена.

Как бы то ни было, юэчжи, которых изгнали из Ганьсу хунны, пытались вначале закрепиться в долине р. Или, но местное население, усуни (возможно, ветвь прототюрков), оказало сопротивление. Тогда юэчжи перешли Ферганскую долину в Согдиане, где они разрушили Греко-Бактрийское царство, последний осколок империи Александра Македонского. По нашим сведениям, это – первое крупное, исторически установленное переселение народа, сопоставимое по масштабу с другими, которые имели место в истории. В этом практически заключается весь событийный ряд великих завоеваний. Юэчжи продолжили их, покорили илийских усуней и совершили грандиозный поход. На юге они столкнулись с китайцами. Но те, к их счастью, переживали в это время эпоху процветания и могущества.

В районе нынешнего Ташкента, в Фергане и Кашгаре жил народ, известный под именем ссеи, персам и индусам – под именем сака, грекам – саки, т. е. «азиатские скифы». Речь идет о ветви большой скифо-сарматской группы, кочевниках-иранцах северо-западных степей. Язык, приписываемый им, – сакский, много текстов на котором, датируемых ранним Средневековьем, обнаружено в Хотане, по сути – это диалект восточноиранского.

Появление юэчжей среди сакских племен вызвало общее смятение. Под давлением юэчжей саки вторглись в Согдиану, затем в Греко-Бактрийское царство.

Между 140 и 130 гг. Бактрию действительно отвоевали кочевые племена, самыми известными из которых Страбон называет асианоев, пасианоев, тохараев и сакаралаев, пришедших из стран севернее Яксарта (Сырдарьи). Точная идентификация этих племен невозможна.

Как сказано выше, Карпентьер считал сианоев усунями из бассейна Или; сакаралаи, или сакараи – это, возможно, древнее племя саков; тохары – основа народа юэчжи.

В 128 г. до н. э. китайские историки уже считали юэчжи покорителями Согдианы («страны к северу от реки Вей», т. е. Окса – Амударьи), и, по свидетельству «Цяньханьшу» («Истории Старшей династии Хань», составленной Бань Гу в I в. н. э.), их столицей был город Кьеньше, из названия которого Ханеда Тору фонетическим путем выводит слово Канда, сокращенное от Мараканда, или Самарканда. Китайские историки добавляют, что юэчжи подчинили себе Бактрию. Возникает вопрос: были ли властители Бактрии, покоренные народом юэчжи, бактрийскими греками, которых саки еще не изгнали, или же это были сами саки? Многие востоковеды полагают, что вскоре после этого, около 126 г. до н. э., юэчжи, не довольствуясь ролью сюзеренов Бактрии, перешли Окс и фактически заняли эту провинцию. При этом они ссылаются на отрывок из «Хоуханьшу» («Истори Младшей династии Хань»), где описывается, как юэчжи переселяются в Бактрию и делят эту страну между

пятью вождями («ябгху»). В более поздней книге «Цяньханьшу» упоминается, что «люди Тахья» (т. е. бактрийцы) не имели выдающихся вождей, у них были мелкие правители городов или селений, и в целом это был тихий и боязливый народ (т. е. никак не греческие авантюристы), что с появлением юэчжи они подчинились пришельцам. Это довольно расплывчатые сведения, хотя существует другой, более четкий документ в «Хоуханьшу» («История Младшей династии Хань»), который гласит, что в 84 г. до н. э. китайский генерал Бань-Чао потребовал от царя юэчжей оказать почести царю Согдианы. Таким образом, в то время Согдиана и страна юэчжей были раздельными, поэтому последних следует искать, скорее всего, южнее, рядом с Бактрией. Значит, после недолгого пребывания на северном берегу Окса племена юэчжей переправились через реку и вытеснили саков. Однако историк Тарн прямо указывает на то, что именно юэчжи отобрали Бактрию у греков. В любом случае это был толчок к большому передвижению народов через Восточный Иран. Саки, отброшенные на юг племенами юэчжей, захватили Дрангиану (Систан) и Аракозию (Кандагар). С тех пор эти провинции стали называться «сакской страной», Сакастан, отсюда персидское название Систан.

С этих мест кочевники ринулись на Парфянскую империю и едва не разгромили ее.

Здесь следует сделать небольшое отступление и более подробно остановиться на македонской династии Селевкидов и Парфянской империи.

Селевкиды правили на Ближнем и Среднем Востоке с 312 г. до н. э., когда Селевк I, полководец Александра Македонского, присоединил к Вавилону Мидию и Сузиану. Затем его империя начала расширяться: он занял Сирию, основав там в 300 г. до н. э. Антиохию, а после победы над Лисимахом (281 г. до н. э.) овладел всей Малой Азией.

Преемники Селевка утратили контроль над Сирией и Малой Азией, которые затем несколько раз переходили из рук в руки, и на Востоке была основана Парфянская империя.

Традиционно основанием Парфянской империи считается 247 г. до н. э., когда Аршан I поднял восстание против Селевкидов. К концу II в. до н. э. она охватывала территорию от реки Ефрат на западе до Афганистана на востоке. К середине I в. до н. э. – период расцвета империи – территория государства простиралась от Двуречья до реки Инд. Парфяне были основными соперниками Рима на Востоке: в 53 г. до н. э. парфяне в битве при Каррах разгромили римского полководца Красса.

Что касается дальнейшей истории династии Селевкидов, то в годы правления Антиоха III (223–187 гг. до н. э.) был вновь установлен контроль над Сирией и Малой Азией, ему также удалось вернуть Палестину, но, завоевав Фракию и вторгшись в Грецию, он столкнулся с Римом. При Фермопилах Антиох III потерпел поражение и в 188 г. до н. э. заключил мир, по условиям которого уступил Малую Азию римлянам. После этого Селевкиды утратили свое влияние.

Но вновь обратимся к 125 г. до н. э., когда парфянский царь Фраат II, которому в Мидии угрожали Селевкиды в лице сирийского царя, имел неосторожность обратиться за помощью к варварам. Те не замедлили явиться, но скоро повернули оружие против Фраата, который был побежден и убит (128 или 127 г. до н. э.). Новый парфянский царь Артабан II получил смертельную рану во время контрнаступления на тохарийцев (124 или 123 г. до н. э.), и этот факт доказывает, что юэчжи из китайской истории, если они действительно соответствуют тохарам из греческой истории, в то время уже обосновались в Бактрии и называли ее Тохаристан.

Парфянский царь Митридат I (128—88 гг. до н. э.) сумел остановить натиск кочевников и даже стать сюзереном саков Сейстана. Тем не менее в 77 г. до н. э. сакаралаи были достаточно сильны в Иране, чтобы снова посадить на парфянский трон своего протеже по имени Синатрук или Санатроик, который впоследствии захотел стать их предводителем и погиб в борьбе с ними (70 г. до н. э.).

Истории Ирана и Индии было суждено следовать судьбам саков и юэчжей в этих регионах. Стоит напомнить, что из Систана и Кандагара саки распространились в районы Кабула и Пенджаба, затем, когда эти земли захватили юэчжи, пришли в Мальву и Гуджерат, где сакские сатрапы продержались до IV в. Что касается бактрийских юэчжей, китайские историки свидетельствуют, что в I в. они основали знаменитую династию Кушанов. С того времени их могущество резко возросло. Соседние царства называли их «кушаны», только хунны попрежнему называли их «юэчжи». Эти кушаны были одним из пяти кланов, которые в 128 г. до н. э. поделили между собой Бактрию.

Хунны – главный противник империи Хань

Китай провозгласил политику, от которой с тех пор не отступал: речь идет о гибком сочетании политических и военных действий. Будучи прирожденными мастерами интриг, жертвой которых нередко становились тюрки, китайцы непрестанно разжигали распри и натравливали друг на друга членов императорских семейств, вдохновляли бунтовщиков – словом, сеяли смуту в их рядах. Китайцы пытались, правда с меньшим успехом, привлечь на свою сторону юэчжей, однако те оставались глухи к китайским сладкоголосым сиренам.

Лаошань-шаньюй, принимая и хорошо обеспечивая жизнь китайских специалистов–перебежчиков (по примеру своего отца), с их помощью усовершенствовал государственное делопроизводство. Начали регулярно вести перепись населения, упорядочилось обложение налогами вассальных народов и т. д. От торговли с Китаем у хуннов появились китайские товары, лакомства и хлеб, но правительство Китая держало торговлю в своих руках. Недостаточное количество тканей и хлеба, получаемых от торговли с Китаем, толкало хуннов к войне. И она не заставила себя долго ждать. В 166 г. до н. э. Лаошань-шаньюй пошел войной на Китай со 140-тысячной армией. Захватив множество пленных и имущества, он сжег летний дворец императора и с богатой добычей покинул Китай, разграбив всю восточную границу. В 162 г. до н. э. император Ван-ди запросил мира. Для Китая этот мир был позорным. Китай обязывался ежегодно отправлять в Хунну «известное количество проса и белого риса, парчи, шелка, хлопчатки и разных других вещей». Это была завуалированная дань.

Лаошань умер в 161 г. до н. э., и на престол сел его сын Гюньчень, который старался сохранить мир с Китаем. В 152 г. до н. э. был заключен договор, по которому пограничные рынки открывались для свободного обмена и, сверх того, шаньюю была отдана в жены китайская царевна с большой данью. Это был год наивысшего могущества хуннов. Теперь они доминировали в Восточном Гоби, в Верхней Монголии, где резиденция шаньюя находилась недалеко от Каракорума, в Орхоне, а так же во Внутренней Монголии, у подножья Великой стены. Тем не менее их конные отряды, продолжали совершать дерзкие набеги на китайские земли.

В 142 г. до н. э. хунны атаковали Великую стену со стороны Йеньмэня вблизи Татона, к северу от Шэньси. Вся китайская граница была объектом нападений, когда на ханьский трон сел выдающийся император У-ди (140—87 гг. до н. э.). С приходом к власти он сразу начал готовиться к войне с хуннами. Вначале он хотел применить хитрость: заманить хуннов в засаду через китайского лазутчика, втершегося в доверие к шаньюю, но замысел императора был раскрыт хуннами. Тогда император направил своего приближенного Чжань Цяня с заданием убедить юэчжи напасть на хуннов одновременно с китайскими войсками. Хунны узнали об этом через своих шпионов и в ответ вторглись в китайские северные провинции, разбили войско, разграбили всю местность и увели с собой пленных. Что касается юэчжи, то они были довольны своим новым царством в Бактрии, и дела Гоби их больше не интересовали.

У-ди начал войну в одиночку. Его генерал Вей-Цинь, выйдя с войском из Татона (129 г. до н. э.), в северной части Шэньси, пересек Гоби, дошел до Лоня на берегу Онгинь-гола и обратил хуннов в бегство. В 127 г. до н. э. китайцы создали военную колонию, построив новую крепость Шо-Фан, на Хуанхэ, между Ордосом и Алашанем.

Зимой 126 г. до н. э. умер Гюньчень-шаньюй, внук Модэ. Он не уронил достоинства державы, созданной его дедом, и выдержал шестилетнюю войну с противником, который был во много раз сильнее. На престол сел его брат Ичиси-шаньюй. Он удачливыми набегами разрушил и разграбил северные провинции и области Китая, а в 125 г. до н. э. шаньюй ворвался в Ордос, но не смог его удержать.

В 121 г. до н. э. племянник Вей-Циня, юный полководец Хо-Цюй-Бин, с отрядом в 10 тыс. всадников изгнал хуннов из Ганьсу. Обе второстепенные орды хуннов, которые владели этой страной – орда хуэнь-си с центром в Ганьчжеу и орда хьеу-чу с центром в Ланьчжеу, – отказались служить шаньюю и перешли на службу Империи, став членами китайской федерации к северу от земель Наньшань.

Тем временем У-ди готовился к новому наступлению на хуннов.

В 119 г. до н. э. Вей-Цинь и Хо-Цюй-Бин – первый из района Кукукото в северной части Шэньси, а второй из Чаньку, северо-западнее Пекина, – прошли через Гоби до Внешней Монголии, т. е. до центра Хуннской империи. Очевидно, Вей-Цинь дошел до нижнего течения Онгинь-гола, захватил врасплох шаньюя Ичиси и обратил его в бегство. 19 тыс. хуннов были убиты или попали в плен. Хо-Цюй-Бин совершил еще более дерзкий марш: на 1000 км проник во Внешнюю Монголию до верховьев Орхона. Он взял в плен около сотни хуннских вождей и совершил торжественные жертвоприношения в горах хуннской страны. (Хо-Цюй-Бин умер в 117 г. до н. э., вскоре после возвращения из похода.)

Хунны вынуждены были оставить Инышань и отступить за песчаную пустыню. Границей между Китаем и Хунну стала пустыня Гоби. Китайцы, учитывая важность одержанной победы, поспешили закрепиться на завоеванной территории. Император У-ди вновь начал набор войска и лошадей для нового похода на хуннов.

В 114 г. до н. э. умер Ичиси-шаньюй, и власть перешла к его сыну Увею.

В 108 г. китайский генерал Чао-По-Ну пошел еще дальше на северо-запад – до царств Леулань, Лобнор и Кью-Че. Он пленил царя Леуланя и сделал своим вассалом правителя Кью-Че. К тому времени Китай установил торговые связи с Ферганой (Даюнь в китайской транскрипции), где жили восточные иранцы, или саки (родственные скифам-кочевникам), которые поставляли китайцам лошадей лучших мавераннахрских пород.

В 105 г. до н. э. ферганцы, уставшие от поборов, убили китайского посла. В 102 г. до н. э. китайский генерал Ли-Куань во главе 60-тысячной армии совершил беспримерный в истории марш-бросок на Фергану. Правда, когда он дошел до Ферганы, у него оставалось только 30 тыс. воинов. Он разрушил столицу – возможно, город Усрушна (нынешний Ура-Тюбе), в том числе ирригационные каналы, и ушел только после того, как получил дань в виде 3 тыс. лошадей. Надо отменить, что кампании китайцев в Фергану имели целью не территориальные завоевания. Им было нелегко сражаться с грозной конницей хуннов и их искусными лучниками, которые на своих низкорослых монгольских лошадях (лошадь Пржевальского) периодически вторгались в Китай. У китайцев были такие же лошади, хотя всадники уступали кочевникам. А в Фергане, как и в соседней Согдиане, были настоящие боевые кони, как ранее было сказано, мавераннахрской породы, возможно, именно таких греки увидели в Мидии и назвали их «нисейскими». Поэтому китайцы решили пересадить часть своей конницы на этих лошадей, чтобы получить превосходство над хуннами.

Разумеется, император понимал, что главная проблема – хуннская – еще не решена. Советники представили У-ди оригинальный план борьбы с хуннами: они предложили привлечь на сторону Китая тюркские племена усуней (поселившихся в Восточном Туркестане), опираясь на них, склонить к подданству Бактрию и другие владения на западе и этим отсечь «правую руку хуннов».

Но усуни были вассалами хуннов и по образу жизни тяготели к ним, а согдийские владетели несравненно приветливее принимали хуннских послов, чем китайских. Для того чтобы воздействовать на них, Китаю было необходимо ублажать их. И в 107 г. до н. э. китайцы привезли в жены усуньскому вождю (йабугу) китайскую царевну. Китаянка, времени не теряя, создала прокитайскую группировку, которая и после ее смерти продолжала существовать, реализуя планы У-ди на западе. Семь лет готовился император У-ди к новой войне.

В 101 г. до н. э. талантливый вождь хуннов неожиданно умер, и наследником престола оказался младенец – внук покойного. Однако время требовало энергичного правителя, посему на курултае был избран один из низших принцев крови – Цзюйдихэу, который спустя некоторое время умер и на престол взошел его сын Хулугу.

Хулугу получил сведения о готовящемся наступлении китайской армии. На помощь шаньюю пришли енисейские тюркские племена динлины, монгольские племена сяньби, забайкальские племена тоба и др. Кстати, согласно археологическим данным, в Забайкалье найдено немало предметов, оставшихся от хуннов и обнаруженных в могилах Дерестуйска, датируемых (по китайским монетам) примерно 118 г. до н. э., и в захоронениях под Читой, также относящихся ко II–I вв. до н. э. Забайкалье представляло собой хуннский тыл, где черпали свои резервы орды, угрожавшие Китаю в районе излучины Ордоса.

Итак, Восточная Азия разделилась на два лагеря. И лишь усуни не приняли участие в предстоящей войне, внутри усуни китаефилы боролись с хуннофилами.

Первым этапом китайская армия двинулась с запада в Джунгарию. Но китайский удар ничего не достиг, и на этом закончились действия западной армии.

Восточная армия углубилась в степь и в горы, но когда припасы закончились и китайская армия повернула назад, ее атаковали и изрядно потрепали хунны. Так закончилась восточная операция.

Основные силы Хулугу направил навстречу главной армии. Китай потерпел небывалое поражение, которое перечеркнуло все достигнутые до этого успехи в борьбе против хуннов. От этого разгрома Китай долго не мог оправиться. Хунны в 90 г. до н. э. вновь стали хозяевами Восточной Азии. Их победа оказала влияние на ход развития мировой истории – хунны не допустили заселения китайцами Великой степи.

Согласно китайским источникам, Хулугу в 89 г. до н. э. отправил У-ди письмо следующего содержания: «На юге есть великое государство Хань, а на севере могущественные хунны. Хунны – это любимые сыны Неба (Тэнгри), поэтому не обременяю себя мелкими правилами приличия. Ныне я хочу открыть вместе с Хань большие заставы для торговли, взять в жены дочь из дома Хань, хочу, чтобы мне ежегодно посылали 10 тыс. даней рисового вина, 5 тыс. ху проса, 10 тыс. кусков различных шелковых тканей, а также остальное, согласно прежнему договору, и в этом случае на границах не будет больше взаимных грабежей». Источники не уточняют, каков был ответ императора, но война не возобновилась, а в 87 г. до н. э. император У-ди умер.

В последующие времена хунны и китайцы, не вступая в открытую войну, оспаривали власть над северными оазисами Тарима, т. е. контроль над Великим Шелковым путем.

Что же касается послевоенного периода, то среди хуннов увеличилось количество китайского населения: то были пленные и перебежчики, воры и преступники, набранные на войну. Среди хуннской знати стали появляется прокитайские группировки. Женившись на китаянках, хуннские дети получали китайское воспитание, тяготели к китайской культуре и больше думали не о войне, а о дружбе с Китаем. Китайское правительство внимательно следило за политической ситуацией внутри государства Хунну.

В 85 г. до н. э. умер шаньюй Хулугу, его распоряжение о престолонаследии было нарушено не без помощи прокитайских придворных: вместо западного принца на престол был посажен восточный – Хуаньди, по сути марионетка в руках прокитайской группировки.

В 77 г. до н. э. царь Леуланя (правитель Лобнора) вступил в союз с хуннами и взбунтовался против китайского владычества, но он был обезглавлен, а в его стране появилась китайская колония. При ханьском императоре Сюаньди (73–49 гг. до н. э.) имела место решительная экспансия Китая в бассейне Тарима. Император заявил: «У ханей есть свой закон – это закон завоевателей!» В 71 г. до н. э. китайский генерал Чань-Хуэй помог усуням долины Или в борьбе против хуннов. Дело в том, что усуни начали активно ориентироваться на

Китай. Хунны потребовали от усуней, своих вассалов, прекращения связей с Китаем. Император Сюаньди с восторгом принял предложение усуней о военном союзе и нападении на хуннов. Китай мобилизовал на эту кампанию 160 тыс. легких конников, и хунны не устояли.

В 67 г. царство Турфана (Кью-Че), бывшее союзником хуннов, захватил китайский генерал Чень-Ки. В 65 г. другой военачальник, Фон-Фон-Ше, сверг царя Яркенда и поставил оазис под китайский контроль. В следующем году китайский гарнизон был вынужден уйти из Турфана, который тут же попал под влияние хуннов, но в 60 г. Чень-Ки снова оккупировал это царство. Он создал крупный военный лагерь в Курлей, к югу от Карашара, и стал управлять Таримом из Улэй – между Карашаром и Кучей. Так китайцы лишили хуннов контроля над Шелковым путем. Начиная с 60-х гг. до н. э., кочевников раздирали гражданские войны.

Пока хунны терпели поражения, внутри государства шла мощная политическая борьба за власть, в результате которой всколыхнулись все хуннские племена. Борьба антикитайской и прокитайской партий не затихла. У Грумм-Гржимайло мы находим: «В Хуннской империи объявили себя шаньюями сначала два вельможи. Из восточного крыла Хуханье и из западного – Чжичи. Впервые хунны стали вести войну друг против друга. Некоторые роды, чтобы не участвовать в братоубийственной войне, откочевали поближе к китайской границе. В такой междоусобице появились новые претенденты, которые стали объявлять себя шаньюями. Но, усилившись в ходе междоусобной войны, западный князь Чжичи напал на Хуханье и обратил его войско в бегство, захватив его ставку в Хангае».

В 51 г. до н. э. Хуханье лично явился к китайскому двору просить помощи у императора Сюаньди, объявив себя его вассалом. Начиная с 49 г. до н. э., благодаря китайской поддержке, он одерживал победы над соперником и в 43 г. стал победителем в междоусобных спорах на Орхоне. В 33 г. до н. э. он снова обратился к Сыну Неба и получил высшую награду, о которой мечтали все тюрки: руку китайской инфанты.

А проигравший Чжичи оставил старую Монголию своему сопернику, вассалу Китая, и ушел на запад, в Туркестан (44 г. до н. э.). По пути он разгромил илийских усуней, подчинил своей власти племена хукье и кьенку аральских степей и даже согдианцев кянь-кью которые имели неосторожность помочь ему, а затем разбил свои лагери в степях Чу и Таласа. Это была попытка создать свою большую империю хуннов на западе. Но китайцы не дали ему времени для укрепления. В 36 г. до н. э. генерал Чань-Тан совершил молниеносный бросок на берега Чу, пленил Чжичи и обезглавил его (36–35 гг. до н. э.). После этого теряются следы хуннов, которые ушли на Арал. Об этих западных хуннах не было долгое время исторической хроники, так как не соседствовали они с какой-нибудь крупной цивилизованной нацией, какой был Китай для восточных хуннов. Вплоть до конца IV в. они были потеряны во времени, и лишь в 370–375 гг. западные хунны вновь вышли на арену истории: их потомки перешли Волгу и Дон и вторглись в Европу. Эти хунны появились в мировой истории, но уже под именем гуннов, ведомых Аттилой.

Что касается Хуханье, то он завладел всей территорией хуннов. В Хуннской державе воцарился мир под покровительством Китая, с которым был заключен договор, гласящий, что «дома Хань и Хунну равноправны». Тем временем Усунь продолжали раздирать распри, и она была уже не опасна для китайского правления на западе.

С середины I в. до н. э. у хуннов, как этнической системы, начался раскол.

Ловкость китайских дипломатов, сумевших поднять против хуннов окрестные племена и вызвать в среде самих хуннов междоусобную войну, позволила империи Хань счесть хуннов покоренными и включенными в состав империи.

Весьма распространено, особенно среди западных историков, предвзятое мнение, что хунны были дикими, обижавшими своих трудолюбивых соседей. Итак, прежде всего отметим, что хунны стремились не к территориальным захватам, а к организации обменной торговли с Китаем на паритетных началах. И даже Модэ, захватив Шэньси, о чем говорилось

выше, заключил с китайским императором договор «мира и родства» без каких-либо территориальных посягательств, основываясь на том, что, захватив китайские земли, хунны не смогли бы на них жить. Но свои земли они защищали отчаянно и, потеряв Иньшань, «плакали, проезжая мимо него».

Поскольку территория, населенная хуннами, была, скорее, удобна для кочевого скотоводства, но не для земледелия, то они, как и все кочевники, нуждались в хлебе и тканях. Легче всего это было получать из Китая путем меновой торговли, на что очень охотно шло китайское население, но между народами встало ханьское имперское правительство. Императору требовались средства на содержание армии, чиновников, и правительство взяло торговлю с хуннами в свои руки, вследствие чего хунны стали получать значительно меньше тканей и хлеба, чем им было нужно. Хунны на это ответили войной и к 152 г. до н. э. добились открытия рынков меновой торговли.

В 133 г. до н. э. китайцы возобновили войну и, пользуясь численным перевесом, оттеснили хуннов на север пустыни Гоби. Однако попытка покорить хуннов закончилась в 90 г. до н. э. полным разгромом китайской экспедиционной армии.

Новое наступление Китая на хуннов, начавшееся в 72 г. до н. э., проводилось путем дипломатии: китайцы сумели внести раскол в кочевые племена и поднять против хуннов их соседей.

Межродовая война, вспыхнувшая среди самих хуннов в 58 г. до н. э., облегчила победу Китая. Один из претендентов на престол вступил в союз с Китаем, а прочие погибли. Хунны в 51 г. до н. э. признали верховную власть Китая.

В 36 г. до н. э. отряд ханьцев, преследуя хуннского князя, натолкнулся около города Талас на странных воинов, которые сдвинули высокие четырехугольные щиты, выставили короткие копья и пошли в атаку на китайцев. Те удивились, посмеялись и расстреляли сомкнутый строй из тугих арбалетов. По выяснении оказалось, что побежденные были римскими легионерами из легиона, сдавшегося парфянам при Карра, где погиб триумвир Красс, о чем упоминалось ранее. Парфяне перевели пленных на свою восточную границу и при первой же надобности отправили их выручать своего хуннского друга и союзника.

Большой удачей для Европы было то, что китайцы не добрались до нее на рубеже новой эры. А ведь могли, если бы их не задержали хунны, главный противник империи Хань.

Судя по археологическим находкам, у хуннов было очень оригинальное искусство – в основном пряжки и пластины для пояса, застежки и пуговицы из бронзы со стилизованными анималистическими мотивами или с характерными плавными окончаниями узора. Его часто называют «ордосским искусством» по названию племени, которое жило в излучине Желтой реки, к северу от Шаньси, где обнаружено особенно много находок. Впрочем, это – всего лишь ответвление стилизованного анималистического искусства степей, пропитанного ассирийско-иранскими и греческими элементами в Южной России, а в районе Ордоса – близкого к китайской эстетике. По многим деталям – сражения оленей, лошадей, тигров, медведей, фантастических животных, а также концы рукояток, выполненные в виде оленьих и ланьих голов, – ордосское искусство напоминает минусинское, хотя и превосходит его в богатстве фантазии.

Искусство хуннов и Ордоса такое же древнее, как и скифское. Шведский археолог Арне относил ордосскую бронзу к началу III в. до н. э. и даже ко второй половине IV в. до н. э. Японский археолог Умехара считает, что ордосское искусство оказало большое влияние на формирование китайского стиля «Воинственных царств», который находился в расцвете в V в. до н. э. Шведский востоковед Калгрен отодвинул зарождение упомянутого китайского стиля еще дальше – до 650 г. до н. э. Многие ученые согласны с тем, что влияние ордосского искусства является одним из факторов, которые, наряду с законами внутренней эволюции,

обусловили переход от так называемого стиля Среднего Чжеу с его архаической китайской бронзой к стилю «Воинственных царств».

Основные места находок, принадлежащих хуннам, располагаются от Байкала до границы Хэбэй, Шаньси.

Если большая часть «ордосской бронзы», т. е. бронзы хуннов Внутренней Монголии, относится к эпохе «Воинственных царств» (V–III вв. до н. э.), то же самое искусство продолжало процветать и во Внешней Монголии во времена Ханей (начало II в. до н. э. – начало III в.), о чем свидетельствуют находки в Ноин-Ула и многочисленные бронзовые пластинки с изображением многоголовых животных той же эпохи, а также китайские бронзовые пряжки с хуннскими мотивами, скопированные с ордосских моделей ханьскими художниками.

Что касается следующей эпохи – эпохи «Шести Династий» (IV–VI вв. н. э.), – влияние ордосского искусства чувствуется и в некоторых китайских бронзовых пряжках с «тяжелым» извилистым анималистическим орнаментом, переходящим в чистую «химеру». С другой стороны, бронзовые предметы в Западной Сибири до IX в. н. э. сохраняют характерные черты древнего анималистического стиля степей. Это же искусство можно проследить вплоть до онгутов времен Чингисхана в небольших несторианских бронзовых предметах – кресты, голубки и «параклеты», в изобилии встречающиеся в Ордосе и соседних районах.

Завершая этап истории тюрков длиною в десять веков, следует отметить, прежде всего, огромное влияние первой «хуннской волны» на судьбы народов Евразии. Последствия изгнания хуннами народа юэчжей из Западного Ганьсу докатились до порога Передней Азии и Индии. Эллинский мир потерял Афганистан, последние остатки завоеваний Александра Македонского в этом регионе. Парфянский Иран покачнулся, и изгнанные из Ганьсу племена основали империю с центром в Кабуле, включавшую в себя северо-западную часть Индии – Кушанскую империю, появления которой никто не ожидал. Так же будут развиваться дальнейшие события в пределах интересующего нас отрезка истории. Малейший толчок на одном конце Великой степи вызывал бесконечные, самые непредсказуемые последствия во всех четырех уголках этой огромной зоны миграции, и вся история тюрков тому подтверждение.

Древние тюрки I–V вв

Этносы, как люди и животные, рождаются, стареют и распадаются на части, которые затем образуют новые комбинации, т. е. новые этносы.

Еще в I в. до н. э. начались внутренние процессы, расколовшие державу хуннов на четыре ветви. Часть их подчинилась Китаю, другая – отступила с боями на запад.

Одна из них, наиболее неукротимая, отошла через степи современного Казахстана в междуречье Урала и Волги в поисках новой родины. Вторая осела в Тарбагатае и овладела Семиречьем, после чего не раз удивила Азию своими подвигами. Третья, наиболее инертная, осталась на родине и смешалась с победителями. Наконец, четвертая ветвь осела по обе стороны Великой стены, в Шэньси, Ордосе и Алашани. Именно эта ветвь взяла на себя инициативу восстановления былой хуннской славы.

Хань и Хунну были естественно возникшими этносами, органически связанными с ландшафтами своих стран. Разница была лишь в возрасте. «Хань – мощный мудрый пожилой человек, еще не потерявший силы и воли; Хунну – юноша, для которого все впереди» – так определил особенности этих двух этносов Гумилев.

В начале I в. отношения хуннов с китайцами были стабильными: последние даже старались приобщить хуннов к китайской культуре и хорошими деньгами привлечь к военной службе. Однако и хунны и китайцы понимали: хотя надо стараться жить мирно, но, тем не менее, порознь. До тех пор пока китайская власть в Степи была номинальной, мир сохранялся.

В I в. н. э. на императорский престол вступил малолетний Пин-ди. Регентшей была объявлена императрица, но фактическим правителем стал фаворит Ван Манн, который, узурпировав власть, круто изменил внешнюю и внутреннюю политику Китая. Прежде всего, он объявил о конце Старшей Ханьской династии и начал проводить реформы. Он имел неограниченную власть, такой власти не имели даже императоры, которые все-таки считались с законами своей страны. В I в. гражданские войны потрясли государственную систему Китайской империи. Согласно хроникам, «голодные поедали друг друга, убитых насчитывалось несколько сот тысяч, столица превратилась в развалины».

Что касается политики Ван Манна по отношению к хуннам, то Бичурин по этому поводу писал следующее: «В отношениях с хуннами Ван Манн повернул так же резко, как внутри страны. Преисполненный высокого мнения о своей власти, он задумал перевести шаньюя в ранг пограничного вассального князька. Для этого нужно было сменить государственную печать шаньюя, где вырезаны слова: „Государственная печать хуннского шаньюя“. По распоряжению Ван Манна шаньюю сделали другую печать, которая выдавалась в Китае удельным князьям и высшим чиновникам. Приняв ее, шаньюй перестал быть независимым государем».

В 9 г. посол Китая объявил шаньюю Учжулю о смене династии и необходимости поменять старую печать на новую. Обманным путем у шаньюя забрали печать и вручили новую, тем самым обязав его принять новое назначение, угодное императору. Позже, когда посол отбыл в Китай, шаньюй послал 10 тыс. всадников на границу. К его войску присоединились взбунтовавшиеся западные кочевые племена, и все они обрушились на пограничные гарнизоны. Началась война.

Ван Манн решил хитростью ослабить силы хуннов, предложив каждому из хуннских князей титул шаньюя, взамен на предательство, но князья не пошли на измену. В ответ на интриги Ван Манна шаньюй отказался признать его императором. Гумилев писал: «Разгневанный Ван Манн приказал мобилизовать 300 тыс. ратников и загнать хуннов в Саянские горы. Опытные китайские полководцы предлагали вести борьбу мобильными отрядами, гро-

мить хуннские кочевья и угонять стада – материальную базу противника, но Ван Манн никого не слушал. Сбор войск и провианта продолжался, а хунны тем временем нападали, грабили, срывая возможность похода». Таким образом, поход Ван Манна против хуннов не состоялся.

После смерти в 13 г. Учжулю прокитайские сторонники пытались сориентировать политику хуннов на мир с Китаем, однако новый шаньюй Хань, сын которого был казнен Ван Манном, не стал мешать войне в Степи, которая вспыхнула с новой силой.

В 17 г. в Китае произошло народное восстание. Основной причиной народного движения были невыносимые условия жизни, созданные реформами Ван Манна, и, как следствие, голод. К 21 г. весь восток Китая был охвачен восстанием, а северная граница разграблена хуннами.

Восставшие выкрасили брови в красный цвет, чтобы отличить своих воинов от воинов Ван Манна. Хунны поддержали «краснобровых» во главе с Лю Пен-Цы: восставшие одержали победу, столица была взята, убиты Ван Манн и император. С большим трудом в 25 г. царевичу Лю Сю, из дома Хань, удалось разбить Лю Пен-Цы, после чего он принял императорский титул Гуан У-ди и начал новую династию – Младшую (или Восточную) Хань. Несмотря на гражданскую войну, Китай оставался силен по-прежнему.

В 30—40-х гг. хунны активизировали набеги на Китай, они стали тревожить уже внутренние области Китая. В эти годы хунны восстановили границу, установленную еще Модэ.

Китайцы были серьезно обеспокоены – как спасти Китай и династию Хань.

Около 48 г., в результате действий китайской дипломатии и внутренних распрей, случился второй кризис, который закончился разделением Империи хуннов на два царства – Северное, в Северной Монголии, и Южное, на нынешней территории Внутренней Монголии. Этот раскол стал для них крахом, но спасением для Китая.

Упадок Хуннской державы

В 46 г. на престол взошел шаньюй Пуну. Би – претендовавший также на власть, являясь не менее законным наследником, – встал на путь измены. Согласно исторической хронике, «в 48 г. вожди восьми хуннских кочевий после совместного обсуждения решили возвести на престол Би под титулом шаньюя Хуханье II. Они хотели, чтобы он принял этот титул, так как в свое время его дед с помощью Китая установил спокойствие в стране. После этого Би явился к укрепленной линии в округе Уюань с выражением покорности и объявил о желании поставить вечный заслон для империи Хань и северных варваров. Император удовлетворил эту просьбу. Зимой того же года Би вступил на престол под титулом шаньюя Хуханье II».

Итак, восемь орд южных хуннов взбунтовались против шаньюя Пуну и пришли на поклон Китаю. Китайский император Гуан У-ди сделал их федератами во Внутренней Монголии, на южной границе Гоби, вдоль границ Ганьсу и Шэньси. Так появилось царство Южных хуннов, которые оставались верными вассалами империи до тех пор, пока Китай был в силе, во времена же китайского упадка, в VI в., они стали его разрушителями. Произошло то же самое, что с федеральными германскими народами, жившими на границах Римской империи.

Обе конфедерации – Южная и Северная – по социальному устройству были схожи между собой. У тех и у других существовало деление на два крыла, система аналогичных высших и других рангов, одинаковая система наследования. Правда, Северная хуннская конфедерация изначально была раза в два крупнее. Тем не менее переход части хуннов на сторону Китая был переломным и губительным для империи Хунну.

До 49 г. усуни и сяньби (монгольские племена) активно сражались на стороне хуннов и наносили китайцам большой урон. Но как только в Хуннской империи произошел раскол и часть хуннов во главе с Би стали служить Китаю, отношение к хуннам изменилось. Они постепенно установили дружеские отношения с Китаем, а затем стали активизировать свои действия против хуннов, нанося им значительный урон.

Однако у южного шаньюя Би было не все благополучно. Статус вассала предполагал унизительное положение, что роняло достоинство шаньюя в глазах гордых хуннов. Зимой 50 г. войска Северной и Южной конфедераций столкнулись. Южные хунны были разбиты и отброшены. Это заставило Би принять китайскую военную помощь, что еще более понизило его авторитет у собственного народа.

Самыми серьезными врагами Китая были северные хунны – старое хуннское царство на Орхоне во Внешней Монголии. Тем не менее северный шаньюй пытался придерживаться традиционной дистанционной политики кочевников в отношении Китая – в 51, 52 и 55 гг. он пытался заключить «договор о мире, основанном на родстве», но императорский двор отмалчивался. Демонстративно щедрые дары Китая южному шаньюю снижали престиж северного шаньюя в глазах подданных, алчных до шелка, изысканных продуктов и иных диковинок. И, как следствие, кочевники понемногу стали ретироваться в пределы Южной конфедерации.

Шаньюй вынужден был сменить тактику. Примерно на рубеже 50—60-х гг. северные хунны возобновляют набеги на Китай. Набеги оказались результативными: южные хунны не смогли выполнить функции буфера между Монгольской степью и Китаем. В результате в 63 г. ханьская администрация пошла на заключение официального договора с шаньюем Северной конфедерации, а также на открытие приграничных рынков. Данное решение оказалось политической ошибкой китайских дипломатов. Официальное признание Китаем существенно подняло престиж северного шаньюя. Набеги и грабежи продолжались. Кочевники до того затерроризировали приграничное население, что, согласно Фань Е, в Хэси ворота

городов держались закрытыми даже в дневное время. Положение изменилось только в конце 70-х гг. В этот период «северные варвары ослабли, их сообщники отложились».

В 83 г. Китай начал войну с северными хуннами. Война продолжалась три года. Объединенные китайско-южнохуннские войска нанесли серьезное поражение северным хуннам. Северные хунны потеряли более 13 тыс. воинов, среди них было немало именитых хуннов.

Южные хунну были для китайцев не столько буфером от набегов кочевников из-за Гоби, сколько опытным союзником в организации карательных рейдов на свою историческую родину. Внешнеполитическая обстановка сложилась исключительно против Северного хуннского союза. В этот период территория Монголии подвергалась постоянным нашествиям со всех сторон: «…южные кочевья нападали на них спереди, динлины совершали набеги сзади, сяньбийцы нападали с левой, а владения западного края с правой стороны». В такой ситуации уцелеть было практически невозможно. Тем не менее Хунну в I в. было все еще «великое государство».

Итак, в 86 г. северный шаньюй Юлю оказался в кольце врагов. С юга нажимали южные хунны и китайцы, к которым перебегали его подданные, на востоке свирепствовали сяньби, на севере восстали динлины.

Первый удар нанесли сяньби. В 87 г. они вступили в восточные земли хуннов и те потерпели полное поражение. Шаньюй был захвачен врагами, которые «содрали с него кожу». Поражение северных хуннов подтолкнуло часть хуннских старейшин откочевать в Китай. Весной 89 г. китайская армия вместе с южными хуннами обрушилась на северных хуннов, и войска северных были разбиты. В руки врагов попали семья шаньюя и все его имущество. Окончательное поражение ослабевшему северному союзу было нанесено в 91 г. китайской армией, которая разбила северных хуннов у горы Цзыньвэйшань, а сам шаньюй бежал неизвестно куда. После его бегства земли хуннов стали заселятся сяньби, оставшиеся 100 тыс. хуннских семей стали называть себя сяньби, и с этого времени началось постепенное усиление сяньбийцев. Таким образом, господство над современными монгольскими степями постепенно переходило от тюркоязычных племен к монголоязычным.

В 93 г. объединенные китайско-южнохуннские войска вновь нанесли поражение северным хуннам. Шаньюй Уйчугань погиб в этой битве. Он был последним северным шаньюем из рода Модэ. С этого времени династия Модэ передала правление династии рода Хуань.

Потерпев сокрушительное поражение и будучи не в силах победить многочисленных врагов: южных хуннов, сяньби, динлинов, перешедших в 90 г. на сторону китайской коалиции, – хунны стали отступать; часть их подчинилась сяньби, часть перешла к южным хуннам, третья часть, покинув свою родину, но, спасая свою свободу, ушла в степи современного Казахстана и Аральского моря, чтобы через определенное время вновь возродиться и дать знать о себе миру.

Часть северных хуннов, которые не хотели сдаваться и отступать, считавшие себя достойными сидеть на коне, сделали свою ставку в Бэй-Шане, но после сяньбийского вторжения разместились около Тарбагатая.

В 104 г. в Китай прибыло из Северного Хунну посольство с предложением «мира и родства». Оно было отпущено без ответа. В 105 г. явилось второе посольство с мирными предложениями, но также не получило ответа. Вслед за ним вспыхнуло восстание в Западном крае (Восточном Туркестане) – китайцы были выбиты оттуда, и там укрепились северные хунны, причем достаточно основательно. Теперь территория Северного Хунну простиралась от озера Баркуль до Западного моря (Каспийского). Власть, как уже отмечалось, принадлежала роду Хуань. После перехода Западного края в руки хуннов, северо-западные области Китая стали театром военных действий на протяжении пятидесяти лет. На севере северным хуннам покорились все степные народы Западной Сибири.

Что касается южных хуннов, то численность их, оказавшихся на китайских землях, росла. В основном рост происходил за счет пленных, захватываемых в войнах с северными хуннами, и уже к 90 г. южных хуннов насчитывалось 34 тыс. семейств общей численностью 237 тыс. человек, способных выставить 50 тыс. отборных воинов. Хотя население Южного Хунну увеличивалось, это не усилило, а, наоборот, ослабило державу. Захваченные в плен и добровольно подчинившиеся северные хунны были иного склада, нежели южане. Они ненавидели как победителей-китайцев, которые таскали на аркане их жен и детей, так и пресмыкающихся перед ними и воюющих против своих братьев южных хуннов.

Южные шаньюи и некоторые старейшины, стремившиеся привлечь на свою сторону китайцев и заручиться их поддержкой, стали искать в китайских летописях свои родословные в генеалогии по материнской линии от императоров и знатных китайских вельмож. Найдя эти доказательства, они гордились своей китайской родословной, забывая о тех временах, когда хуннские шаньюи, пользуясь силой, диктовали Китаю свои условия. Заносчивость таких полукитайских вождей еще более озлобляла северных хуннов.

В последний период (142–215 гг.) южные хунны разделились надвое: одни постепенно уходили на север, а другие окитаивались на месте. В степь уходили повстанцы. Много хуннов ушло на север к сяньби в 158 г. Совместная жизнь с китайцами и смешанные браки постепенно меняли менталитет оставшихся в Китае хуннов.

Южные хунны утратили свою государственность в 215 г.

Противостояние империи Хань и Хунну длилось более двух с половиной столетий.

Каким же образом хунны смогли на протяжении столь длительного времени противостоять имперскому Китаю? Если сравнить численность населения Хуннской державы и Китая, то грозные и воинственные в обычном представлении степняки предстают лишь небольшой этнической группой. Численность хуннов соответствовала приблизительно численности населения одного ханького округа, тогда как численность Ханьской империи доходила почти до 60 млн. человек.

Анализ источников по этому вопросу позволяет назвать две причины противостояния: 1) оригинальный способ организации власти в форме «кочевой империи»; 2) самобытная пограничная политика кочевников в отношении Китая.

Это драматическое противостояние вылилось в то, что хуннам удалось остановить ханьскую агрессию на север; они заставили китайцев выплачивать им под видом «подарков» крупные платежи.

Безусловно, Хань и Хунну отстаивали свои собственные интересы, которые диктовались как адаптивной необходимостью, так и субъективными амбициями лидеров обеих стран. У Китая должно было быть две стратегии: активное давление на хуннов с последующей войной до победного конца или тонкий дипломатический мир с признанием определенных уступок кочевникам.

Что касается войн, то они не принесли китайцам успеха. Более эффективной оказалась политика откупа. Таким путем ханьское правительство избегало не только дорогостоящих войн и разрушений в северных провинциях Китая, но и рассматривала «подарки» кочевникам как своеобразный способ ослабить и разрушить хуннкое единство изнутри.

При ханьском дворе была разработана специальная стратегия «пяти искушений», которая преследовала следующие цели: 1) дать кочевникам дорогие ткани и колесницы, чтобы испортить их глаза; 2) дать им вкусную пищу, чтобы закрыть их рты; 3) усладить музыкой, чтобы закрыть их уши; 4) построить им величественные здания, хранилища для зерна и подарить рабов, чтобы испортить их желудки; 5) преподнести богатые дары и оказать особое внимание тем племенам хуннов, которые примут китайский протекторат.

К данным «пяти искушениям» можно добавить еще одно универсальное средство, которое стыдливо не упомянуто конфуцианскими интеллектуалами, – это алкоголь.

Спаивание полуцивилизованных народов в ходе колонизации периферии – явление, неоднократно отмечавшееся в историографии, начиная от контактов скифов с греческими полисами вплоть до освоения Дикого Запада американскими пионерами. Вино было одним из традиционных составляющих ханьского экспорта неизбалованным благами «цивилизации», неприхотливым кочевникам.

Согласно политике «пяти искушений» китайцы поставляли ежегодно хуннскому шаньюю 10 000 даней рисового вина, что соответствовало 1 млн литров. При ежедневной норме потребления это составляло более 2700 литров в день. Даже если гипотетически допустить, что хуннское войско составляло 300 тыс. лучников, о которых пишут китайские летописи, то при ежедневном потреблении алкоголя на каждого представителя хуннской высшей военной элиты приходилось более 8 литров рисового вина!

Хуннская внешнеполитическая доктрина была основана совсем на иных принципах. Т. Барфилд выделяет три ее главных компонента: 1) умышленный отказ от завоевания разграбленных китайских земледельческих тер риторий даже после больших побед; 2) грабительские набеги, производимые с целью запугивания китайского правительства; 3) чередование войны и мира для того, чтобы увеличить размер «подарков» и торговых привилегий от Китая.

После заключения очередного договора и получения даров набеги на какое-то время прекращались, и соблюдалась официальная граница между Хань и Хунну, коей являлась Великая стена.

Последний этап отношений между империей Хань и имперской конфедерацией Хунну начался с 9 г., когда поводом к разрыву отношений послужили территориальные претензии тогдашнего правителя Китая, узурпатора Ван Мана, и его оскорбление хуннского шаньюя. Набеги совершались с определенной периодичностью вплоть до упадка Хуннской державы.

Завоевание оазисов Тарима

Протекторат над царствами Тарима, который отвоевывали друг у друга Хань и Хунну, имел большое экономическое значение.

Оазисы образуют большую двойную дугу с севера и с юга от Тарима. На севере располагался Турфан, Карашар, Куча, Аксу и Кашгар, а на юге – Леулань (вокруг Лобнора), Хотан и Яркенд.

Тот факт, что в VII в. на индоевропейских языках еще говорили в Карашаре, Куче и Кашгаре, указывает на то, что жители оазисов Тарима, по крайней мере частично, принадлежали к индоевропейскому семейству. Кучийский язык, известный нам по текстам VII в., имеет общие черты с индоиранским, хиттитским, армянским и со славянскими языками. Если нет абсолютной уверенности в том, что кучийский и карашарский диалекты можно отнести к тохарийской группе, то их принадлежность к индоевропейскому семейству несомненна. Поскольку никакого индоевропейского вторжения в Тарим в начале Средних веков быть не могло, логично предположить наличие в этом регионе древнего индоевропейского населения в то время, когда скифы-сарматы расселялись в Западной Сибири до верховьев Енисея, а саки по обоим отрогам Тянь-Шаня – между Ферганой и Кашгаром. Помимо лингвистических свидетельств (восточноиранский язык в Западной Кашгарии и кучийский на севере) имеются сведения китайских историков о голубоглазых и русоволосых усунях бассейна Или, к северо-западу от района Кучи.

Еще раз уточним, что эти небольшие царства Тарима имели огромное экономическое значение, потому что через их оазисы проходил великий караванный путь от Китая к индоиранскому и греческому миру.

«Великий Шелковый путь» – термин, впервые введенный в 1870 г. немецким географом Карлом фон Рихтгофеном для обозначения системы торговых караванных путей, связывавших (со II в. до н. э. до XVI в. н. э.) главные культурно-хозяйственные регионы Евразии: Китай, Центральную Азию, Индию, Средний и Ближний Восток, Средиземноморье и Европу. Идея проложить первый маршрут для доставки китайского шелка на запад принадлежала императору династии Хань, известному под именем У-ди.

О Шелковом пути упоминает Птоломей, который приводит свидетельство своего предшественника Марина Тирского о том, что один македонский торговец по имени Маэс Тицианос в I в., т. е. в эпоху, о которой мы ведем речь, составил карту этого маршрута. Шелковый путь начинался в Антиохии, столице римской Сирии, проходил через Евфрат в Иераполисе (Менбидж), через парфянскую империю – Экбатан (Хамадан), Рагес, или Рейи, около нынешнего Тегерана, Гекатомпил, затем через Мерв и Бактр, город, принадлежавший в ту эпоху индоскифам, вероятнее всего племенам юэчжи, как их называли китайцы. Оттуда Шелковый путь достигал Памира.

В одной памирской долине у подножья Комедайских гор, как писал Птоломей, стояла каменная башня, возле которой происходил обмен товарами между левантийскими и серскими караванщиками. Альберт Геррман локализует это место в памирской долине р. Кызыл-Су, между продольными Алайским и Заалайским хребтами, на переходе от бассейна верхнего течения Окса в Кашгарскую долину. Хакин считает, что башню следует искать рядом с нынешним Ташкурганом, между Ваханом (Малый Памир) и истоком Яркендарья, к северу от ущелья Минтеке.

В Кашгаре Шелковый путь раздваивается. Северная тропа ведет к Куче, городу, который, по мнению Геррмана, александрийские географы называли Скифским Исседоном, затем к Карашару и Леуланю на Лобноре (Серский Исседон) и, наконец, к Юймыньгуаню.

Маршрут южного пути начинается от Кашгара и идет через Яркенд, Хотан, Нию, Миран (царство Леулань) к Лобнору. Обе ветки снова соединяются в Юймыньгуане, Шелковый путь продолжается по территории Китая и доходит до Чананя и Лояна.

Независимо от локализации этапов трансконтинентального Шелкового пути, соединявшего Римскую и Парфянскую империи с Ханьской империей, небольшие царства с индоевропейским населением в северных и южных оазисах бассейна Тарима имели немалое торговое значение. Поэтому хунны и китайцы соперничали за право контролировать его: первые держали под контролем Тарим и Алтай, вторые – выходы через Юймынь на востоке.

Завоевание или возвращение бассейна Тарима Младшими Ханями происходило медленно, но методично в царствование императоров Мин-ди (58–75 гг.), Чжан-ди (76–88 гг.) и Хо-ди (89—105 гг.). Но слава принадлежит нескольким выдающимся военачальникам.

В 73 г. генералы Кень-Пин (командир быстрых коней) и Теу-Ку возглавили экспедицию против северных хуннов, которые отступали под натиском ханьских войск.

Генерал кавалерии Бань Чао, заместитель Теу-Ку и один из выдающихся полководцев в истории Китая, был послан против хуньюев – баркульской орды хуннов; он разгромил их и «обезглавил много варваров», как гласят хроники. В том же 73 г. китайская военная колония была создана в Ий-Ву: Шавани идентифицирует это место с Ха-Ми, а Геррман локализует между Леуланем и Йеньпенем в северной части Лобнора.

В 74 г. Кень-Пин и Теу-Ку атаковали Турфан, который в то время состоял из двух царств – Передняя Кью-Че с центром в Турфане и Задняя Кью-Че – дальше на север, в районе Ку-Ченя, с другой стороны Тянь-Шаньского хребта, – во главе которых стояла одна и та же династия. Кень-Пин совершил неожиданный бросок и сначала напал на дальнее царство (Кью-Че в Ку-Чене); царь этой страны Нань-То испугался и отказался от сражения: «…он вышел из города, снял колпак, обнял ноги коня Кень-Пина и выразил свое повиновение». Царь Турфана, сын упомянутого царя, также сдался. В обоих царствах остались китайские гарнизоны: один в Ку-Чене под командованием кузена Кень-Пина по имени Кень-Кон, другой в Лукчуне (собственно говоря, Турфан).

Однако Бань Чао считал, что «тот, кто не проникнет в логово тигра, не захватит тигрят». Во главе небольшого отряда он контролировал царство Шаньшань к юго-западу от Леуланя и Лобнора. Когда он узнал, что царь этой страны плел заговор против Китая, сговорившись с хуннами, Бань Чао тут же собрал своих офицеров на совет. Обычно он обращался в таких случаях к гражданскому комиссару, состоявшему при нем, но на сей раз так не поступил: «Это тупой гражданский чиновник, если мы сообщим ему о наших планах, он провалит все дело. А дело наше решается в эту самую минуту. Умереть бесславно – это не судьба храбрецов». Той же ночью китайцы подожгли бараки, где спали хуннские посланники, и истребили их. После чего Бань Чао явился к царю Шаньшаня и молча показал ему отрубленную голову посла хуннов. Испуганный монарх тут же объявил себя вассалом Китая. Затем Бань Чао занялся делами Кашгарии.

Следует отметить, что, когда хунны и китайцы не вмешивались в дела небольших царств Тарима, те постоянно ссорились друг с другом.

Царь Яркенда, известный китайцам под именем Хьень (33–61 гг.), захватил всю власть в регионе, покорив Кучу (46 г.) и Хотан, но был сметен всеобщим восстанием, и тогда Куча встала под протекторатом хуннов, а царь Хотана расправился с Хьенем (61 г.). Власть в южной части Тарима перешла в руки того же царя Хотана, а на севере – в руки царя Кучи (Кьеня), который при помощи хуннов в 73 г. захватил Кашгар. Все это случилось, когда в Кашгарию прибыл Бань Чао, которого император Мин-ди уполномочил навести порядок в регионе.

Сначала Бань Чао отправился в Хотан, где царь Хотана, возгордившийся своим недавним успехом и слушавшийся советов хуннов, принял его весьма высокомерно. Бань Чао,

недолго думая, собственной рукой отрубил голову колдуну – главному советнику царя. Последний перепугался и объявил о своей верности Китаю, а в доказательство искренности приказал перебить хуннских посланников.

Затем Бань Чао двинулся на Кашгар. Как сказано выше, царь Кучи Кьень, вассал хуннов, подчинил своей власти Кашгар и посадил на трон в этом городе своего человека, кучийца. Бань Чао, несмотря на малочисленность своего отряда, прогнал чужака и в 74 г. восстановил старую кашгарскую династию в лице царя Чон.

В 75 г., накануне кончины императора Минди, в Тариме началось всеобщее восстание против китайского протектората, конечно при действенной поддержке хуннов. Царь Карашара убил китайского резидента, генерального протектора Чень-Му. Кучийцы и аксуйцы осадили Бань Чао в Кашгаре. Более года китайский военачальник держал осаду. В это время хунны захватили царство Кью-Че в Ку-Чене (Заднее царство), осадную крепость, где находился китайский генерал Кень-Кон, и убили вассального царя Нань-То. Как и Бань Чао, Кень-Кон держался с героической стойкостью. У него не оставалось припасов, его малочисленный отряд варил вместо мяса кожу своего обмундирования, но держался до конца.

Между тем новый император Чжан-ди приказал Бань Чао и Кень-Кону оставить Тарим. Китайский двор опасался постоянных бунтов и понимал, что протекторат над Центральной Азией требует больших жертв. Но Бань Чао считал, что уход означает сдачу страны в руки хуннов. Прибыв в Хотан, по дороге домой, он остановился и, нарушив приказ, снова вернулся в Кашгар. За время его краткого отсутствия городом овладели кучийцы, т. е. хуннская фракция. Бань Чао отрубил голову руководителям бунтовщиков и решил не уходить из Кашгара. Более того, в 78 г. вместе со вспомогательными отрядами, сформированными в Кашгаре, Хотане и по всей Согдиане, он овладел Аксу, Турфаном и «обезглавил 700 человек». В это время китайские легионы из Ганьсу отвоевали у хуннов царство Кью-Че, т. е. Турфан. «Они отрубили 3800 голов и захватили 37 тыс. голов скота». Северные варвары в страхе бежали прочь; согласно древнекитайскому источнику «Хоуханьшу», хунны обрели, таким образом, властителей в лице Бань Чао и Кень-Кона.

В письме на имя императора Бань Чао пытался оправдаться и примирить «робость» двора со своим опытом и знанием «великого запада». Свои далекие походы, осуждаемые придворными, китайский герой называл оборонительными действиями, желанием защитить китайскую землю от агрессивных хуннов: «Захватить 36 царств Центральной Азии – значит отрубить правую руку хуннов». Его боевые действия сводились к знаменитой фразе: «Воевать с варварами руками самих варваров». В сущности, покорение Тарима стало возможным благодаря тому, что каждый захваченный оазис поставлял ему людей для захвата следующего. Из китайцев в походах участвовала только кучка авантюристов и депортированных лиц. И воевали они за счет страны, которую охраняли от хуннских орд. Относительно же поставляемых из оазисов людей Бань Чао уточнял: «В Яркенде и Кашгаре много плодородной и возделываемой земли, и солдаты, которые здесь находятся, ничего не требуют от империи». Этот современник Траяна относился к военным делам так же, как и завоеватель Дакии.

Что касается хуннов, то самый мощный удар по ним нанесли сяньби. В 87 г. сяньби вступили в восточные земли хуннов, и те потерпели полное поражение. Их шаньюй был захвачен врагами, которые «содрали с него кожу», о чем говорилось выше.

В то время как северохуннская держава гибла под напором сяньби, Бань Чао ждал своего времени.

Цель его состояла в том, чтобы отбросить хуннов во Внешнюю Монголию, отрезать от Шелкового пути, который кормил их и снабжал всем необходимым. Реализуя на практике свои принципы, Бань Чао подавил новые восстания в Кашгаре (87 г.), Яркенде (88 г.), а ранее – в 83 г. – превратил усуней р. Или в своих союзников.

Получая информацию от своих шпионов, он прекрасно знал психологию варваров, поэтому без особого труда побеждал их.

В 84 г. в Кашгаре царь Чон, его протеже, его креатура, предал Бань Чао, подняв восстание, заручившись поддержкой жителей Яркенда, согдианцев и юэчжей. В 87 г., когда Бань Чао прогнал его из Кашгара, Чон разыграл раскаяние и попросил о личной встрече, на которую явился в сопровождении отряда всадников с целью убить Бань Чао. Однако тот в свою очередь тоже притворился, будто поверил в добрые намерения бывшего вассала, и устроил в его честь праздник, затем, «когда вино потекло рекой», он схватил коварного царя и отрубил ему голову. В тот же миг китайские солдаты бросились на противников и перебили всех до одного.

Под Яркендом в 88 г. у Бань Чао стоял небольшой отряд, состоявший из китайцев и хотанцев, лицом к лицу с яркендским войском, которому помогали 50 тыс. кучийцев и жители соседних городов. Бань Чао сделал вид, что ночью начал отступление, однако быстро и незаметно вернулся и напал врасплох на яркендцев, перебив 5 тыс. и заставив их покориться. Непокоренными оставались только Куча и Карашар, которые искали себе союзников повсюду – от хуннов Монголии до юэчжей Кушанской империи.

В том же году Бань Чао совершил необъяснимый поступок, чем сам развязал новую и бесполезную войну. А дело было в следующем.

В 78 г. на престол Кушана вступил Канишка, воинственный царь, продолжатель традиций отца и деда.

Остановимся коротко на истории Кушанского царства.

Кушанское царство – рабовладельческое государство, образовавшееся в начале I в. до н. э. на территории Согдианы и Бактрии, занятых с конца II в. до н. э. пятью юэчжийскими племенами. При Кадфизе I (15–45 гг.) произошло объединение юэчжийских племен. Сын Кадфиза I, Вима Кадфиз II (45–78 гг.), покорил индо-греческое государство Индии. Наивысшего развития Кушанское царство достигло при царе Канишке (78—123 гг.). При нем расширилась и укрепилась власть кушан в Северной Индии, велись успешные войны с Парфией. Канишка перенес столицу из Кушании в Северо-Западную Индию – в Пешевар. В 99 г. кушанское посольство посетило Рим. При дворе Канишки жили крупнейшие индийские философы и писатели того времени – Ашвагхоша, Васумитра, Нагардихуна и др.

В 225 г. умирает последний великий царь кушанов – Васудэва, и его империя распадается на части. При Сасанидах кушанские князья не были лишены своих владений: на Иранском плоскогорье они лишь признали власть шахиншаха, а в Пенджабе просуществовали до V в. Наместник восточной границы с титулом «кушаншах» сидел в Балхе и следил за тем, чтобы не восставали покоренные и не объединялись независимые варвары – хионитыв низовьях Сырдарьи и горные эфталиты Памира и Гиндукуша.

Однако вернемся в I в., когда агрессия кушан была обращена на запад и юг. Они воевали с парфянами и саками, завоевали Северную Индию, крепко держали Согд. Кушане не мешали китайцам, китайцы не мешали им. Естественная граница между ними была границей их интересов, и обе великие державы находились в самых дружественных отношениях около ста лет.

В 88 г. кушанский император решил упрочить союз и отправил посольство просить руки китайской принцессы. Бао Чань не пропустил посла и заставил его вернуться. Вызов, брошенный китайским полководцем, был принят кушанским императором: в 90 г. 70 тыс. кушанских всадников, закованных в броню, с длинными копьями и прямыми тяжелыми мечами, вышли в поход. Император направил армию на северо-восток Памира для поддержки Кучи в борьбе с Бань Чао. Бань Чао, блокируя все коммуникации между армией и кучийцами, дабы не допустить снабжения неприятельских войск продовольствием, пропустил их дальше. Кушаны углубились в бескрайние просторы Кашгарии, не имея припасов, и

скоро были вынуждены бесславно повернуть обратно. Кушанский двор, наученный горьким опытом, снова вернулся к политике, традиционной для юэчжей, – дружбе с Китаем (90 г.).

На севере Монголии генералы Тьеу-Хьень и Кень-Пин также одержали крупную победу над северными хуннами (89–90 гг.). В результате оба царства Кью-Че (Ку-Чен и Турфан) укрепили свои связи с империей. В 91 г. китайский генерал Кень-Куэй еще раз устроил хуннам кровавое побоище. Он дошел до Внешней Монголии (до Орхона), захватил в заложники мать и всю семью шаньюя и вместо него поставил шаньюем его же брата – Ю-Чу-Кьена. В 93 г. новый шаньюй хуннов взбунтовался, и китайцы бросили против него сяньби, которые разгромили войска мятежника и убили его самого. От этого поражения северные хунны так и не смогли полностью оправиться.

Без помощи хуннов и сяньби три из четырех мятежных городов в северной части Тарима – Куча, Аксу и Турфан – покорились китайцам (91 г.). Китайский полководец получил от императора титул «генерального протектора», т. е. практически власть вице-короля Центральной Азии. Его резиденцией стал небольшой городок около Кучи, а другой китайский генерал стал лагерем в Кашгаре. Непокоренным остался Карашар.

В 94 г. во главе туземных отрядов Кучи и Шаньшаня (Лобнор) Бань Чао двинулся на мятежный город. Жители Карашара уничтожили мост через Юлдуз, но это им не помогло. Войска Бань Чао форсировали реку по пояс в воде и вышли на болота перед Карашаром. Часть жителей бежала на озеро Баграч, правитель же сдался. Бань Чао, помня старые обиды, отрубил ему голову, казнив на том самом месте, где девятнадцать лет назад был убит китайский губернатор Чень-Му. Затем «…Бань Чао отдал город на разграбление солдатам, которые отрубили более 5 тыс. человеческих голов, взяли 15 тыс. пленников и более 300 тыс. голов скота – коров, лошадей, быков и овец». Весь бассейн Тарима перешел под власть Китая.

В 97 г. Бань Чао поручил своему военачальнику Кань-Йину пройти через Нань-Си, т. е. через всю Парфянскую империю Аршакидов, в Дацинь, т. е. вторгнуться в пределы Римской империи. Но тот, напуганный рассказами о парфянах, не вступил на их территорию и не дошел до римской границы.

Бань Чао вернулся в Китай в 102 г. и в том же году умер. Преемникам великого полководца не удалось продолжить его гибкую политику, и в 106–107 гг. в Тариме разразилась настоящая революция. Китайский генерал Лянь-Кинь оказался осажденным в Куче. В конечном счете, он одержал победу, но перед лицом непрерывных восстаний китайский двор в 107 г. отозвал из Тарима все гарнизоны, оставив лишь в Лукчаке и Иву.

В следующем году кяны, или тибетцы, в то время совершенно дикие племена, которые кочевали к западу и к югу от Кукунора, атаковали китайские посты в Ганьсу, угрожая перерезать путь на Юймыньгуан, Лянь-Кинь сдержал их натиск ценой больших потерь (108 г.). В 109 г. южные хунны, жившие во Внешней Монголии, напали на границы Китая. Китайский губернатор Лаотона по имени Кень-Куэй бросил против них сяньбийские орды. Тем не менее южные хунны разорили северную часть Шэньси, а Лянь-Киню в 110 г. пришлось заключить мир с хуннским шаньюем.

Одним словом, Китай с трудом защищал свои границы до тех пор, пока в 119 г. положение не начало улучшаться: в Иву была снова создана военная колония (Хами или Лобнор?); опять покорились Шаньшань и правитель Турфана, но вскоре после этих событий северные хунны и войска Заднего царства Кью-Че (КуЧен) перебили китайский гарнизон в Иву.

Сын Бань Чао, Бань Юн, в конце концов сумел восстановить то, что сделал его отец. В 123 г. он вновь основал военную колонию в Лукчаке; в 124 г. снова привел правителя Шаньшаня к вассальности, пригрозил правителям Кучи и Аксу, заставив их заявить о своей преданности Китаю, и с помощью отрядов, которые предоставили в его распоряжение эти царства, изгнал из Турфана хуннов; в 126 г. он даже подчинил на какое-то время племена хуньюев, принадлежавших северным хуннам и живших к северо-востоку от оз. Баркуль, и

обратил в бегство войска хуннов, которые хотели ему помешать. В 127 г. китайцы завершили повторное завоевание Тарима, вступив в Карашар. В 130 г. сын кашгарского царя вместе с посольством царя Ферганы прибыли в китайскую столицу Лоян выразить свое уважение императору Шун-ди.

В последующие годы, не считая кратковременного восстания (140–144 гг.) одного из вождей южных хуннов, их левого или восточного крыла, беспокойство Китаю доставляли только хуньюи – баркульская орда хуннов. В 131 г. они напали на Заднее царство Кью-Че и перебили немало его жителей; в 151 г. они пытались уничтожить китайскую военную колонию в Иву, которая выстояла с большим трудом. Тем не менее в 153 г. Заднее царство Кью-Че вновь стало вассалом Китая. А в 151 г. жестокость одного китайского губернатора привела к восстанию хотанцев, которые убили деспота, но затем Хотан заплатил дань, и инцидент был урегулирован.

Тем временем воинственные сяньби были так неукротимы, что для того, чтобы хоть немного организовать их, нужен был человек необычайно сильной воли. Такой человек нашелся, но самое удивительное то, что ему было, согласно источнику, только 14 лет: Таншихай родился в 141 г.

Окончательный удар по северным хуннам был нанесен именно Таншихаем в 155 г., после чего хунны разделились снова: 200 тыс. «малосильных» попрятались в горных лесах и ущельях Тарбагатая и бассейна Черного Иртыша, где пересидели опасность и впоследствии завоевали Семиречье. В конце III в. они образовали там новую хуннскую державу – Юэбань. А «неукротимые» хунны отступили на запад и к 158 г. достигли Волги и Нижнего Дона. О прибытии их сообщил античный географ Дионисий Периегет.

Ранее мы говорили о том, что в I в. до н. э. хуннов было 300 тыс. человек. Прирост их численности за I–II вв. был очень небольшой, так как они все время воевали.

В III в. в Китае насчитывалось 30 тыс. хуннских семей, т. е. около 150 тыс. человек, а «малосильных» в Центральной Азии было около 200 тыс. Так сколько же могло уйти на запад? В лучшем случае 20–30 тыс. воинов, без жен, детей и стариков, неспособных вынести отступление по чужой стране без передышек, ибо сяньби преследовали хуннов и убивали отстававших.

Этот отход затянулся на два с лишним года, пока хунны не оторвались от преследователей и не нашли покой в Волго-Уральском междуречье. За это время было пройдено по прямой 2600 км, а если учесть неизбежные зигзаги, то вдвое больше. Нормальная перекочевка на телегах, запряженных волами, за этот срок на столь огромное расстояние не могла быть осуществлена. К тому же приходилось вести арьергардные бои, где и погибли семьи уцелевших воинов. И уж, конечно, мертвых не хоронили, так как на пути следования хуннов «остатков палеосибирского типа почти нигде найдено не было, за исключением Алтая». На запад в 155–158 гг. ушли только наиболее крепкие воины. Это был процесс отбора, проведенный в экстремальных условиях, по психологическому складу, с учетом свободы выбора своей судьбы.

Во II в. началось Великое переселение народов. Миграций в Восточную Европу было две: готы около 160 г. с «острова Скандзы» перебрались в устье Вислы, после чего дошли до Черного моря, и хунны из Центральной Азии в 155–158 гг. достигли берегов Волги.

Итак, на смену тюркскому владычеству во Внутренней Азии пришло монгольское. Вождь сяньби Таншихай, победив Север, двинул свои войска в Западную Монголию до территории усуней Или и разгромил их. В 166 г. он царствовал от Маньчжурии до страны усуней, т. е. до Балхаша, хотя китайские историки явно преувеличивают, и его власть, очевидно, не распространялась в этом направлении дальше земель Богдо-Хана (Тушету-Хан) и Сетсерлик-Мандала (Саин-Нойан).

Оказавшись на вершине могущества, вождь сяньби проникся вожделенной мечтой древних хуннов – захватить Китай. Таншихай напал на китайскую провинцию Лаотон, но нападение было отбито. Тогда он взялся за южных хуннов во Внутренней Монголии, союзников и вассалов Китая, затем договорился с ними и увлек их в поход на Шэньси и Ганьсу, но союзным ордам пришлось отступить под ударами китайской армии (158 г.).

Наконец в 177 г. китайцы решили разбить врага на его территории, и 30-тысячное войско выступило за границу. Сяньби достойно встретили китайский удар, и все три китайские колонны были разбиты наголову. Осенью 177 г. сяньби разбили Ляоси, а в 178 г. перекинулись в Хэси. От этого поражения Китай долго не мог оправиться.

Расходы Китая на войну усиливали налоговый гнет на крестьян, которые наконец ответили восстанием «желтых повязок», подорвавшим силу династии Хань (184 г.). Разложившиеся ханьские войска не смогли справиться с повстанцами. Инициативу взяли на себя аристократы, члены «сильных домов». Победив крестьян, они разделились и, встав во главе отдельных армий, вступили в борьбу друг с другом и большей частью погибли в междоусобной войне. Трое уцелевших основали три царства – на севере, юго-востоке и юго-западе, на полвека разорвав Китай (220–280 гг.), – Цао-Вэй, У и Шу.

Так пала империя Хань, одна из четырех мировых империй (наряду с Римом, Парфией и Кушанской империей) древности.

С 200 г. до н. э. по 150 г. Ханьская династия Китая вела крайне активную внешнюю политику, закончившуюся разгромом державы Хунну. И сразу после этого Китай ослабел настолько, что в IV в. исконные китайские земли в бассейне Хуанхэ попали в руки кочевников.

Хунны, сяньби, кяны побеждали организованные китайские войска с невероятной легкостью.

Для Китая это была настоящая катастрофа. Достаточно сказать, что его население с 221 по 280 г. уменьшилось с 50 млн налогоплательщиков до 7,5 млн. Города лежали в развалинах. При государственном перевороте Сыма Яня к власти пришли вместо землевладельцев и ученых-конфуцианцев безграмотные, морально разложившиеся солдаты, еще меньше понимавшие задачи своей страны.

На момент распада Ханьской династии северные степные орды, которым за предыдущий период нанесли ощутимые удары китайские легионы, все еще были напуганы или ослаблены, чтобы воспользоваться благоприятной ситуацией. Оазисы Тарима, несмотря на гражданские войны между «тремя царствами» Китая, наследниками Ханей, продолжали подчиняться Вэю, правителю Северного Китая (220–265 гг.). В 224 г. Шаньшань (Лобнор), Куча и Хотан присягнули на верность царю государства Цао-Вэй.

Во время кровавых десятилетий Троецарствия хунны особо о себе не заявляли. В волнениях, захлестнувших китайский народ, они участвовали. Сначала массы хуннов примкнули к «желтому» движению, потом, когда оно пошло на спад, явились к генералу Цао-Цао с изъявлением покорности и передали ему степных коней для обновления кавалерии (203 г.). Это спасло хуннов от истребления.

Правительство Цао-Вэй разделило хуннские кочевья на пять частей, поставив во главе каждого потомка хуннских шаньюев. Однако, вновь назначенные были подчинены чиновникам-наблюдателям.

В конце III в., согласно хроникам, зафиксированы только два возмущения хуннов: в северной ставке хуннов в 271 г. «взбунтовался шаньюй Мэн»; он был убит подосланным убийцей. В 291 г. восстал хуннский Хаосань, но был схвачен своими же старейшинами, и восстание задушили. Таким образом, в этом временном периоде хунны жили относительно спокойно и накапливали силу.

Следует отметить что IV–VIII вв. – эпоха Великого переселения народов. Именно тогда, в IV в., на Дальнем Востоке начались масштабные походы варваров. Тем не менее, в отличие от ситуации в Европе, здесь вторжения были вызваны не внутренними пертурбациями на родине варваров, а ослаблением китайского могущества, в результате чего варвары-федераты двинулись на юг, к центру Китая. Это был период, в общей сложности длившийся четыре столетия, когда кочевники хозяйничали в пределах Китая.

Цивилизация оазисов Тарима

Контроль Китая (Поздние, или Младшие Хани) за Шелковым путем, обеспечивавшим свободу трансконтинентального маршрута через двойную цепочку оазисов на севере и юге Тарима, благоприятствовал распространению буддизма, а вместе с ним индийской литературы и эллинского искусства. Этим путем шли в Кашгарию и Китай проповедники буддизма, индийские миссионеры, а с товарами и религией сюда поступали образцы греко-римской культуры. В этом отношении активность проявляли и агенты Маэса Тицианоса и апостолы Будды. Скорее всего, самой оживленной в ту эпоху была южная ветка, которая проходила через Яркенд и Хотан. В древнем Хотане обнаружены римские монеты императора Валенса (364–378 гг.), в Раваке, к востоку от Хотана, нашли несколько греко-буддийских барельефов и красивые эллинские ткани чистейшего гандарийского стиля. Немного дальше к востоку, в Нийе, городе, брошенном в конце III столетия, найдены римские печати и индоскифские монеты. В Миране, юго-западном Лобноре, в древнем царстве Шаньшань, обнаружены прекрасные греко-буддийские фрески с изображением самого Будды, его монахов и сподвижников, ярко выраженного римско-азиатского стиля, кстати подписанные с использованием индийского алфавита именем Тита, эти находки датируются III–IV вв.

В эпоху Китайского Мира по этому пути прибыли в Китай великие буддийские миссионеры: Нань-Чже-Као, парфянин, пришедший в 148 г., Чу-Шо-Фо, индус, и Чже-Чань из племени юэчжи, которые пришли в 170 г. и основали монастырь в китайской столице Лоян.

В следующем столетии Чже-Кьень, сын посланника юэчжей, за период 223–253 гг. перевел на китайский язык несколько буддийских трудов. Здесь интересно упоминание юэчжей, потому что это свидетельствует о том, что Кушанская империя, простиравшаяся на территории Афганистана, Кандагара и Пенджаба, через Шелковый путь во многом способствовала распространению буддизма в бассейне Тарима и в Китае. Не менее интересно узнать, что наряду с этими кушанскими или индийскими миссионерами там встречались и парфяне, обращенные в буддизм, которые даже проповедовали прозелитизм в Верхней Азии и на Дальнем Востоке.

В китайской «Трипитаке» приводится список миссионеров и переводчиков, пришедших из Тарима в Китай, и это значит, что в самом Тариме работали монахи из Восточного Ирана и Северо-Западной Индии, которые переводили свои священные тексты с санскрита на местные языки, – с восточноиранского до кучийского. Одним из таких выдающихся переводчиков санскритских текстов на китайский язык был буддийский монах Кумараджива (344–413 гг.). Кумараджива принадлежал к индийскому роду, поселившемуся в Куче. Его предки занимали высокие посты в этой стране. Отец Кумарадживы, ярый буддист, хотел даже отказаться от высоких почестей, дабы уйти в монастырь, но царь Кучи уговорил его остаться в миру и отдал ему в жены свою сестру. От этого брака родился Кумараджива. В юности мать возила его в Кашмир, чтобы приобщить к индийским текстам и буддизму. Вернувшись из Индии, Кумараджива год провел в Кашгаре, продолжая изучать «Абхидхарму». В те времена Кашгар и Куча были очагами индуизма, и цари тех лет считали за честь принимать у себя буддистов. Затем он жил в Куче со своим учителем, индусом Вималакшей, уроженцем Кашмира. Источники отмечают колоссальную работоспособность Кумарадживы. Им были сделаны прекрасные переводы знаменитого буддийского поэта-философа Ашвагхоши. (Умер Кумараджива в 413 г., оставив после себя память как об одном из буддийских светил Центральной Азии.) Китайский генерал Люкуан, захвативший Кучу, увез Кумарадживу в Китай. Кстати, этот генерал пришел в восторг, увидев великолепные дворцы Кучи – произведения индийского и иранского искусства эпохи, которой датируются живописные работы, найденные в пещерах Кызыла.

Цивилизация Верхней Азии делится на две различные зоны. На севере, от русского Причерноморья до Маньчжурии и Ордоса, – степное искусство, главным образом искусство кочевников, для которого характерны бронзовые набалдашники в виде звериных голов и анималистическая стилизация и орнаменталистика. На юге, вдоль Шелкового пути, от Афганистана до Тхунь-Гуаня, через оазисы, окружавшие бассейн Тарима, – цивилизация оседлых народов, проявляющаяся в живописи и скульптуре, вдохновленная греческим искусством, искусствами Ирана и Индии, которые пришли сюда по Шелковому пути.

Истоки таримского искусства в конце древней или античной эпохи и в начале Средних веков следует искать в Афганистане. Здесь, в долине Кабула, в IV в. последние кушанские цари находились под глубоким влиянием Сасанидского Ирана, в орбите которого они вращались. Сасанидо-буддийская цивилизация, сасанидо-буддийское искусство зародились на границе Индии и Ирана. Отметим в этой связи большие фрески в Бамияне и Какраке конца III и всего IV вв., где в типах персонажей и их одежде очевидно сасанидское влияние. Судя по многочисленным находкам той эпохи, Афганистан предстает перед нами как страна, где религия и литература Индии тесно связаны с материальной цивилизацией Ирана времен династий Сапора и Хосрова.

Именно этот сасанидо-буддийский сплав буддийские миссионеры, последователи Кумараджива, привнесли во все оазисы Тарима на всем протяжении Шелкового пути, который стал, благодаря им, дорогой в будущее.

Этот ирано-буддийский синтез мы встречаем в южной зоне Тарима, в частности в живописных панно на дереве в оазисе, расположенном к северу от Хотана (конец VII в.). Здесь изображены, например, девушка индийского типа, похожая на гибких обнаженных красавиц Аджанты, рыцарь и погонщик верблюдов иранского типа и бородатый бодхисаттва в тиаре, в длинном зеленом халате, штанах и сапогах, т. е. настоящий сасанидский аристократ. Наконец, иранское влияние ощущается во фресках и миниатюрах из района Турфана, Базаклика, Муртука и т. д. В Базаклике низшие божества облачены в кирасу и напоминают сасанидских кучийских рыцарей Кызыла и Кумтура, закованных в латы. Такие же образы мы видим в Муртуке. С другой стороны, изящные миниатюрные скульптуры в Карашаре очень похожи на греко-буддийские фигурки, найденные в Хадде, в Афганистане. Кстати, влияние кучийских фресок распространяется далеко на север, в Сибирь. Например, «скачущие всадники» Сулека, заставляющие вспомнить сасанидские и тангские скачки, могут датироваться VII в. А антропоморфные рисунки на стелах в районе Семипалатинска, в верховьях Иртыша, лишь отдаленно напоминают сасанидское искусство Кучи.

Таким образом, до завоевания страны тюркскими народами во второй половине VIII в. индоевропейские оазисы на севере и на юге Тарима, от Яркенда и Хотана до Лобнора, от Кашгара, Кучи и Карашара до Турфана, черпали свою культуру не на Алтае и в степной цивилизации, а в великих цивилизациях Ирана и Индии. Они представляли собой продолжение «внешней» Индии и «внешнего» Ирана до китайской границы. Более того, благодаря им и Индия, и Иран проникли в Китай, о чем говорят буддийские фрески и розетки, обнаруженные под Тхунь-Гуанем, там, где Шелковый путь пересекает границу Ганьсу.

Великие походы в IV в.

К концу Ханьской династии южные хунны, оттесненные сяньби, пришли в большую излучину Хуанхэ, в Ордоские степи и в соседний Алашань, где и расселились. Южные хунны выполняли для Китайской империи функции федератов – примерно такие же, что осуществляли многочисленные германские народы, поселившиеся у границ Римской империи в IV в. Отношения между вождями этих ордоских хуннов-федератов и китайскими императорами династии Вэй (220–265 гг.), затем Северной династии Цинь (265–316 гг.) напоминают отношения между вождями готов, франков или бургундцев в IV в. и римскими императорами семейства Константина или Феодосия. Варварские правители в обоих случаях часто посещали имперскую столицу – Чанань или Лоян и Милан и Константинополь, их тепло принимали при дворе, и по возвращении домой они старались применить у себя все, что познали на чужбине.

Южные хунны, будучи федератами, поставляли империи вспомогательные войска и жили у Великой стены с северной стороны. Их шаньюй Хучуцуань (195–216 гг.) поселился в Пинчэне, в самом центре Шаньси. В Китае был канун падения Ханей. Хучуцуань, памятуя, что ханьская принцесса была его далеким предком, дал своему дому название по имени великой китайской императорской династии – Лю. И легитимность, угасшая в Китае по вине многих узурпаторов, начала возрождаться под куполом юрт хуннов.

В 304 г. один из вождей хуннов, по имени Лю Юань, прочно сидевший в Тайюане (Шаньси), получил от китайского двора Циней титул «шаньюй» и власть над пятью ордами. В 308 г. Лю Юань во главе 50-тысячной армии хуннов, как законный наследник Ханей, объявил себя императором в Тайюане. Основанная этим хуннским царем династия известна в истории под династическим именем Северные Хани (Пей-Хани), или Старшие Чжао (Цянь-Чжао).

Сын и преемник Лю Юаня по имени Лю Цун (310–318 гг.) был для Китая Аттилой. В 311 г. его войска захватили китайскую столицу Лоян, сожгли императорский дворец и взяли в плен императора Цзин-Хуай-ди, затем пришли в Чанань, где истребили половину населения (312 г.). Пленного императора отправили в Пинчэн, резиденцию Лю Цуна, где он был казнен в 313 г.

После ухода хуннов на китайский трон сел новый император, Цзин-Минь-ди (312–316 гг.), но в 316 г. хунны вернулись, осадили город и вынудили слабого монарха капитулировать. И снова на троне Пинчэна оказался хуннский царь, который заставил пленного императора «мыть посуду на праздничных обедах», а затем также казнил его в 318 г.

Один из членов императорской семьи Цинь, которому удалось бежать в Нанкин, отклонив защиту Китая от северных варваров, основал там, за рекой Янцзы, вторую династию Цинь – Восточные Цинь (Дун Цинь) (317 г.). Точно так же последние римляне в V в. уступили германским захватчикам западные провинции, чтобы укрыться от них в Восточной империи. В течение трех столетий (317–589 гг.) Нанкин заменял собой Чанань и Лоян, как в свое время Константинополь выполнял функции Рима и Милана.

Лю Цун, хуннский завоеватель Северного Китая, сразу же сделался крупной фигурой. Он был хозяином старых китайских столиц, Лояна и Чананя, хотя его резиденцией был Пинчэн в Шаньси, он царствовал в центре и на юге Шаньси, в северной части Хэбэя, на юге Хэнаня и на севере Шаньдуна. Но к северу от этого хуннского царства, правитель которого в какой-то мере воспринял китайскую цивилизацию (он воспитывался при императорском дворе), кочевали другие орды, полностью остававшиеся варварами.

Орда табгачей (по-китайски «тоба»), очевидно, тюркского происхождения, обосновалась в 260 г. на крайнем севере Шаньси, севернее Великой стены. В течение последующих

лет тоба перебрались на юг от Великой стены, на древние китайские земли Йеньмэня, севернее Шаньси, и на тайские территории (около Ю-Чжеу), т. е. в район Татона, где они прочно закрепились в 310 г. Наконец, один клан монгольской орды сяньби, клан Муюнов, основал новое царство в Лаотоне и Ляоси, на юго-западе нынешней Маньчжурии.

Большая часть этих тюрко-монгольских царств в Китае в IV в. была так же нестабильна, как германские государства на западе Римской империи в V в., и по тем же причинам: они истребляли друг друга.

Лю Цун умер в 318 г., а его преемники смогли сохранить за собой только северо-западную часть своих государств с центром в Чанане, а один из военачальников покойного властителя, Ши Лэй, человек амбициозный, создал отдельное княжество вокруг Сянго на юге Хопея. В 329 г. Ши Лэй сверг потомков Лю Цуна (династию Цянь-Чжао, или Пей-Ханей) и основал новую династию хуннов, известную под именем Младшие Чжао (Хэу-Чжао), которая продержалась с 330 по 350 г.

Ши Лэй сделал своей резиденцией город Йе, а второй его столицей был Лоян. Этому хунну нравилось изучать классические китайские тексты с помощью переводчиков, что делало его похожим на Теодориха.

Преемником Ши Лэя был Ши Ху (334–349 гг.), человек необузданного нрава, которого пытался убить собственный сын – настоящий монстр, заставлявший жарить и подавать к столу самых красивых своих наложниц, кстати, за покушение на отца это чудовище поплатилось жизнью. И вот, как это часто случалось с варварами, соприкоснувшимися с китайской цивилизацией, Ши Ху стал ярым сторонником буддизма. Итак, хуннский царь, столицей которого оставался Йе в северной части Хэнаня, властвовал над Шаньси, Хэбэем, Шаньдуном и даже над северной частью Ганьсу.

Это хуннское царство рухнуло так же быстро, как и создавалось. После смерти Ши Ху его преемник и его генералы просто-напросто истребили друг друга.

Муюны, сяньби, которые сформировали царство в Лаотоне, воспользовались этой анархией и отобрали у хуннов весь Хэбэй (350–352 гг.), Шэньси и Шаньдун. Вождь победителей Муюн Цзюнь (349–360 гг.) сделал своей столицей Янь (350 г.), затем Йе (357 г.). Его династия известна в истории под именем Старшие Яни, или Цянь-Янь (349–370 гг.). В 364 г. его преемник захватил Лоян, затем северный берег реки Хуанхэ (366 г.). Но владычество Муюнов продолжалось недолго.

В 350 г. военачальник, служивший царю хуннов Ши Ху, по имени Пу-Хонь, вероятно монгольской расы, хотя его порой называют тангутом, т. е. тибетцем, создал независимое государство в Шаньси со столицей Чанань. Его династия – дело в том, что все мелкие тюрко-монгольские царьки считали своим долгом основывать настоящие китайские царствующие дома, – известна под именем Старшие Цини (Цянь-Цинь, 350–395 гг.).

Сын Пу-Хоня, Фу Цзянь (357–385 гг.), был одним из самых замечательных в когорте этих тюрко-монгольских царей: он приобщился к китайской цивилизации, показал себя добрым правителем и большим другом буддистов. Он отвоевал у муюнов сначала Лоян (369 г.), затем Тайюань и, наконец, Йе, столицу потомков Муюна, пленив их царя (370 г.). Таким образом, все царство Муюнов – Хэбэй, Шэньси, Шаньдун, Хонань – перешло в руки Фу Цзяня в 370 г. Он уже был правителем в Шаньси, а теперь ему принадлежал весь Северный Китай. В 376 г. он аннексировал еще одно небольшое государство варваров, царство Лянь в Ганьсу.

В 382 г. Фу Цзянь послал своего военачальника Лю-Гуана на завоевание Тарима. Лю-Гуана радушно встретили цари Шаньшаня (Лобнор), Турфана (Передний Кью-Че) и Карашара (Яньци). Царь Кучи (китайцы называли его По-Шуэнь) пытался оказать сопротивление, но был разбит и изгнан (383 г.). Лю-Гуан захватил Кучу и привез в Китай знамени-

того буддийского монаха Кумарадживу, выдающегося переводчика санскритских текстов на китайский язык, о чем говорилось выше.

По всей очевидности, Фу Цзянь, покорив все варварские государства в Северном Китае, готовился покорить Южную Китайскую империю и объединить всю страну под своей властью, как сделает восемь столетий спустя другой тюрко-монгольский завоеватель – Хубилай. В 383 г. он действительно атаковал империю на реке Хуанхэ, но в верховьях реки потерпел поражение, от которого так и не оправился.

Один из потомков древнего сяньбийского клана Муюнов по имени Муюн Чуй, служивший клану, взбунтовался и отобрал Хэбэй и Шаньдун, основав царство Младших Яней (Хэу-Янь), которое продержалось с 384 по 407 г. Его столица находилась в городе Чжуншане, к югу от Баодина, в Хэбэе. Другой член муюнского семейства в те же годы (384 г.) основал другое царство – Западный Янь (Си-Янь) в Шэньси, но в 394 г. его присоединил к своим владениям Муюн Чуй. Наконец, Шэньси и часть Хэнаня отобрал у царствующего дома Фу Цзяня один бывший генерал Яо-Чань (тибетец), который основал здесь династию Младших Циней (Хэу-Цинь) со столицей в Чанане, которая просуществовала всего с 384 по 417 г. Надо отметить, что и другие генералы-тюрки основали в Ганьсу два других княжества – Западные Цини (Си-Цинь, 385–400 и 409–431 гг.) со столицей Ланьчжоу и Младшие Ляни (Хэу-Лянь, 386–403 гг.).

Династия Вэй – «тюркский Китай». Военные кампании против жужаней

Рядом с ордами, чьи царства рушились одно за другим, крепла тюркская орда табгачей (в китайской транскрипции тоба), которая в конце концов поглотила их всех и сформировала в Северном Китае прочную власть. Точно так же франки, пережившие бургундцев, вестготов, ломбардцев, создали Каролингскую империю, которая объединила в себе германское настоящее с римским прошлым. Такая же судьба была у тоба, которые объединили остальные тюрко-монгольские государства Китая (северной его части), китаизировали их и все смешали с китайской массой, а их приверженность буддизму сродни приверженности Меровингов и Каролингов христианству. Наконец, так же, как франки превратились в защитников романского мира против новых германских завоевателей, так и тоба стали на страже на Хуанхэ против монгольских орд, остававшихся дикими в своих родных степях.

Итак, в течение III в., смутного времени в китайской истории, когда варвары, сменившие хуннов, заполняя пустоту, хлынули повторяющимися потоками на север страны, в 260 г. в Северном Шаньси обосновалось племя тоба, выходцев с берегов Байкала и, вероятнее всего, говоривших на тюркском языке. Об этих людях, которым суждено было сыграть большую роль в истории, мы имеем достаточно сведений, чтобы точно идентифицировать их.

На протяжении нескольких сот лет о них почти ничего не было слышно. Но в конце IV в. их предводитель Тоба Гуй (386–409 гг.) покорил шансийцев и быстро вышел на историческую арену. В 422 г. тоба взяли столицу Лоян и под династическим именем Вэй (Тоба-Вэй) стали настоящими китайскими императорами. Они захватили всю территорию Китая, включая его протектораты, оазисы Центральной Азии, которые прибрали к рукам около 448 г. (Куча и Карашар) и 456 г. (Хами); они почти завоевали его северную половину, аннексировав Шаньси (436 г.), Шандунь, Хэнань и часть Ганьсу (446 г.). Только утрата исконных кочевнических качеств стала причиной их поражения в борьбе с Южным Китаем после 469 г., когда они бросили свои войска на стены Нанкина.

Однако не блестящие военные операции сделали их известными и определили их историческое значение, а их исключительное приятие цивилизации и тот факт, что они стали защитниками китайской цивилизации от остальных варваров.

Разумеется, в самом начале, в царствование Тоба Гуя, Тоба Сэ (409–423 гг.) и Тоба Дао (423–452 гг.), которые были у тоба самыми заметными правителями, они проявили все свои лучшие качества и одновременно все пороки, присущие варварам. Но, начиная с царствования Тоба Сюня (452–465 гг.), они приняли буддизм и стали усиленно насаждать его в Китае: к примеру, в Лояне насчитывалось не менее 1300 пагод. Тоба Хун I проявил такое религиозное рвение, что отказался от трона и ушел в монастырь. Его сын Тоба Хун II (471–499 гг.) прославился тем, что при нем были созданы скульптурные гроты Лоньшеня. В таких условиях буддизм стал государственной религией.

Пятисотлетнее владычество тоба в Китае и вытекающие отсюда значительные политические и военные последствия обязывают нас более подробно остановиться на завоевательных устремлениях этого народа.

К началу 400-х гг. царству Вэй, т. е. «тюркскому Китаю» племени тоба, угрожала волна варваров – жужаней, чье название в китайской транскрипции может звучать как «дурно пахнущие насекомые». По мнению лингвистов, речь идет о чисто монгольской орде (как и их предшественники сяньби). Один из предводителей, Шо-Луэнь, прославил свой народ тем, что в 402 г. покорил соперничавшую орду – као-кью, – которая обитала в районе Кобдо и Урумчи и представляла собой предков тюркских талашей и уйгуров. После этого жужани царствовали в Северном Гоби от Леахо на востоке, на корейской границе, до верховьев

Иртыша на западе и почти до Карашара. Титулы «хан» и «каган» впервые появились у жужаней, т. е. это монгольские титулы, заменившие прежний титул шаньюй, который использовали племена хуннов.

Перед лицом угрозы со стороны новой империи кочевников правители тоба, или династия Вэй Северного Китая, предпринимали решительные наступления в виде превентивных операций в Гоби. Тоба Гуй одержал первую победу и отбросил кагана жужаней Шо-Луэня с излучины Хуанхэ (402 г.).

Тоба Сэ, продолжая защищать северные подходы к Великой стене от жужаней, продвинулся дальше на юг и отобрал у Южной Китайской империи город Лоян вместе с частью Хэнаня (423 г.).

Тоба Дао, сын Тоба Сэ, отразил угрозу со стороны жужаней в 423 г. В 425 г. он совершил против них карательный поход со своей конницей и прошел Гоби с юга на север (резиденция кагана жужаней находилась на Орхоне), затем он напал на другое царство варваров – Хья, основанное в Шаньси ханом хольенов, и захватил ханскую ставку около Пинъяна, на севере Шаньси (427 г.). В это время его военачальники действовали в Чанане (426 г.). В 431 г. они разгромили хольенов и присоединили Шаньси к царству тоба. В 436 г. войска Тоба Дао захватили царство Янь, последнюю территорию муюнов, и аннексировали его.

В 439 г. Тоба Дао покорил государство Пей-Лянь в Ганьсу. Правящее семейство Пей-Лянь – хуннский клан, правивший там с 397 г. под именем Цеу-Кью, – сбежало в Турфан, захватило этот район и царствовало здесь с 442 по 460 г.

Аннексией страны Пей-Лянь тоба завершили завоевание всех тюрко-монгольских царств в Северном Китае, исключением было царство Наньян в Шаньдуне, остаток муюнских государств, которое было аннексировано в 410 г. Южно-Китайской империей. После чего в этом регионе остались две силы: большое царство Тоба, или царство Вэй, как они называли свою страну на китайский манер, и исконно Китайская империя на юге, где Нанкин играл роль Византии. Действительно, картина напоминает римский мир, поделенный в VIII в. между франками, которые завоевали Запад, уничтожив остальные «варварские» царства, и Византийской империей, которая оставалась властительницей Востока.

Последствия этих завоеваний для народов Центральной Азии были настолько значительны, что они стали называть Северный Китай страной Тоба, так же, следуя их примеру, называли этот народ византийцы: табгачи – по-тюркски, тамгадж – по-арабски, тайгаст – по-гречески.

Объединив северную часть Китая, Тоба Дао провел в Гоби большую военную кампанию против жужаней, которая стала для последних настоящим бедствием (429 г.), затем закрепил свой успех в 443 г.

В 445 г. армия тоба примерно наказала Шаньшань, который блокировал все пути на запад, а в 448 г. генерал тоба Ванду Гуй наложил дань на Карашар и Кучу. В 449 г. состоялась третья экспедиция Тоба Дао в Гоби.

Тоба Дао – самая яркая личность этой энергичной тюркской династии, которая рьяно защищала от своих вчерашних родичей, оставшихся кочевниками, древнюю китайскую цивилизацию. Он отличался исключительной храбростью и наводил страх на жужаней, которые прежде пользовались слабостью китайских императоров и постоянно нападали на империю. Он поставил точку в масштабных походах, т. е. сделал примерно то же, что Хлодвиг сделал для Галлии. Он сам китаизировался в достаточной степени, но поддерживал в своей орде традиционный тюркский воинственный дух. Он отказался сменить старые стоянки в Пинчэне, на севере Шаньси, на пороге степей в исторические столицы древнего Китая – Лоян и Чанань, захваченные его армиями. Он также сохранил варварский тюрко-монгольский обычай, согласно которому перед восхождением на трон очередного царя тоба убивали его мать, чтобы избежать обиды и зависти возможных детей-соперников. Нет нужды гово-

рить, что с такими взглядами он питал к буддизму глубокую антипатию, в которой сочетались его чувства воина-варвара и ненависть к даосам со стороны его окружения. В 438 г. он упразднил орден буддийских монахов, а в 446 г. издал указ об их преследовании.

Преследования буддистов прекратил его внук, Тоба Сюнь, который пришел к власти в результате дворцового переворота (452–465 гг.).

В буддийских пещерах Юньгана, на севере Шаньси, вырытых между 414 и 520 гг., обнаружены скульптуры, составившие славу вэйского искусства и датированные временем царствования этих властителей; они выполнены с глубоким религиозным подтекстом, греко-буддийская основа которого пришла сюда через Гандхару по тропам Тарима и создала творения того высокого мистицизма, который можно назвать предшественником романской и готической скульптуры. Даже собственно китайские династии были слишком пропитаны национальными предрассудками и конфуцианским классицизмом, чтобы безоговорочно воспринимать мистику, пришедшую из Индии, поэтому буддийская скульптура императорских династий того времени – в Нанкине и даже в Лане – далека от таких взлетов религиозного экстаза.

Во многих отношениях именно благодаря своему варварскому происхождению племена тоба, эти франки Дальнего Востока, оставили в Юньгане, а затем в Лунмэне шедевры, сравнимые с Шартрским и Реймским соборами, и в этом, возможно, заключается один из самых неожиданных результатов завоевания древнего Китая степными кочевниками. Более того, великие походы V в. на Западе, когда общество, созданное западными варварами, в достаточной степени христианизировалось, принесли после «смутных» веков блестящие столетия Средневековья. Великие походы IV в. на Востоке еще раньше дали такие же результаты, потому что уже в течение ста лет Вэйский Китай впитал в себя достаточно буддизма, чтобы дать нам выдающуюся скульптуру Юньгана и Луньмэня.

Шли годы, а китаизация и обращение тоба в буддизм не погасили в них тюркскую энергию. В царствование Тоба Сюня племена тоба захватили оазис Хами (456 г.) и наконец в 448 г. нанесли жуаньжуаням такой сильный удар, после которого у тех осталась (до 552 г.) лишь тень былого могущества. Местные племена подняли головы и стали готовиться к предстоящему владычеству тюрков.

При Тоба Хуне I тоба перенесли направление своих завоеваний в исконно Китайскую империю, т. е. на юг: в 466 г. они взяли Пинчэн в Ганьсу, в 467 г. захватили бассейн Хуанхэ, в 469 г. завоевали Шаньдун. В 467 г. они нанесли сильный удар по родичам сяньби, т. е. монголам, которые с начала века поселились в Кукуноре.

Тоба Хун был настолько ревностным буддистом, что в 471 г. отрекся от трона в пользу своего юного сына и ушел в монастырь. Новый монарх – Тоба Хун II – с такой же симпатией относился к буддизму и под влиянием этой религии сделал законы намного гуманнее. Он завершил китаизацию тоба, а в 494 г. перенес свою столицу из Пинчэна в Лоян (кстати, византийские и сирийские географы иногда называли его Таугаст по имени тоба), и именно к этому периоду относятся знаменитые буддийские пещеры Лунмэня, с их скульптурами, которые датируются 494–759 гг. Но, полностью приняв китайскую культуру и буддийскую веру, тоба утратили воинственный дух своих прародителей тюрков. Все их попытки объединить Китай под своей властью, т. е. присоединить Южную империю, успехом не увенчались. Царь Тоба Ко (499–515 гг.) сделал последнее усилие в этом направлении, но его войска не смогли преодолеть линию Хуанхэ, которая служила границей между двумя империями и за которой находилась неприступная крепость Чоньли.

После смерти Тоба Ко царством Тоба правила его вдова, императрица Ху Ши (515–528 гг.). Наследница древних тоба была последней из династии, в которой еще чувствовались тюркская сила и энергия. Это была твердая, временами даже жестокая женщина, жаждавшая власти, но, тем не менее, благоволившая к буддизму. Она привела в порядок буддийские свя-

тыни Лунмэня и отправила в Северо-Западную Индию буддийского монаха-путешественника Сонь-Юня, который оставил интересные записки о положении дел в Центральной Азии того времени.

Сонь-Юнь прошел через Шаньшань, Хотан, Памир и в Бадахшане встретился с ханом эфталитов. Затем он побывал в Уддиане и Гандхаре и привез оттуда своей царице интересующую ее буддийскую литературу (518–521 гг.).

К этому времени тоба китаизировались до такой степени, что в их царстве начались дворцовые перевороты, гражданские войны и споры из-за наследства. В 534 г. они разделились на две ветви: Восточные Вэи (Дун Вэй), которые владели Хэбэем, Шаньдуном и Хэнанем со столицей в Чанто (534–550 гг.), и Западные Вэи (Си-Вэй), которой принадлежали Шэньси и Ганьсу, а столицей был Чанань (534–557 гг.). Обе династии были свергнуты своими министрами, в результате в Чанто вместо Восточных Вэев образовалась династия Пей-Ци (550–577 гг.), а в Чан-Ане вместо Западных Вэев – династия Пей-Чжеу (557–581 гг.). Но эти династии скоро стали китайскими, поэтому не имеют отношения к истории Степи. Однако интересно то, каким образом тюркская сила, ярко выраженная у первых императоров тоба, постепенно ослабла и растворилась в китайской массе. Это вечная история, которая за столетия произошла с киданями, чингисидами, маньчжурами и др. К тому же следует добавить, что на судьбу тоба во многом повлиял буддизм, так же как позже он вмешался в судьбу чингисидов, а еще позже – племен халкха. Эти суровые варвары, которых коснулась милость Бодхисатвы, настолько сильно воспринимали гуманность буддийских заповедей, что не только забывали свою врожденную воинственность, но даже переставали заботиться о своей защите.

К 534 г. империя ослабла и постепенно пришла к закату, от нее остались только тоба, поглощенные китайскими массами.

А теперь остановимся более подробно на жужанях, согласно терминологии китайских авторов. Возможно, это – протомонголы, благодаря которым в глазах цивилизации оправдано присутствие в Китае тоба, их врагов. Жужани не имеют никакого отношения к псевдоаварам, западным аварам, истребленным Карлом Великим. Под предводительством Чеулуэня они разгромили као-кью тинь-линей около Кобдо (Западная Монголия), в Тарбагатае и в районе нынешнего Семипалатинска, затем за короткое время восстановили, почти во всей целостности, степное государство от Кореи до Иртыша и Карашара, которое раньше было империей хуннов. Жужань не имела особой известности и просуществовала недолго.

Итак, 420 г. был кульминацией жужаньского могущества. Легкие победы над северными и западными племенами сделали Жужань гегемоном в Великой степи, но ни в коей мере не обеспечили этому ханству ни покоя, ни процветания. Главным врагом жужаней была империя Тоба-Вэй, и жужаньский хан Датань попытался сделать все возможное, чтобы не допустить усиления своего естественного соперника.

В 424 г. Датань с 60 тыс. конницы вторгся в Китай, дошел до столицы и разграбил императорский загородный дворец.

В 430 г. император Тоба Дао рассеял в степи войска жужаней.

Теперь роли переменились: империя Тоба-Вэй достигла своего зенита. К тому же телеуты (прототюрки) в количестве 100 тыс. кибиток откочевали от Жужани в долину Иртыша, где телесский старейшина принял титул Великого Сына Неба, и война вспыхнула.

Переход теле на запад был событием чрезвычайной важности: эти разрозненные кочевники образовали свою державу Гаогюй.

В конце V в. в Китае началось возрождение. Античный период истории Восточной Азии заканчивался, и пережиток этой эпохи – Жужань – должна была погибнуть.

Таким образом, уход телеутов и государственный переворот 492 г. были переломными моментами в истории Жужани. Она потеряла гегемонию в Центральной Азии и принуждена была сражаться уже не за власть, а за существование.

Тем временем теле освоились на новом месте и, уничтожив Юэбань, последний остаток хуннской эпохи, создали новое государство.

В политическом отношении Гаогюй держался китайской ориентации, рассчитывая получить шелк. Однако в 495 г. эфталиты (враги жужаней и союзники китайцев), расправившись с Ираном, разгромили Гаогюй. Эфталиты выбрали из числа пленных князя Мивоту и поставили его над оставшимися телеутами. Итак, Гаогюй превратился в вассала эфталитов, которые заплатили ему за союз 60 кусков шелковых тканей.

Но шелк надо было отработать: против жужаней были подняты телеуты, которые должны были оплатить кровью свои 60 кусков шелка. При оз. Пулэй Мивоту разбил жужаней. Те бежали на юг, но в горах Бэйшаня встретили отряды Мын Вэя. В панике бросившись обратно, жужани натолкнулись на телеутов и были снова разбиты (508 г.). В резне погиб злополучный хан жужаней Футу. Мивоту отправил его скальп Мын Вэю. За это ему были присланы дары: полный набор музыкальных инструментов, 80 музыкантов, 10 кусков пунцовых и 60 кусков разноцветных шелковых тканей.

В 516 г. наследник Футу убил Мивоту, и спасшиеся телеуты примкнули к эфталитам. В Жужань тем временем проник буддизм, и единство в орде нарушилось: начались распри.

Распрями воспользовались телеуты: младший брат замученного Мивоту восстановил государство Гаогюй и разбил в 521 г. жужаней, загнав их в Китай.

В 534 г., оставшись один на один с телеутами, жужани разбили их наголову. В 540 г. держава Гаогюй перестала существовать.

Несмотря на бесспорное превосходство жужаней в Верхней Азии, их экспансии мешали яростные атаки тоба, теле, внутренние распри (особенно в 521 г.), восстания подданных.

Жужани имеют отношение к истории тюрков не только потому, что они сразу после них появились в Монголии, сражались с ними, порабощали их и, наконец, пали под их ударами, но и потому, что они привнесли в Верхнюю Азию новые черты цивилизации, которые позже стали признаком тюркской специфичности.

Владычество жужаней (407–552 гг.) не приняли народы Верхней Азии, которые в большинстве своем были тюрки, и оно кажется некоей исторической случайностью в той долгой эпохе, когда на первый план выходят тюркоязычные племена, а монголы большей частью остаются на крайнем Востоке.

Примерно в ту же эпоху на Енисее, в районе Минусинска, сформировалась новая культура – так называемая культура «рыцарей-кочевников», от которой остались бронзовые пластины, элементы упряжи и сбруи, удила, стремена, ножи, сабли, копья, седла и т. п. Они хранятся в музеях Минусинска и Хельсинки. Кстати, такие же предметы (оружие) обнаружены южнее Байкала. По-видимому, эта культура существовала и при жужанях и после них, потому что в тех же местах ее следы связаны с китайскими монетами начала династии Тан (VII в.) и теряются только в IX в. Она интересует нас в связи с тем, что являет собой поразительную аналогию с аварской культурой в Венгрии VI–VIII вв. и с протовенгерской культурой IX в. Однако этот факт не является убедительным доводом для того, чтобы считать жужаней прямыми предками европейских аварцев, по крайней мере, это позволяет заключить, что и те и другие вращались вокруг одного культурного центра.

После жужаней и телеутов можно вести речь о родственной орде – об эфталитах, хозяевах Западного Туркестана того периода.

Держава эфталитов

Эфталиты – это тюрко-монгольская орда, родиной которых, по сообщениям Соньюня, были горы Алтая и которая спустилась в степи нынешнего Туркестана. Их имя – эфталиты – у византийских историков, хейафелиты – у персидского историка Мирконда, йе-таи – у китайцев, которое, по-видимому, происходит от царского клана Эфта, или Йе-Та. Византийские историки называют их, впрочем безосновательно, «белыми гуннами».

В начале V в. эфталиты представляли собой второстепенную орду вассалов жужаней, которая, как уже говорилось, владычествовала в Монголии. Во второй четверти V в. эфталиты набрали силу и распространили свою власть на запад: начиная с верховьев Юлдуза (северо-западнее Карашара), затем бассейн р. Или до Балхаша, бассейн Иссык-Куля, Чуйские и Таласские степи и район Сырдарьи до Аральского моря. Согласно некоторым источникам, одна из резиденций ханов эфталитов находилась рядом с Таласом. В 440 г. они оккупировали Согдиану, или Мавераннахр, и, вероятно, Балх, Бактрию, или Туркестан.

Некоторые востоковеды, в частности Ноельдке, считают, что начиная с царствования персидского царя Бахрама Гуру (420–438 гг.) эфталиты поселились в Бактрии. Возможно, они даже захватили сасанидскую провинцию Хорасан, откуда Бахрам Гур изгнал их в результате битвы при Кусмехане около Мерва. Наоборот, Маркарт полагает, что Бахрам Гур, а затем его преемник Йездигерд II (438–456 гг.) вынуждены были защищаться не от набегов эфталитов, а от хионитов, которые кочевали севернее Мерва. В любом случае именно эфталиты при сасанидском шахиншахе Перозе (459–484 гг.) напали на Хорасан и в конце концов победили и убили этого монарха. Эфталитский вождь, одержавший победу, известен арабо-персидским историкам под именем Ахшунвара или Ахшунваза (возможно, это искаженное согдийское слово «ахшеван», т. е. царь).

После победы над шахиншахом Перозом, эфталиты захватили не только пограничные районы Талекана (между Балхом и Мервом), граничавшие на северо-востоке с империей Сасанидов, но также Мерв и Герат. Кроме того, они поддержали дворцовые интриги среди Сасанидской династии Ирана. Так, сасанидский царь Кавадх, лишенный трона в Ктесифоне, нашел у них убежище, женился на племяннице их хана и получил от него армию, при помощи которой вернул себе корону (498 или 499 г.).

Здесь, очевидно, следует обратиться к истории Сасанидской империи, которая была основана в 224 г. Ардаширом, свергнувшим Артабана V, последнего парфянского царя, мстя за ахеменидского царя. Империя располагалась на Среднем Востоке и получила свое название по имени деда Ардашира, Сасана.

Царство простиралось от Сирийской пустыни, где постоянно приходилось обороняться от наступавших римлян, до северо-западной Индии, где были покорены Кушанская и Эфталитская империи, которые являлись препятствием на главных торговых путях, связывавших Индию и Китай с западными странами.

В политическом отношении империя то склонялась к полной централизации при сильной монархической власти, которая поддерживалась армией и бюрократией, как при Хосрове I (ум. в 579 г.), то впадала в анархию при всевластии местной знати.

Зороастризм объявлен в III в. государственной религией. Христиане в Армении и Закавказье подвергались гонениям, но, порвав в 424 г. с Византийской церковью, освободились от подозрений в служении врагам империи.

Царский двор в Ктесифоне притягивал к себе все лучшее в культурном отношении, испытывал сильное греко-римское влияние и не был чужд новшествам с Востока. Однако население в последние годы правления династии очень сильно страдало от постоянных

войн, чем, возможно, объясняется быстрый распад империи накануне арабского завоевания в 636–661 гг., о чем речь пойдет далее.

Однако обратимся к концу V в., когда эфталиты стали грозной силой в Центральной Азии. В «Лань-Шу» говорится о посольстве, отправленном в 516 г. к китайскому двору в Нанкине эфталитским царем Йе-Тай-Ли-То.

Несмотря на поражение шахиншаха Пероза, сасанидский Иран обладал достаточной силой, и эфталиты отказались от мысли покорить его. Они вернулись на юго-восток в район Кабула. Очень возможно, что при их приближении последних кушанов заменила другая династия – юечжи, пришедшая из Бактрии.

В иранских источниках того времени говорится о Кидаритской династии, которая обосновалась к югу от Окса, между Балхом и Мервом, и воевала против сасанидов. По тем же источникам, сасанид Пероз, тот самый, который якобы погиб от рук эфталитов, – сражался против кидаритских вождей: сначала против их героя Кидары, а позже – Кунха, сына Кидары. Далее говорится, что именно в результате поражения, которое нанес им Пероз, кунхи ушли из Бактрии, и ее тут же заняли эфталиты, после чего Пероз перешел Гиндукуш и остановился в Кабуле, где заменил последних кушанов. Эти сведения подтверждают китайцы, но датируют этот эпизод несколькими годами раньше. В китайских источниках, которые, очевидно, восходят к 436–451 гг., отмечается, что «один царь юечжи из По-Ло, т. е. из Балха, под давлением эфталитов покинул Бактрию и перебрался в Гандхару, где поселился в Пешаваре, подчинившись своим сородичам юечжи Кабула, т. е. последним кушанам». Китайцы называют этого царя Ки-То-Ло, что точно соответствует имени Кидара. Получается, что под натиском эфталитов, а не сасанидов кидариты ушли из Бактрии и нашли убежище в Кабуле. Впрочем, эфталиты преследовали их и прошли по их следам через Гиндукуш. А древняя земля юечжи – Бактрия, Кабул и Кандагар – перешла в руки эфталитов. Более того, из долины Кабула эфталитский авангард, как когда-то кушаны, отправился покорять Индию.

Основная часть Индии – весь бассейн Ганга, Мальвы, Гуджерата и север Декхана – составляла тогда крупную империю во главе с большой местной династией Гуптов, которая находилась на вершине могущества в царствование Кумарагупты (414–455 гг.), которого сменил его сын Скандагупта (455–470 гг.). В последние годы Кумарагупты или в начале царствования Скандагупты эфталиты, покорив Кабул, спустились в Пенджаб и в районе Доаба или Мальвы подошли к границам Гуптской империи. Скандагупта заставил их отступить – либо сразу после восхождения на трон, либо несколько раньше, в бытность наследного принца. В 460 г. в стране воцарился покой.

Однако эфталиты прочно закрепились по обе стороны Гиндукуша – в Бактрии и Кабуле.

В 520 г. их хан (во время путешествия китайского паломника-хронографа Сонь-Юня) имел резиденцию к северу от Гиндукуша, переезжая в зависимости от времени года из Бактрии, где он проводил зиму, в Бадахшан, летнюю резиденцию. В Кабуле, в старых греко-буддийских провинциях Капика и Гандхара, обосновался второстепенный эфталитский вождь, тегин, отпрыск династии, второй царь которой правил в 520 г. В Гандхаре, в среде высокой культуры, где эллинство и буддизм превратили эту страну в новую Элладу и новую «буддийскую Святую землю», эфталиты вели себя как варвары, убивая местных жителей, преследуя буддистов, уничтожая монастыри и памятники искусства, разрушая пятисотлетнюю греко-буддийскую цивилизацию. И персидские, и китайские тексты в один голос констатируют тиранию и вандализм этой орды.

Исторические хроники «Цей-Ше» и Сонь-Юнь, посетивший эфталитского хана в 520 г. в его летней резиденции Бадахшана, затем тегина в Гандхаре, описывают эфталитов как настоящих кочевников: «Они не живут в городах, их правители постоянно находятся в коче-

вом лагере, в войлочных шатрах. Они перемещаются в поисках воды и пастбищ, уходя на лето в прохладные места, на зиму – в районы с умеренным климатом. Для царя сооружают большой шатер квадратной формы, 40 пядей с каждой стороны, вокруг которого расстилают шерстяные ковры. Царь носит шелковые цветастые одежды. Он восседает на золотой кровати, ножки которой сделаны в форме четырех золотых фениксов. Его главная жена также носит одежды из раскрашенного шелка, которые на три шага волочатся по земле. На голове у нее коса длиной 8 пядей, украшенная драгоценными каменьями пяти разных цветов». Это рассказ Сонь-Юня, который отметил у эфталитов обычай братской полиандрии, а также враждебность к буддизму. «Они совсем не верят в буддийский закон и поклоняются многим божествам. Они убивают живых существ и едят мясо с кровью». По свидетельству Хьюань-Цана, эфталиты вырезали в Гандхаре две трети жителей, остальных обратили в рабство, кроме того, уничтожили большинство монастырей и буддийских святилищ.

Из Кабула эфталиты зорко следили за богатствами Индии. Получив отпор со стороны индийского императора Скандагупты, они ждали благоприятного случая, который не замедлил представиться, когда после смерти монарха (470 г.) Индийская империя пришла в упадок, возможно в результате раздела страны на две ветви Гуптской династии: одна царствовала в Мальве в лице Буддхагупты (476–494 гг.) и Бхануупты (499–543 гг.), другая – в Бехаре и Бенгалии во главе с Пурагуптой и Нарасим-хагуптой. По причине ослабления гуптского могущества эфталиты начали совершать набеги на Индию. Возглавлявший их эфталитский хан, которого индусы называли Торамана (ум. в 502 г.), не был ханом всех эфталитов (последний жил севернее Гиндукуша, в Бактрии и Бадахшане, как говорилось выше), походом руководил второстепенный принц, или тегин, а именно тегин Кабула. Три надписи, касающиеся этого военачальника, обнаруженные в Куре (северо-запад Пенджаба), в Гвалиоре и Эране, доказывают, что он покорил не только бассейн Инда, но и Мальву. Его монеты представляют собой имитацию монет индийского императора Буддхагупты, его современника.

Михиракула, сын и преемник Тораманы, который известен нам по своему «культовому» индийскому имени «солнечная раса» на санскрите, царствовавший в своей орде в период между 502 и 530 гг., был настоящим Аттилой для Индии. Он сделал своей столицей Сакалу (Сиакот) в Восточном Пенджабе. Именно с этим тегином Гандхары встречался в 520 г. Сонь-Юнь; этот тегин завоевал Кашмир, после чего вернулся в Гандхару и учинил там резню. Буддийские древние историки изображают его как ярого врага их религии. Хьюань-Цан пишет, что гуптский суверен Магадху, или Бехара по имени Баладитья, был единственным, кто оказал сопротивление. Михиракула дошел до Ганга, преследуя своего врага. Баладитья сначала отступил, затем неожиданно атаковал и пленил его. Этот рассказ заканчивается морализирующим выводом. С другой стороны, надпись в Эране, в Мальве, датированная 510 г. и рассказывающая о победах другого гуптского принца, Бхануупты, свидетельствует о том, что и здесь идет речь о войне с эфталитами. В 533 г. третий индийский принц, Ясодхарман, которого связывают с династией Мандасорских раджей Мальвы, похваляется в своих надписях, что он победил племена эфталитов и заставил Михиракулу покориться ему. После этих поражений Михиракула, видимо, отступил в Кашмир, откуда обрушил на своих подданных в Гандхаре кровавые репрессии, о которых сообщают китайские паломники. В буддийских текстах за все его жестокости предрекается жестокая смерть.

Нам неизвестно, что стало с кланами эфталитов в Пенджабе после Михиракулы. Должно быть, они продолжали беспокоить своих соседей, хотя уже не были настолько опасными: во второй половине VI в. махараджа Танесвара по имени Прабхакара (605 г.) разгромил их. В 605 г. его старший сын Раджиавардхана тоже воевал с ними, а позже великий индийский император Харша Силадитья (606–647 гг.) прославился своими победами над теми же эфталитами. Тем не менее, начиная со второй половины VIII в., эфталиты Индии

исчезают из поля зрения истории. Очевидно, их орды истребили друг друга или влились в население Пенджаба. Некоторые из их кланов сумели пробиться в индийскую аристократию.

Историческая судьба Эфталитской державы удивительно напоминает судьбу средневековой Швейцарии. И там, и тут воинственные племена добились возможности объединения, используя временный упадок и затруднения соседних монархий; и там, и тут были одержаны блестящие победы, там – над австрийцами и бургундцами, тут – над персами и индийцами, но в обоих случаях удержать захваченные территории и закрепить успех не удалось. И как впоследствии швейцарские наемники украшали собою гвардию французских королей, так и эфталитские воины умножили ряды раджпутов, облегчив им победу над остатками развалившейся империи Гупта.

Эфталиты были народом воинственным, но немногочисленным. Успехи их объясняются глубоким разложением захваченных ими областей. Это же разложение Согдианы обусловило слабость эфталитской державы, так как многочисленных подданных бесполезно было мобилизовать. Сами эфталиты, видимо, не переоценивали своих сил и в авантюры не пускались. Режим, установленный эфталитами в Центральной Азии, очевидно, был непопулярен, так как при нападении орд кочевников в 560–570 гг. согдийцы и юэчжи никакой помощи эфталитам не оказали.

Религии Великой степи

Проследим процесс проникновения религий в Великую степь во временном периоде с III в. и, забегая вперед, по XI в.

Во все времена каждый отдельный человек, будучи одиноким, чувствовал себя беззащитным. Не играла роли принадлежность ни к семье или определенному кругу, ни даже к политической группировке, потому что предательство было заурядным явлением, и каждый человек вынужден был искать людей, близких себе хотя бы по духу.

Зачастую религиозные общины совпадали с определенными территориально-политическими образованиями. Например, буддистов тянуло в Тангут или в Кидань, а христиан – к уйгурам или шато.

Входя в ту или иную религиозную общину, человек попадал в среду людей, которым мог доверять, потому что общину он выбирал согласно своим вкусам и наклонностям, и тем самым решал многие проблемы бытия.

Начнем с концепции персидского мыслителя Мани (III в.), объединившего идеи христианские, зороастрийские и даже индийские. Мани учил, что существует «беснующийся мрак» – пространство вечной тьмы, имеющей сгустки еще более темные, чем вмещающая их среда. Эти скопления мрака движутся беспорядочно, как молекулы в броуновском движении, но однажды они случайно приблизились к краю своего пространства, к границе «вечного Света» и попытались проникнуть туда, чтобы омрачить «царство Света». Против них вышел сражаться носитель светлого начала, которого Мани называет Первочеловек, и придает ему качество Ормузда. Силы мрака победили, растерзали Первочеловека и облекли тьмой частицы Света, которые теперь томятся в плену. На выручку этим частицам, т. е. душам, приходил Христос, а вслед за ним он, Мани, воплощение Святого Духа, Параклета-Утешителя. Цель их прихода – освобождение душ от материи – кристаллизованной тьмы; отсюда вытекает, что все материальное, все, что привязывает человека к миру и жизни, – греховно.

С этой концепцией боролись христиане, утверждавшие, что создатель мира благ, а мир, созданный им, прекрасен. В противовес возникли монистические мысли: неоплатонизм, утверждавший, что материя – ничто (мэон), а мир – это истечение из Божественной Плеромы – полноты всего сущего, и христианский монизм в учении Оригена, проповедовавшего, что после светопреставления и Страшного суда по милосердию Божьему дьявол будет прощен.

Православная мысль к IV в., усвоив отдельные элементы всех перечисленных концепций, выкристаллизовывалась в особую философему. Но тогда начались новые затруднения, уже чисто богословского, а не философского характера, отразившиеся в жестокой борьбе на Вселенских соборах.

Появились четыре направления христианской мысли: арианское – распространившееся среди германских племен, несторианское – наиболее важное для нашей темы, монофизитское – возникшее как антитеза несторианству, и халкедонитское (от места, где происходил IV собор) – ставшее господствующим исповеданием Византийской империи.

Вулканом вольномыслия в первые века нашей эры был Передний Восток. В начале IV в. александриец пресвитер Арий выступил с проповедью, что Христос-Логос меньше своего Отца, ибо Он Сын и, значит, рожден. Архиепископ Александр и его диакон Афанасий возражали Арию, указывая, что слово «рожден» к Божественной сущности неприменимо, и обвинили его в ереси Павла Самосатского, учившего, что Христос был человек, осененный Божественной мудростью. Спор быстро перерос в гражданскую войну, причем одни императоры поддерживали ариан, а другие – православных. Одновременно проповедовали свои учения гностики, неоплатоники, митраисты, и все боролись против всех.

Не следует думать, что представители этих учений были неискренни в своих привязанностях к исповеданиям веры. В те времена потребность в логически-последовательном мировоззрении была очень острой. Конечно, не случайно, что наиболее рационалистические и буквалистские толкования догмы религии были связаны с антиохийской школой, философские – с александрийской, а эмоционально-эстетические – с константинопольской, где эллинский элемент среди населения был преобладающим. Но нам нет необходимости далее останавливаться на перипетиях религиозной борьбы в Римской империи, а следует сосредоточить внимание на проникновении этой бурлящей, раскаленной мысли в бескрайние пространства Великой степи.

После того, как в 277 г. в Гундишапуре, резиденции персидского шаха, принял мученический венец мыслитель и писатель Мани, объявивший себя наследником Христа и Параклетом, замученный мобедами, зороастрийским духовенством, его последователи вынуждены были бежать из Ирана, но на Западе манихейство подвергалось постоянному гонению и ушло в подполье. На Востоке манихеи нашли приют в Мавераннахре и в оазисах вдоль Великого караванного пути.

В 431 г. на Вселенском соборе в Эфесе был предан анафеме константинопольский патриарх Несторий, неосторожно заявивший, что «у Бога нет матери». Его победители немедленно вступили в борьбу между собою, но как монофизиты, так и православные халкедониты были единодушно нетерпимы к несторианству. Особенно обострилась вражда после 484 г., когда на соборе в Бит-Запате несторианство было признано господствующим исповеданием персидских христиан, в том числе и прихожан Мервской митрополии. Поддержка персидского шаха для византийских несториан оказалась роковой. В 489 г. император Зенон подтвердил осуждение несториан и закрыл эдесскую школу, где несториане преподавали свое учение. Школа переехала в Иран, в Низиб, а в 499 г. в Ктезифоне возникла несторианская патриархия, расцветшая в VI в.

Из Ирана несториане широко распространились по Восточной Азии. В VI в. христиане проповедовали свою веру среди кочевых тюрок не без успеха. Тюрки, захваченные в плен византийцами в битве при Балярате в 591 г., имели на лбах татуировку в виде креста и объясняли, что это сделано по совету христиан, живших в их среде, чтобы избежать моровой язвы. Этот факт отнюдь не говорит о распространении христианства среди кочевых тюрок VI в., но позволяет констатировать нахождение христиан в Степи.

В 635 г. несторианство проникло в Китай и было встречено правительством весьма благожелательно. Первые императоры династии Тан, Тай-цзун и Гао-цзун, покровительствовали христианам и позволяли им строить церкви. Во время узурпации престола императрицей У Цзэ-тянь, связанной с буддистами, на христиан началось гонение, но узурпаторша была быстро лишена власти сторонниками династии Тан. В 714 г. в империи Тан император Сюань-цзун указом запретил буддизм, а в 745 г. разрешил проповедь христианства. С этого времени несторианство начало распространяться в Джунгарии, находившейся под контролем империи Тан, и обретать неофитов среди кочевников, главным образом басмалов, но довольно долго его успехи были незначительны.

Распространяющееся несторианство встречало сопротивление не со стороны местных религий, пришедших в упадок после падения Тюркского каганата, а от подобных ему прозелитических религий: буддизма, ислама, манихейства и бона. Первые две религии долгое время не находили последователей в Степи. Тонь-кук воспрепятствовал пропаганде буддизма на том основании, что «учение Будды делает людей слабыми и человеколюбивыми», а тюргешский хан Сулу ответил послу халифа Хишама (724–743 гг.) так: «Среди моих воинов нет ни цирюльников, ни кузнецов, ни портных; если они сделаются мусульманами, и будут следовать предписаниям ислама, то откуда же они добудут себе средства к жизни». Ислам представлялся кочевникам исключительно городской религией, и они относились к нему так

же, как и бедуины Аравии век назад. Зато манихеи, изгнанные в 732 г. из китайских владений императором Сюань-цзунов, нашли сторонников среди уйгуров и поддержали хана Моянчура в тяжелой внутренней войне.

Поскольку христиане оказались противниками уйгурского хана, то после победы он склонился на сторону манихеев, которые его поддержали. Вскоре Уйгурия быстро превратилась в теократическую державу, где правила манихейская община. Хану оставили только военные дела.

Манихеи, оказавшись у власти, проявили такую религиозную нетерпимость, что рассорились со всеми соседями: тибетскими буддистами и последователями религии бон, сибирскими шаманистами, мусульманами, китайцами и уж, конечно, несторианами. Здесь мы не станем прослеживать политическую историю Уйгурии, поскольку это будет рассматриваться далее, отметим лишь, что, когда эта страна была сокрушена в 840–847 гг. кыргызами, вместе с ней погибла и манихейская община. Опустевшие после ухода уйгуров на юг степи постепенно заселились монголоязычными племенами. Культурная традиция на время оборвалась, но как только восстановился кое-какой порядок, несторианство буквально затопило Центральную Азию.

Зато в Китае, где несторианство было терпимо с 635 г., в 945 г. специальным указом Танского правительства оно было объявлено вне закона вместе с буддизмом и манихейством. Это событие совпало с разгромом Уйгурии, в которой до сих пор Китай нуждался как в союзнике и которая охраняла интересы и жизнь кочевников, обитавших в пределах Срединной империи. Последовавшим за указом гонениям христиане оказали куда более сильное сопротивление, чем буддисты и манихеи. Но позиции христианства в Китае были сильно подорваны. В 987 г. христианский монах, вернувшийся в Константинополь с Дальнего Востока, рассказал, что «христиане в Китае исчезли и уничтожены по разным причинам и что только он один убежал». Можно быть уверенным, что здесь имеется некоторое преувеличение и что осколки несторианства оставались на северной границе Китая вплоть до начала XI в., когда развернулась интересующая нас вторая волна христианской экспансии на Дальнем Востоке.

Буддизм выдержал натиск куда более успешно, чем христианство. И даже манихейство не было полностью подавлено, хотя для того, чтобы удержаться, оно прибегло к обману. Манихеи начали притворяться буддистами. Сначала это была сознательная мимикрия: нельзя же было, в самом деле, каждому неофиту объяснять, что он вступает в запрещенную правительством общину, которая маскируется под буддийскую, будучи в действительности манихейской! Такими разъяснениями можно было только оттолкнуть неофитов, да еще и нарваться на предателей. Поэтому, выдавая себя за буддистов и соблюдая соответствующий декорум, китайские манихеи постепенно слились с буддистами, и даже такие ученые, как Бируни, перестали различать их. Особенно интенсивным было это смешение в тех областях, где позже возникло Тангутское царство: манихейские божества светил в буддийском облике обнаружены на иконах Хара-Хото.

Итак, в аспекте борьбы мировоззрений влияние китайской и мусульманской культур в Степи было ограничено и остановлено византийской культурой, понимаемой в самом широком смысле. И самое любопытное в этом явлении было то, что успех «степного византийства» (Л. Гумилев), т. е. проникновение христианства и манихейства в Степь, нельзя подвести под рубрику «культурных влияний». Всякое влияние предполагает какую-нибудь форму принуждения, хотя бы моральную, интеллектуальную, эмоциональную.

А кочевники были всегда очень чувствительны к любым формам принуждения и умели весьма успешно отбиваться от них. Но Византийская империя, находясь далеко от степей Центральной Азии, не давила и не могла давить на кочевников. К тому же проповедь христианства среди кочевников вели те, кого в самой Византии считали еретиками. Поэтому рас-

пространение христианства в Степи было не «культурным влиянием», а пересадкой идейных ценностей.

Универсализм христианства, в котором «несть ни варвар, ни скиф, ни еллин, ни иудей», привился в кочевом мире, потому что он не третировал кочевников как неполноценных людей и не вел к подчинению чужому хану, будь то Сын Неба или Наместник пророка. Напротив же, победа «китайского гуманизма», т. е. стремление избавиться от чужеродных элементов в своей культуре, свелась к расправе над беззащитными подданными и потому не перехлестнула Китайскую стену.

К 1000 г. несторианство в Китае исчезло. Сунское правительство объявило войну религии как таковой и победило. Но кого? Кучку монахов и немногих пограничных метисов, искавших утешения и покоя! Уцелевшие китайские несториане бежали в Степь, и с этого момента несторианство стало антикитайской силой, во много раз более мощной, чем до гонений.

Глава 2
Империя Аттилы

Гунны – возвращенная молодость хуннов

В середине II в. хуннская эра во Внутренней Азии закончилась, но с этого времени начинается новый этап их истории – гуннская инвазия в Европу и их завоевания в Старом Свете.

Если Птоломей прав, гунны обосновались в районе Нижней Волги во II в.

История хуннов с 158 по 350 г. совершенно неведома. Можно лишь констатировать, что за 200 лет они изменились настолько, что стали новым этносом, который принято называть «гунны».

По этому поводу существует легенда, что король готов Филимер, при котором готы во второй половине II в. появились на Висле, привел свой народ в страну Ойум. Предполагается, что эта страна располагалась на правом берегу Днепра. Там Филимер разгневался на женщин, обладающих сверхъестественными силами, одним словом, колдуний, и изгнал их в пустыню. С изгнанницами встретились «нечистые духи», и потомки их образовали племя гуннов. Видимо, так и было. Хунны, спасшиеся от стрел и мечей сяньби, остались почти без женщин. Ведь редкая хуннка могла вынести тысячу дней без отдыха. Описанная в легенде метисация – единственное, что могло спасти хуннов от исчезновения.

Хунны и гунны – пример этнической дивергенции.

Мы не знаем, каков был социальный и политический строй гуннов периода миграции из зоны периферии китайской цивилизации в Поволжские степи и периода нашествия на земли аланов и готов Северного Причерноморья, но гунны должны были принципиально упростить свои социально-политические структуры с началом миграции на запад. Несомненно, однако, что гунны, тем не менее, сохраняли ту или иную меру памяти о своем прежнем социально-политическом опыте.

А каково же было положение в Европе?

К середине III в. германские племена между Эльбой и Рейном, обессилившие и спившиеся, стали образовывать военные союзы. Так, на базе древних племен, уже превратившихся в реликты и не способных отразить наступление римской армии Германика, возникли новые этнические образования с условными названиями: франки – свободные, саксы – ножовщики, алеманны – сброд, свевы – бродяги. Это были организации, созданные исключительно для войны, то есть военная демократия, уживавшаяся в Европе с родовым строем, так как некоторые племена сохранили его.

Предки славян – лугии и венеды – не уступали германцам в энергии, а иногда превосходили их, и за короткое время они распространились до Балтийского моря, а в последующие века овладели Балканским полуостровом. Позднее восточные славяне и росомоны слились в единый древнерусский этнос. Но в III–IV вв. они были только союзниками, ибо их общими врагами были готы, победившие римлян и отторгшие у них в 271 г. целую провинцию – Дакию. Кровь лилась обильно.

Но где же в эту эпоху – 160–360 гг. – царил мир? Какой этнос избегал столкновений, потрясавших Европу, Ближний Восток и Центральную Азию? Кто сумел избежать кровопролитий? Только те, о ком не вспоминают историки тех лет: это гунны. Можно подумать, что античные историки просто не уделяли внимания кочевым народам. Но это не так. Об

аланах сообщают Иосиф Флавий, Лукиан и Птоломей, а о гуннах подробно рассказывает только Аммиан Марцеллин.

Аланы были одним из сарматских племен. Вот что писали о них историки: «Постепенно ослабив соседние племена частыми над ними победами, они стянули их под одно родовое имя». Об этом же сообщают китайские географы эпохи Младшей Хань, называя вновь образовавшееся государство Аланья. Территория аланов включала Северный Кавказ и Доно-Волжское междуречье. Хозяйство их было основано на сочетании скотоводства с земледелием, а ремесла и искусство были на очень высоком уровне. Культура их являлась продолжением скифской, хотя царских скифов и скифов-кочевников сарматы истребили так, что тех вообще не осталось, кроме как в степном Крыму. Последних прикончили готы.

Западные сарматы, роксоланы и язиги постоянно воевали с римлянами на берегах Дуная; восточные, проходя через «Аланские ворота» – Дарьяльское ущелье, вторгались в Армению и Мидию. Короче говоря, аланы 200 лет постоянно воевали.

Где в это время были гунны – историческая загадка.

Марцеллин дает следующий портрет гунна (очевидно, под впечатлением от ужаса при известии о вторжении гуннов в Старый Свет): «Гунны превосходят в жестокости и варварстве все, что можно себе представить. Они уродуют шрамами щеки своих детей, чтобы не росла борода. Их приземистая фигура с огромными руками и непропорциональная голова придают им чудовищный облик. Они и живут, как животные. Они не жарят и не варят пищу, питаются кореньями диких растений и сырым мясом, протухшим под седлом. Они не имеют понятия о плуге, о жилищах оседлых людей. Это вечные кочевники, с детства привыкшие к холоду, голоду, жажде. Они повсюду водят с собой свои стада, а семьи перевозят в повозках, где женщины ткут и шьют одежду, нянчат и воспитывают детей. Спросите у этих людей, откуда они пришли, где они родились – они этого не знают. Их одежда состоит из льняной туники и накидки из крысиной кожи. Они меняют одежду только когда она уже сгнила от пота. Шлем или шапка, сдвинутая на затылок, и обмотки из козьей кожи на ногах дополняют одеяние гуннов. Бесформенная обувь не дает им возможности ходить, поэтому они неспособны сражаться в пешем строю, зато в седле, будто сросшиеся со своими небольшими уродливыми лошадьми, – это неутомимые и быстрые, как молния, всадники. Они проводят на лошади свою жизнь – то верхом, то сидя, свесив ноги в одну сторону, на женский манер. На лошадях они проводят свои собрания, покупают и продают товары, едят и пьют и даже спят, склонившись на шею животного. В сражении они запугивают противника жуткими воплями. Встретив сопротивление, они рассеиваются в стороны, но тут же вновь возвращаются с невероятной быстротой, круша все на своем пути. Однако они не умеют закрепляться или осаждать укрепленный лагерь. Но ничто не сравнится с ловкостью, с какой они посылают на большое расстояние свои стрелы с острыми костяными наконечниками, твердыми и смертоносными, как железо».

Аполлинер, который объясняет физический облик гуннов намеренной деформацией тела в детстве, с таким же страхом пишет об этих «брахицефалах» с плоским носом («бесформенный плоский выступ на лице»), с выступающими скулами, глубоко сидящими глазами («из глазниц, как из пещеры, их острый взгляд охватывает далекие пространства»). Это орлиный взгляд кочевника, привыкшего обозревать огромную территорию, различать стада оленей и ланей или диких коней на самом горизонте степи. А вот портрет вечного степного всадника, написанный тем же автором: «Пеший гунн – роста, ниже среднего, а верхом на коне он огромен».

Интересно сравнить этот портрет с описанием хуннов, которое оставили китайские историки: и физический тип, и нравы – все сходится. Такой же портрет монголов XIII в. дают и китайские, и христианские авторы. Гунн, тюрк или монгол, степняк, брахицефал с большой головой, мощным торсом, короткими ногами, «вечный всадник», «верховой лучник»

Верхней Азии, живущий по соседству с культурой и цивилизацией, почти не изменился за пятнадцать столетий набегов на оседлые государства.

Большинство востоковедов считают гуннов тюрками, поскольку эти народы восходят к одной языковой группе. Кроме того, раскопки в Венгрии показали, что речь идет о народе с сильно выраженной брахицефальностью. Наконец, когда гунны окончательно сошли с исторической арены, их место заняли племена, которые, несомненно, являлись прототюрками, их наследниками.

Итак, отношения между пришельцами – гуннами и редким коренным населением Западной Сибири, видимо, повели не к конфликтам, а, скорее, наоборот – к углублению контактов и установлению политических союзов. Это видно из того, что много лет спустя племена булгар и сабир носят приставку – «гунно». Причислять себя к гуннам в VI в. было почетно.

Зато по-иному восприняли эти изменения аланы.

Известно, что гунно-аланская война началась в 360 г. и закончилась победой гуннов в 370 г. И это несмотря на то, что аланы были гораздо сильнее гуннов. Подобно юэчжам и парфянам они применяли сарматскую тактику ближнего боя. Всадники в чешуйчатой броне, с длинными копьями на цепочках, прикрепленных к шее коня, так что в их удар вкладывалась вся сила движения коня и всадника, бросались в атаку и сокрушали даже римские легионы – лучшую пехоту III в.

За спиной у алан было громадное Готское царство, созданное Германарихом из рода Аманов. Оно простиралось от берегов Балтийского моря до Азовского, от Тисы до Дона. Остготы стояли во главе державы; вестготы, гепиды, язиги, часть вандалов, оставшаяся в Дакии, тайфалы, карпы, герулы, их южные соседи – скиры и северные – росомоны, венеды, морденс (мордва) и другие были их подданными. Готам принадлежали степной Крым, Черноморское побережье Северного Кавказа. При этом они были надежными союзниками алан. Так что последние считали, что их тыл обеспечен. Наконец, у алан имелись крепости. Гунны же брать крепости не умели. Так почему же гунны победили и алан, и готов, чего не смогли сделать ни римляне, ни персы? Потому что, когда в 360 г. началась война с гото-аланским союзом, поддержанным Византией, у гуннов уже было много сторонников, говоривших на своих языках, имевших свои религии и свои нравы, но выступавших вместе с гуннами и умноживших их ряды.

Очевидно, здесь следует вспомнить понятие «симбиоз», введенное в научный обиход Л. Гумилевым: «…близкое сосуществование двух и более этносов, причем каждый из которых имеет свою экологическую нишу» (в отличие от «химеры» – чисто хищнического сосуществования этносов в одной экологической нише). Так что именно симбиозом можно объяснить победу гуннов.

Дальнейшее повествование требует исторической справки на готов, остготов, вестготов.

Готы – германские племена, вторгшиеся в Западную Римскую империю. Выходцы из Прибалтийских земель, к III в. они переселились на северное побережье Черного моря и в низовья Дуная. Здесь они смешались с местными племенами, в основном скифо-сарматскими.

Восточная группа племен, населявших Причерноморье, известна под именем остготы.

Остготы вступили в союз с гуннами и в V в. основали свое королевство в Италии во главе с Теодорихом.

Вестготы – западная ветвь готов. В начале V в. вторглись в Италию, в 411 г. разбили Рим. В 418 г. основали в Южной Галии раннефеодальное Тулузское королевство. В V в. захватили большую часть Пиринейского полуострова. Их государство было завоевано арабами в 714 г.

В Испании королевство вестготов пало в 711 г. под напором мусульман.

Итак, к 370 г. стало ясно, что аланы войну с гуннами проиграли, но до полного разгрома и покорения ими аланов было далеко. Мобильные конные отряды гуннов контролировали степи Северного Кавказа от Каспийского моря до Азовского. Но предгорные крепости аланов взяты не были, не была захвачена и пойма Дона, что вообще было не под силу кочевникам. Гунны не пытались форсировать низовья Дона. Они нашли иной путь.

Согласно исторической хронике Иордана, в 371 г. гуннские всадники увидели на Таманском полуострове пасущуюся самку оленя и погнались за нею. Притиснутая к берегу моря олениха вошла в воду и, «то ступая вперед, то приостанавливаясь», перешла в Крым. Охотники последовали за ней и установили место подводной отмели, по которой шел брод. Они вызвали сюда своих соратников, перешли пролив и «подобные урагану племен… захватили врасплох племена, сидевшие на побережье этой самой Скифии», т. е. Северного Крыма. Дальнейшее легко представить. Гунны прошли через степи до Перекопа и вышли в тыл готов, которые, будучи союзниками аланов, сосредоточили свои войска на Дону, обороняя его высокий правый берег от возможного вторжения гуннов. Гуннам никто не мог помешать развернуться на равнине Приазовья.

Автор V в. Евнапий писал: «Побежденные скифы (готы) были истреблены гуннами, и большинство их погибло. Одних ловили и избивали вместе с женами и детьми, причем не было предела жестокости при их избиении; другие, собравшись вместе, обратились в бегство».

В отличие от гуннов, держава готов была построена на принципе силы, без принятия обычаев других племен (пример «химеры») и без симпатии ко всем, за исключением римлян; гунны же искали не врагов, а друзей, и все обиженные племена и народы вошли с ними в контакт.

Держава короля готов Германариха, представлявшая собой не союз племен, а «лоскутную империю», была покорена, и их престарелый король, потерпев поражение, от отчаяния покончил с собой.

Винитарий, преемник Германариха, также был побежден и убит. Большая часть остготов подчинилась владычеству гуннов, а вестготы, отступая под натиском гуннов, перешли через Дунай и вступили в Римскую империю (376 г.). Кубанские и терекские аланы также большей частью покорились на какое-то время гуннам и остались на месте, где позже обратились в христианство византийского толка (IX в.) и сформировали народность сегодняшних осетин. Другие аланы ушли на запад и вместе с западными германцами участвовали в «великих походах»; некоторые обосновались в Галлии, в нижнем течении Луары, другие ушли в Испанию, смешались с свевами в Галиции или вместе с вестготами сформировали смешанное население, которое, как предполагают, дало части этой страны название «гот-алан», или Каталония (?).

Итак, гунны привнесли новую модель социальной и политической организации (или, по крайней мере, ее элементы). Истоки этой модели – мир степей Евразии со своими традиционными контактами с иранским среднеазиатским миром и с Китаем. Хотя она очень скоро начала трансформироваться, включив в себя отдельные элементы европейского происхождения (например, римских секретарей-нотариев для переписки с западным императором), суть происходившего от этого мало изменилась. За формировавшимся европейским «социально-политическим фасадом» стояло совершенно иное отношение к власти – иное по сравнению с распространенными в мире европейских варваров представлениями.

По причине чрезвычайного характера гуннского вторжения и в результате последовавших за ним передвижений народов и племен, к началу V в. в Центральной и Восточной Европе складывается чрезвычайно сложная ситуация. До сих пор в течение уже достаточно долгого времени в этом регионе находились группы населения, уже давно если и не имевшие

тесные контакты друг с другом, то, по крайней мере, обладавшие информацией друг о друге. При этом они могли принадлежать к различным этнокультурным «мирам» (например, дако-фракийскому, восточногерманскому, средиземноморскому, ирано-сарматскому). Однако, во-первых, во всех этих мирах превалировали общие для них индоевропейские традиции, и, во-вторых, каждый из этих миров уже накопил опыт общения с окружавшими его соседями. Хотя в результате переселения приходили в соприкосновение народы, ранее не знакомые друг с другом, тем не менее выработанные прежде образы «соседа» и старые приемы общения с успехом могли быть использованы (так, греки не без основания составляли свое суждение о готах III в., в частности, по бастарнам и западным германцам). В начале же V в. н. э. в Центральной и на юге Восточной Европы ситуация принципиально меняется: в ткань уже достаточно спаянного и значительно «гомогенизированного» средиземноморско-варварского (в основном греко-романо-германского) мира вклиниваются в качестве господствующих элементы совершенно чуждого, до сих пор не ведомого Европе мира азиатских неиндоевропейских (прототюркских? проенисейских?) кочевников – гуннов. В результате неожиданного и чрезвычайно интенсивного столкновения германского мира с чуждым миром европейских гуннов произошло внезапное включение в ткань германских политико-идеологических структур чуждого образа гуннского властителя.

Контакты между этими мирами сразу же оказываются настолько интенсивными, что на «осторожное» знакомство времени не хватает. Иначе говоря, в общение друг с другом вошли практически не готовые к взаимопониманию «собеседники».

Аттила – «Маленький отец народов» или «Бич Божий»?

Система организации власти у гуннов существенно отличалась от схем, привычных для европейских варваров. Управление у гуннов было, судя по всему, организовано не столько личным примером или контролем со стороны вождя-воина (как у римского императора или германского короля), сколько через посредство узкого круга приближенных к правителю лиц. Эти лица были организованы в какое-то подобие бюрократического аппарата и формально выполняли лишь хозяйственные задачи по организации быта властителя.

Вполне вероятно, в начале такая форма осуществления власти не вызывала у воинственной германской знати ничего, кроме презрения – презрения к трусости (т. е. невоинственности). Но в последней четверти IV в. последовали неожиданные и труднообъяснимые для традиционного германского сознания события – разгром готов Германариха и установление всевластия гуннских владык. Германская знать была поставлена перед необходимостью пересмотреть свое отношение к гуннской системе власти, тем более что вскоре многие германские вожди вошли в состав элиты нового политического образования – остгот Валамир, гепид Ардарих. К тому же это новое политическое образование оказалось способным не только подчинить практически все германские народы за пределами Римской империи, но и обложить данью обе части империи – Западную и Восточную. Новая жизнь создала новые вкусы, и новые ценности постепенно вошли в германскую политическую культуру.

К началу четырехсотых годов покорность аланов, остготов и исход вестготов сделали гуннов хозяевами всей зоны равнин от Урала до Карпат. Гунны, преодолев карпатские перевалы и пройдя по Валахской равнине, оккупировали Венгерскую равнину, где сделали своими подданными гепидов и вышли на правый берег Дуная.

Очевидно, в это время гунны разделились на три орды во главе с тремя предводителями, тремя братьями – Роасом, Октаром и Мундзуком. Три брата стали повелителями гуннов и правили с 425 по 434 г. В этом окружении и вырос один из величайших вождей всех времен и народов – Аттила (ок. 395–453 гг.), король гуннов.

Сотворение мифа об Аттиле началось еще в древности, с успехом продолжилось в Средние века и, похоже, не завершилось по сей день, с той лишь разницей, что современное мифотворчество выступает в виде гипотез, с большей или меньшей основательностью претендующих на научность. Исторический же Аттила малоизвестен читателям, хотя о нем и дошло до наших дней больше свидетельств современников, чем о многих исторических персонажах той эпохи.

Итак, родился Аттила где-то в долине Дуная примерно в 395 г. Будучи сыном вождя Мундзука, Аттила знал своих предков на тридцать поколений. Именно его род сохранял целостность родословной основной орды и явно тюркские черты.

Научившись ездить верхом сначала на овце, Аттила затем освоил верховую езду в совершенстве и виртуозно владел луком, пикой, арканом, мечом и кнутом – традиционным оружием своего народа, обязательным для высокородных юношей. Свою гордыню и силу он частенько выставлял напоказ, затевая рискованные охотничьи вылазки, где ловил волков и медведей сетями, а после выпускал им кишки в рукопашной, вооружившись одним лишь коротким кинжалом.

Смерть отца, вождя Мундзука, до срока оборвала крепкие узы и добрые отношения с сыном, когда тот был еще отроком. Впоследствии Аттиле довелось пострадать от злобных милостей собственных дядюшек, а особенно – наследника престола по имени Роас.

Главная ставка гуннских вождей в начале V в. находилась в степях Причерноморья. Туда направлялись византийские посольства до 412 г. Однако переселение гуннов на берега

Дуная шло неуклонно: венгерская пушта (степь) напоминала им заволжскую родину, которую к V в. гунны покинули.

Из трех братьев Роас был самым хитрым и осторожным правителем. Когда в 430 г. гунны достигли Рейна, он попытался наладить с Римом дипломатические контакты и даже давал империи свои войска для подавления багаудов в Галлии.

Поскольку война была средством существования гуннов, они сражались постоянно, как за себя, так и за тех, кто пожелал их нанять. В первом случае надо было награбить как можно больше, во втором – продаться как можно дороже. Для этих наемников политические предпочтения не играли никакой роли. Кочевая жизнь не способствовала ни развитию сельского хозяйства, ни освоению ремесел. Грабеж, наемничество были их единственными источниками дохода и любимыми занятиями, которые они всегда старались совмещать.

Открыто выступив против решения Роаса отдать орду на службу чужеземцам, которых гунны, по мнению Аттилы, могли бы без труда разгромить, Аттила тем самым изменил свою юношескую биографию.

Дабы убрать с глаз долой Аттилу, Роас направил его в качестве заложника в Рим, ко двору Гонория. В обмен же, во исполнение уговора, римляне отправили в улус Роаса юношу по имени Аэций. Роас старался поддерживать максимально корректные отношения с Гонорием, императором Западной Римской империи. Искусно воздействуя из Рима на другие нации, империя прибегала к практике обмена малолетними заложниками, чтобы усилить контроль над странами, которые она хотела завлечь в неволю. Проще говоря, империя отправляла одного из своих подданных к чужакам, а те в ответ посылали одного из своих знатных отроков, дабы тот жил и учился в Риме при дворе императора.

Этот хитроумный подход являет собой мастерский образчик искусства диверсионно-подрывной дипломатии. Юные шпионы империи внедрялись в страны, удостоенные сей чести, на высших уровнях их иерархии. Стоило молодому римлянину оказаться при дворе чужой державы, как он начинал слать в империю донесения с жизненно важной для политики и войны информацией, одновременно на собственном опыте постигая обычаи, этикет и традиции хозяев. Эта двоякая стратегия заодно давала империи возможность перекроить заложников, посланных к ее двору, на свой лад. Приучение их к роскоши помогало влиять на политику и культуру менее цивилизованных наций, когда повзрослевшие заложники возвращались в родные края.

Одним словом, Роас с радостью ухватился за возможность воспользоваться римской практикой, чтобы сбыть с рук молодого смутьяна. Роас считал, что имперская выучка наверняка обуздает бешеный норов Аттилы, сделав его более покладистым членом царской династии гуннов.

При дворе Гонория Аттила увидел роскошь, разврат, пороки и интриги. С ним обходились как с юным принцем, каким он в сущности и был и каким его воспринимали эти «римляне», все больше полагавшиеся на «суверенных» варваров в деле защиты и укрепления столь обветшавшей империи.

Аттила отвергал роскошные наряды, пышные прически, изысканные блюда и благоухающее жилище, полагавшиеся ему как заложнику, хотя его неискушенных сотоварищей все это весьма привлекало; Аттила безуспешно пытался воспламенить их дух, дабы те воспротивились подобным пропагандистским искушениям. Не сумев однажды бежать, Аттила перешел к пассивному сопротивлению, решив приспособиться к обстановке и вынести из этого полезное. При римском дворе он присматривался и прислушивался. И с каждым днем все больше проникался решимостью избавить мир от влияния римлян, этих загадочных христиан. Постижение внутренней и внешней политики империи давалось Аттиле необычайно легко. Он изучил принцип организации римской армии, оружие, боевые порядки, выяснил, что достойного военного флота у римлян уже нет. Все это время он приглядывал за заез-

жими послами, вникая в хитросплетение интриг империи, тем самым постигая искусство политики и дипломатии. Жизнь при римском дворе давалась Аттиле крайне тяжело: тоска по соплеменникам, по родне, жажда избавить гуннов от службы чужестранцам, которых они могут разгромить без труда, стоит им только объединиться.

Азиатская добродетель долготерпения на славу послужила отроку, отправленному заложником ко двору Гонория. Он нашел опору в стоицизме и непоколебимой уверенности. Он постиг, что куда важнее достичь конечной цели, нежели понукать события, чтобы они разыгрались до срока. И посему вознамерился развить личные способности, сулившие ему успех, когда он всерьез вознамерится взойти на престол царства гуннов. Именно в Риме Аттила замыслил стратегию покорения вселенной, дотошно разработав ее во всех деталях: чрезвычайно четкий план ничуть не походил на прожект невежественного кочевника.

По возвращении на родину Аттила не ринулся очертя голову захватывать трон. Тщательно спланировав каждых шаг, он терпеливо ждал, понимая, что его познания правителя и умение повелевать должны сперва созреть, как бы не жгла его жажда взять бразды правления.

Роас поручает ему объезд соседних дунайских племен, с целью внушения другим гуннским вождям, что Роас среди них – самый главный. Следовало уважать «независимость» вождей, но при этом убедить их признать Роаса и его преемников – а значит, и самого Аттилу – верховным вождем, кем-то вроде императора. То маня пряником, то грозя кнутом, рассыпая подарки вперемежку с угрозами, понимая, что, работая на Роаса, он работает на самого себя, Аттила блестяще справился с поручением, о чем стало известно обоим императорам и Аэцию, с которым у Аттилы сложились относительно дружеские отношения.

По свидетельству современников, Аттила знал греческий и латинский, причем греческим языком владел лучше. Это позволило ему стать естественным посредником дяди во всех переговорах с Западной и Восточной империями. К тому же он располагал и личными связями. Теперь Аттила причастен к власти, которую уже можно назвать имперской.

Политика Аттилы определилась быстро: на западе относиться лояльно к империи, пока Аэций будет там заметной фигурой, на востоке – по мере возможности запугивать глуповатого императора Феодосия II, расстраивать его примитивные козни и пользоваться его бездарностью и слабостью.

В 423 г., после смерти императора Западной Римской империи Гонория, Аэций попросил у Роаса войска для поддержки Иоанна Узурпатора. Аттила посодействовал в этом вопросе, и просьба была удовлетворена. Большинство историков сходятся во мнении, что предоставленная армия гуннов и их союзников насчитывала от пятидесяти до шестидесяти тысяч воинов. Одним словом, Аттила не только вышел на международную арену, но и прошел серьезную школу, предшествовавшую созданию империи гуннов.

Когда же момент настал, Аттила взял власть в свои руки: он был уже готов во всеоружии встретить любую проблему и сопротивление, подстерегавшие его как короля. Обескуражить или заставить свернуть его с полпути было попросту невозможно. Он был готов идти на риск, готов сплотить гуннов, дабы те в едином порыве взошли к вершинам. Ни на йоту не растратив своего несокрушимого упорства и жажды занять престол, он наконец-то добился своего. Час пробил! В 434 г. умер Роас, и власть перешла к Аттиле и его брату Бледе.

Бледа получил в наследство большую часть земли гуннов. Аттила же, любя войну, страстно желал объединить под своей властью всех гуннов и собрать воедино все народы, подчиненные им, для покорения мира. Свое восхождение к власти Аттила начал с укрепления связей с племенными вождями. Изрядная часть этих знакомств налаживалась благодаря многочисленным вылазкам Аттилы на охоту по гуннским территориям. Преданность этих вождей он завоевывал, взывая к их чувствам – будя воинские инстинкты и дразня аппетиты доступной славой и легкой, богатой добычей.

Образ жизни гуннов складывался в условиях вечной неопределенности, дух их воспламенялся сражением, добычей или кочевкой на новое место. На самом деле рамки поведения им задавала только природа и прихоти судьбы, а высокий дух проистекал из неизменно воинственного настроя. Аттиле, как царю гуннов, требовалось насадить новые принципы морали и дисциплины, способные сплотить варварские племена и сами по себе и между собой. Мир в стойбищах принесет лишь новообретенное националистическое сознание. Задача Аттиле предстояла не из легких!

Согласно исторической версии, Аттила стал королем племени, обитавшего в долине Дуная, после случайной гибели своего брата Бледы на охоте. Придания гуннов толковали его восхождение куда романтичнее: по смерти Бледы старейшины племени, собравшиеся на тризну, заспорили о том, кто теперь должен стать их королем, и тут прибежал отрок с вестью, что посреди ближнего луга появился огненный меч. Последовав за ним на луг, вожди с благоговейным трепетом узрели, как пламенный меч сам вспрыгнул на протянутую ладонь Аттилы. Сработан меч был столь искусно, что изготовить его могло только божество: то было знамение, «Меч Божий». Уж наверняка он был послан, дабы положить конец спорам, подтвердив, что королем надлежит избрать Аттилу. Его великие замыслы получили подпитку свыше посредством меча Марса, который короли скифов считали священным.

Став повелителем царского племени, Аттила взялся за объединение остальных неистово независимых племен в единую нацию гуннов. В хрониках описывается, что он целыми днями просиживал перед своим шатром, толкую с племенными вождями, чтобы заручиться их верностью плану объединения. Мятежных вождей Аттила, недолго думая, казнил. Боязнь сказать ему хоть слово поперек стала настолько явной, что один стареющий вождь отговорился от личной встречи с царем Аттилой, сказав: «Глаза мои чересчур слабы, чтобы взирать на солнце, где уж им вынести светозарный блеск завоевателя». Аттила понял и принял сию искусную лесть без возражений.

В сознании европейцев сформировался образ Аттилы как самого яркого правителя гуннов. Столкновение западного сознания с чуждым для него феноменом правителя, управляющего подчиненными не только привычными для них методами, но и через различные административные структуры (например, с помощью двора), вызвало рождение новой реальности, которая была привнесена из глубин совершенно иного культурного круга – степей Зауралья и Центральной Азии.

В противовес общепринятой традиции, которая хранит лишь гуннские жестокости, есть немало историков, склонных говорить об Аттиле как о славном герое гуннов. В этой связи следует остановиться на античных хрониках, хрониках венгров, германцев и других народов. Можно вспомнить эпические поэмы, в частности бургундские, близкие «Нибелунгам»: «Песнь бургундских королей при дворе Аттилы», «Смерть Аттилы», – в которых восхваляется добрый правитель по имени Атли. В Альзасе есть цикл святой Одили, принцессы франкского происхождения (кстати, часть франков были союзниками Аттилы), где изображены ее отец Этельрик (возможный вариант имен Атли и Этли), ее кузина святая Хунна, ее муж Хунно, а все действия происходят в городе Хуннавир.

Загадочно звучит имя «Аттила», в котором пытались найти тюркское название Волги – Этиль или Итиль. Мог ли этот легендарный персонаж носить германо-тюркское имя с пан-тюркским корнем «ата», что значит «отец», и германским уменьшительным суффиксом «ила»? Если принять эту гипотезу, тогда Аттила означает «маленький отец народов». Но как «Бич Божий» – именно в таком образе он запечатлен в некоторых культурах мира.

Античные историки описывают Аттилу как невысокого, широкоплечего, с темными волосами, плоским носом и редкой бородой. Узкие глаза смотрели так пронзительно, что все подходившие к нему дрожали, ощущая реальную силу. Страшный в гневе и беспощадный к врагам, он был милостив к своим соратникам. Гунны верили в его таланты и отвагу,

поэтому под его властью объединялись все племена от Волги до Рейна. Под его знаменем сражались кроме тюркского ядра – гуннов – остготы, гепиды, тюринги, герулы, турклинги, руги, акациры, а также много римлян и греков, предпочитавших справедливость гуннского царя произволу и корысти цивилизованных римских чиновников.

Хотя властью своей он пользовался на славу, прочие атрибуты нового положения его отнюдь не прельщали. Восседая на деревянном троне в деревянном дворце, Аттила даже для еды и питья использовал незатейливую деревянную утварь. Платье его и отдаленно не напоминало пышные одеяния римских правителей: он предпочитал меховую куртку и черную кожаную шапку, нахлобученную до бровей.

Войско превозносило Аттилу до небес. На его вступление в стойбище какого-нибудь племени стоило полюбоваться. Женщины, дети и воины выстраивались вдоль тропы, криками восхваляя его. Когда же он проезжал мимо, женщины подносили ему еду. Аттила принимал дары с достоинством и пробовал угощение, не покидая седла своего великолепного черного коня Виллама (Молния).

Его правление гуннами было отмечено скорым, но вдумчивым судом. Он никогда не действовал второпях. Аттила наделил гуннов общенациональной целью: подчинить себе германцев и славян, завоевать Рим и Константинополь, пройти через всю Азию, а затем в Африку – тогда гунны будут править всеми землями на севере, юге, востоке и западе. Аттила воистину будет править вселенной. Амбициозный план Аттилы был вдохновлен отроческими мечтами, но окончательную форму ему придал юношеский опыт. И Аттила методично осуществлял его шаг за шагом. Он действовал терпеливо, с неослабной хваткой азиата, наделенного вдобавок политической прозорливостью человека, прислушивающегося и присматривающегося к происходящему, терпеливо поджидая тот единственный момент, когда надлежит перейти к действию.

Этот человек родился в мир для потрясения народов и внушения страха всему миру. Завоевания гуннов под его началом вошли в легенды. Исполнял свой план Аттила просто мастерски. Его рать, численность которой у многих исследователей достигала 700 тыс. воинов, представляла собой скопление варваров, но объединенных общей целью, дисциплинированных и преисполненных высоким боевым духом.

Гунны были исключительно свободными людьми и гордились этим. Существовала только военная иерархия, причем постоянно, а не только во время походов, – того требовала необходимость нападать и обороняться. «Суверенные вожди» являлись главнокомандующими, министры были одновременно и военачальниками, вожди племенных союзов возглавляли войска, а их командиры сочетали военные функции с гражданскими.

Каждый гунн был по определению воином, независимо от того, занимался ли он ремеслом или сельским хозяйством. Оседлый гунн держал оружие наготове, а кочевник вообще никогда с ним не расставался. По первому сигналу тревоги гунны бросали все, а женщин, детей и стариков везли с собой в кибитках. Моногамия не была абсолютной и сосуществовала с полигамией.

Гунны не дорого ценили жизнь. Вопреки мнению историков классического периода, а также Мишле и Рамбо, Аттила берег жизни не только своих воинов, но и других подданных. Он предпочитал демонстрировать своему народу силу, нежели пользоваться ею, запугивать, а не убивать. Умереть ради славы – вот истинная доблесть. Неверие в загробную жизнь не охлаждало пыл воинов, напротив, оно являлось источником отваги гуннов.

Наставал великий период в истории гуннов. Аттила начинал свои завоевания. Он задумал покорить две первые нации в мире – римлян и вестготов. Но прежде надо было определить границы Гуннской империи. И Аттила сам определил границы империи, которую считал своей по праву на момент прихода к власти. Для признания своей земли было достаточно, чтобы на ней имелось поселение гуннов или через нее пролегал путь гуннских пере-

селенцев. Его империя простиралась от Уральских гор и Каспийского моря до Дуная. На юге ее естественными границами были Кавказ, Азовское и Черное моря, Карпаты. Территория современной Венгрии рассматривалась Аттилой как неотъемлемая часть его империи. На севере естественных границ не имелось. Граница его империи была искусственной, выдуманной и даже иллюзорной, тем не менее надо было принимать решения и закреплять земли, чтобы никто не приходил сюда без его ведома, не жил здесь не по его законам. Одним словом, Аттила определил границы, теперь нужно было поддерживать порядок в империи и обеспечивать ее защиту. Следует отметить, что Аттила не питал ни малейших иллюзий насчет реальности своей империи, ее единства и сплоченности, размеров подвластных ему территорий и лояльности тех, кого он называл своими подданными. Насколько же трезво Аттила оценивал силу власти императоров Восточной и Западной Римских империй? Аттила в бытность свою при дворе Гонория научился отличать видимость от реальности. Он знал, что огромная территория империи стала, в конце концов, причиной раздела ее на две части, каждая из которых оставалась слишком большой, чтобы в ней можно было установить прочный порядок. Императоров обеих империй Аттила считал номинальными, а потому не видел причин, по которым нельзя было бы ему стать императором, великим императором: он считал, что был способен не только стать полновластным господином своей империи, но и захватить обе Римские империи. Империй, по крайней мере официально, становилось теперь четыре: Западная Римская, Восточная Римская, Китайская и Гуннская.

Двор Аттилы. Внешняя политика

Наиболее интересные, на наш взгляд, сведения о дворе Аттилы, придворной жизни, внешних отношениях имеются в сохранившихся хрониках Приска Панийского (V в.), Иордана (VI в.), Пьерри (VI в.).

Ученый грек Приск, лично посещавший двор гуннского правителя, оставил нам подробное описание ставки Аттилы и жизни в ней. Образ Аттилы у Приска основан на личных впечатлениях от общения с Аттилой и, что важно отметить, от общения с его в значительной степени германским окружением. Поэтому в образе Аттилы у Приска реальный исторический Аттила как бы преломлен в призме греко-римского и германского мировосприятия того времени. Не менее интересные сведения оставили и византийские послы Феодосия II.

Резиденция Аттилы находилась за Дунаем, на территории современной Венгрии. Дворец Аттилы, построенный на холме, возвышался над всем городком и издали привлекал взоры своими огромными башнями, поднимавшимися к небу. Дворец окружала территория, где находилось несколько дворцов: самого императора, его любимой жены Керки, некоторых из его сыновей и, вероятно, также жилище его придворных. Двор был окружен деревянной стеной, здания были также деревянные.

Кстати, Аттиле приписывали невероятное количество жен. Приск писал, что им несть числа, а вестгот Иордан, бывший епископом и занявшийся историей Аттилы, утверждал, что тот «имел несметное количество жен», а «чада его – что народ целый». Другие древние источники сообщали о трехстах женах и более чем тысяче двухстах детей. Весьма лестный отзыв о мужской силе гуннов, но едва ли этому примеру следовали в массовом порядке.

Аттила, будучи еще наследным принцем, женился около 413 г. на дочери вождя племени. Возможно, ее звали Энга. Она, видимо, имела статус наследной принцессы и родила сына Эллака, которого Аттила любил больше других. Но она умерла. Около 421 г. Аттила женился на гуннской княжне. Звали ее Керка. Став королем гуннов, он сделал ее королевой. Керка была, видимо, единственной из всех жен, которую Аттила допускал к участию в своей политической деятельности. Керка родила двоих сыновей и нескольких дочерей. Сыновья получили титул «правителей», что обеспечивало им статус королевских наследников, принцев, допущенных к государственным делам.

«Случайные» жены – предмет внезапной страсти – могли претендовать только на совместную трапезу и проживали в некоем подобии сераля вблизи королевской резиденции, удовлетворяя сиюминутные прихоти повелителя. Содержались они за счет казны, а дети их могли рассчитывать на высокое положение, если не были совсем бездарны. Тем не менее единственной «женщиной всей жизни» Аттилы была Керка, и никто не мог занять ее место.

Однако обратимся вновь к описанию ставки гуннского короля. Дворец Аттилы был обшит удивительно гладко выструганными и так правильно между собой подогнанными досками, что казалось, они были сделаны из одного цельного дерева.

Дворец императрицы, архитектуры более легкой и красивой, со всех сторон был украшен рельефными изображениями и резными фигурами, не лишенными грации. Его кровля поддерживалась искусно отделанными столбами, между которыми находился ряд выточенных арок, прикрепленных к вершинам маленьких колонн, образующих нечто вроде аркады.

На некотором расстоянии от главного дворца находился дом министра Аттилы Онегеза, окруженный также оградой и построенный, как и прочие здания, только попроще.

Онегез был греком, как видно из самого его имени, но воспитание получил у гуннов и занимал в Гуннской империи после Аттилы первое место как по своей силе, так и по богатству. Этой высочайшей степенью могущества, перед которой безропотно преклоня-

ются исконные гунны, Онегез обязан был храбрости на поле брани, искренности в советах и той твердости, с которой боролся как против насильственных решений, так и против дурных наклонностей Аттилы. Он был для римлян лучшим заступником перед Аттилою, и не из личного интереса или вследствие отдаленного воспоминания о своем происхождении, но по чувству справедливости, по врожденной привязанности ко всему, что носило на себе печать цивилизации. Гуннский король, столь самовластный, столь раздражительный, уступал этому характеру, твердому в самой его мягкости; Онегез сделался его неизменным советником, и ему же Аттила поручил воинское образование и заботу о своем старшем сыне, Эллаке.

С Онегезом связано появление римских терм на территории гуннской ставки. Одна особенность обращала на себя внимание чужеземцев: в этой стране, где не только не было камней для постройки домов, но даже чувствовался недостаток и в дереве и где надо было издалека привозить материалы для зданий, Онегез выстроил баню именно по образцу римских терм. Вот история этой бани, как изложена она была византийскими послами: «В числе пленников, выведенных гуннами из разграбленного Сирмия, находился один архитектор, которого Онегез взял себе в качестве военного трофея. Министр Аттилы, будучи родом грек, пришел к гуннам еще молодым и привнес с собой, в частности, и любовь к баням в римском вкусе. Взяв не золото и драгоценности, а именно архитектора как часть добычи, он хотел приобрести в нем человека, который был бы искусен в строительном деле и мог бы тем самым служить ему. Пленник, прилагая все свое старание, думал таким образом ускорить минуту, когда спадут наконец с него оковы. Он ревностно принялся за работу: из Паннонии были привезены камни; устроены были печи, купальни, мыльни. Но когда все было профессионально сделано, архитектор остался при дворе».

Аттила любил пышные церемониалы. Вот, к примеру, церемония въезда Аттилы в столицу своей империи и как эту встречу, по свидетельству хронистов, обставлял Онегез.

Аттилу встречала процессия, состоявшая из женщин города. Выстроившись в два ряда, они держали над головами переброшенные с одного ряда на другой белые покрывала во всю их длину, под которыми проходили группами молодые девушки, по семи в ряд, и пели стихи, составленные в честь Аттилы. Все они направлялись ко дворцу, мимо дома Онегеза. У ограды стояла жена министра, окруженная толпой прислужниц, которые держали в руках блюдо с мясом и кубок, наполненный вином. Когда подъехал Аттила, она подошла к нему и попросила откушать яств, для него приготовленных. Благосклонным знаком Аттила выразил свое согласие; это было величайшим благоволением, какое только мог оказать гуннский император своим подданным. Тотчас же четверо сильных мужчин подняли серебряный стол в уровень с лошадью, и Аттила, не сходя с коня, откушал всех блюд, выпил чашу с вином и потом вступил в свой дворец. В отсутствие мужа, который, по возвращении из дальнего путешествия, потребован был к Аттиле, жена Онегеза пригласила византийских послов к себе на ужин вместе с гуннскими вельможами, которые почти все были ей родственники.

Что касается глав посольских миссий, то они получали распоряжение относительно своего размещения: устанавливать свои палатки в том месте, которое было близко к дому министра и к императорскому дворцу.

Максимин, глава византийской посольской миссии, сгорал от нетерпения увидеться с Онегезом, чтобы сообщить ему инструкции от Феодосия II, кроме того, он надеялся при помощи этого всесильного вельможи решить проблемы, которые должны были возникнуть при исполнении этого поручения. Он почти не спал и, как только забрезжил рассвет, отправил своего секретаря Приска к министру с подарками. Ограда была заперта; слуг не было видно, и Приск должен был ждать. Отдав подарки на сохранение посольским служителям, он решил прогуляться.

Тогда-то и состоялась любопытная встреча, позволяющая читателям получить представление о положении подданных в Гуннской и Римской империях.

Эта встреча описана в сочинении Приска, и мы остановимся на ней подробнее.

Так вот, когда Приск сделал несколько шагов, кто-то, прогуливавшийся так же, как и он, поравнялся с ним и обратился к нему на весьма чистом греческом языке. Услышать греческую речь в царстве Аттилы, где обыкновенно употреблялись языки гуннский, готский и латинский, и то при торговых делах, – это было неожиданностью, которая поразила Приска. Единственные греки, с которыми он мог ожидать встречи, были пленники из Фракии или приморской Иллирии, люди жалкие, которых легко было узнать по их длинным, растрепанным волосам, тогда как человек, заговоривший с Приском, был совсем не таков: голова у него была обрита кругом, и на нем была гуннская одежда, какую носят только богатые сословия. Эти мысли промелькнули, как молния, в голове Приска, и, чтобы узнать, что это за человек, после взаимного приветствия он спросил его: из какой страны света прибыл он сюда жить варварскою жизнью среди гуннов?

«Почему ты меня об этом спрашиваешь?» – сказал незнакомец.

«Потому что ты слишком хорошо говоришь по-гречески», – засмеялся Приск.

«Действительно, я грек, – сказал он. – У меня была обширная торговля в Виминации, в Мизии, и я женат был там на богатой девушке. Жил счастливо, но война разрушила мое счастье. Так как я был богат, то и сделался вместе со своим достоянием добычей Онегеза, потому что – тебе, конечно, известно это – вожди гуннов имеют привилегию брать себе богатейших пленников. Мой новый господин водил меня с собой на войну; я бился мужественно и возвращался с добычею. Я дрался с римлянами, дрался с акатцирами и, приобретя достаточное количество добычи, принес ее моему господину – варвару и, в силу скифских законов, получил свободу. После этого я стал гунном, женился на женщине варварского племени и прижил с нею детей. Я сотрапезник Онегеза и, взяв все во внимание, мое настоящее положение могу считать даже лучше моего прошедшего.

О, да, – продолжал этот человек после минутного молчания, – закончив раз и навсегда военные труды, среди гуннов можно вести совершенно беззаботную жизнь: что каждый нажил для себя, тем и пользуется мирно, никто не обременяет его ничем, ничто не возмущает его спокойствия. Война нас поит и кормит, а тех, которые живут под управлением римлян, война разоряет и губит. Римский подданный ставится в необходимость поручать другим охрану своей безопасности, потому что жестокий закон не позволяет ему носить необходимого для собственной защиты оружия, а те, которым то позволено, как ни храбры, войну ведут плохо, потому что связаны сколько незнанием, столько же и трусостью своих вождей. Но несчастия вой ны ничего не значат для римлян в сравнении с теми бедствиями, которые терпят они во время мира, потому что тогда являются во всей силе и жестокости налоги, и конфискации, и угнетения вельмож. Да и как быть иначе? Законы не для всех одни. Если богатый или сильный нарушает их, то он делает это безнаказанно; а бедный, а человек, который не знает судебных формальностей, – о! такого человека наказание не заставит ждать себя, если только он, измученный, разоренный бесконечной тяжбой, не умрет от отчаяния прежде, нежели будет произнесен приговор. Не иметь возможности получить законного удовлетворения иначе, как только посредством денег – это, по моему мнению, верх несправедливости. Какую бы вам обиду ни сделали, вы не можете ни обратиться к суду, ни требовать у судьи решения дела, не отдавши за это приготовленной наперед суммы денег, чтобы задобрить судью и его свиту».

Отступник римской цивилизации долго говорил в этом тоне и проповедовал свои убеждения с жаром, который часто придавал ему вид адвоката, ратующего за самого себя. Когда он, по-видимому, сказал уже все, Приск попросил его в свою очередь дать ему сказать несколько слов и терпеливо его выслушать. «По моему мнению, – начал он, – основатели римского государства были люди мудрые и предусмотрительные: чтобы каждый хорошо знал свое дело, они учредили, с одной стороны, стражей закона, с другой – стражей обще-

ственной безопасности. Не имея никакого иного занятия в мире, кроме упражнения в искусстве владеть оружием, воевать и драться, эти последние образовали собою превосходный класс людей, назначение которого составляет защита других. Законодатели наши учредили сверх того еще третий класс – это класс поселян, которые возделывают землю; требование, чтобы этот класс вносил военные подати для содержания своих защитников, совершенно справедливо. Это еще не все: они учредили блюстителей правды и права в пользу слабых и бессильных, то есть юридических защитников для тех, которые не умеют защищать сами себя. После этого что же незаконного в том, если судья и адвокат получают плату от истца точно так же, как солдат от земледельца? Кто пользуется услугами, естественно, обязан давать жалованье тому, кто служит ему, – услуга за услугу. Всадник покупает лошадь, пастух – быков, охотник – собак, и каждый заботится о своей покупке. Если есть плохие истцы, которые разоряются на процессы, то тем хуже для них; а что касается до продолжительности судопроизводства, то она зависит большей частью от того, что необходимо разъяснять дело, а это делается не скоро, и все-таки хорошее решение дела, которого надо было долго ждать, лучше дурного, произнесенного вдруг, необдуманно. Отважиться на несправедливость – значит не только вредить людям, но и оскорблять Бога, источника всякой правды. Законы обнародуются, их знают или, по крайней мере, могут знать все; им повинуется сам император. Твоя жалоба на безнаказанность вельмож отчасти справедлива, но она удобоприложима ко всем народам; с другой стороны, и бедняк может избежать наказания, если не найдется удовлетворительных доказательств его виновности. Ты радуешься, что дарована тебе свобода: за это благодари судьбу, а не своего господина. Отправляя тебя на войну – человека гражданского, он подвергал тебя опасности быть убитым или – если бы ты вздумал убежать – сам убил бы тебя. У римлян нет такой жестокости; их законы ограждают раба от излишней суровости господина; они обеспечивают ему пользование приобретенным имуществом и потому отпускают его на волю, возвышают до состояния людей свободных, тогда как здесь за малейший проступок грозит смерть».

Этот возвышенный взгляд на цивилизацию, эта картина различных родов защиты, которые окружают человека в благоустроенных государствах, казалось, глубоко тронули собеседника Приска; строя софизмы на софизмах, он, вероятно, старался только заглушить в душе некоторые угрызения совести и изгладить из сердца кой-какие сожаления. На глазах у него навернулись слезы, и затем он сказал: «Законы римлян хороши, их государственный порядок также хорошо устроен, но дурные начальники колеблют и разрушают его».

Онегез был искренне предан своему повелителю, подтверждением тому описание Приском беседы Онегеза с византийским послом Максимином. Что касается внешней политики, то Аттила сначала строил ее на паритетных началах, а затем с явным превосходством: он хотел выгодных союзов и выполняемых обещаний. Ведение в этом духе дипломатических дел Аттила зачастую поручал Онегезу. Максимин убеждал Онегеза в том, что гуннам легко можно было бы заключить с византийцами прочный мир – мир, честь которого принадлежала бы исключительно его (Онегеза) благоразумию, что огромная польза, которую гуннский министр принес бы обоим народам, пролила бы на него и на его детей вечные благодеяния императора и всей его фамилии. «Каким же образом, – наивно спросил Онегез, – мог бы я удостоиться такой чести и как могу я быть таким самовластным миротворцем между вами и нами?» «Для того нужно только рассмотреть внимательнее, – отвечал посол, – все пункты, которые нас разделяют, все условия договоров, и взвесить все со свойственным тебе беспристрастием. Император будет совершенно согласен с твоим решением». «Но, – возразил Онегез, – это не относится к роли посланника, и если б я был таким, то руководился бы только одним правилом, приказаниями моего государя. Уж не надеются ли византийцы склонить меня своими просьбами к измене? Не думают ли они заставить меня обратить в ничто все мое прошедшее, всю мою жизнь, проведенную среди гуннов, забыть моих жен и детей,

родившихся от них? В таком случае они очень ошибаются. Даже рабство у Аттилы было бы для меня приятнее, нежели почести и богатство в их империи». Эти слова, сказанные спокойным, но решительным тоном, не допускали более никакого возражения. Онегез, как бы желая смягчить суровость сказанного им, поспешно прибавил, что он был более полезен для римлян, находясь при Аттиле, а именно тем, что нередко укрощал его раздражительность.

Между тем на площади перед дворцом прогуливались послы других миссий в ожидании аудиенции или у самого Аттилы, или у его министра; они могли уходить, приходить, все рассматривать; им не мешал ни один страж. Здесь был и граф Ромул с товарищами по посольству, прибывшими в то же время из Рима от Валентиниана III; они прохаживались вместе с двумя секретарями Аттилы, Констанцием и Констанциолом, которые были паннонцы, и с Рустицием, который еще прежде явился с посольством Восточной империи, надеясь определиться в качестве писца в канцелярию гуннского императора.

В то время ничто не могло склонить Аттилу в пользу Западной империи: ему непременно нужно было получить или сирмийские сосуды, или ростовщика Сильвана. А дело было в следующем. При разрушении гуннами Сирмии один из секретарей Аттилы скрыл священные золотые сосуды и продал их в Италию Сильвану; Аттила, узнав о том, потребовал выдачи или вещей, или их владельца, и для успокоения Аттилы Валентиниан III отправил это посольство. Многие из присутствовавших жаловались на такое безрассудное упрямство варварского короля; тогда Ромул, которого все и всегда охотно слушали, как мужа, опытного в государственных делах, со вздохом сказал: «Да, удачи и могущество до того избаловали этого человека, что он не слушает и справедливых объяснений, если они ему не нравятся. Но надобно согласиться, что ни в Скифии, ни в другом каком-либо месте никто и никогда не совершал более великих дел в такое непродолжительное время: ставши обладателем всей Скифии, до островов океана, он сделал нас своими данниками, но теперь вот строит еще дальнейшие планы: хочет завоевать Персию». «Персию! – прервал один из присутствующих, – да каким же путем пройдет он из Скифии в Персию?» «Самым кратчайшим, – отвечал Ромул. – Мидийские горы недалеки от последних пределов гуннов; они знают это очень хорошо. Однажды, во время свирепствовавшего у них голода, так как нельзя было им получать хлеба из Римской империи, потому что в то время вели они войну с нею, двое из гуннских вождей попытались добыть себе хлеба из Азии. Углубившись в пустыню, они достигли топей, которые, по моему мнению, составляют Меотийское болото; потом, после пятнадцати дней ходьбы, прибыли к подошве высоких гор, перешли их и увидели себя в Мидии. Страна была плодородна; гунны занялись уже жатвой и собрали огромную добычу, как в один день пришли персы и своими стрелами затмили небо. Гунны, захваченные врасплох, бросили все на месте и, отступая назад долгой дорогой, увидели, что и новый путь привел их также на родину. Теперь предположите, что Аттиле пришла бы мысль возобновить этот поход: победить мидян и персов ему не будет стоить ни больших трудов, ни продолжительного времени, потому что ни один народ в свете не может противостоять его войскам». Римляне с любопытством, смешанным со страхом, следили за рассказом Ромула, посетившего столько стран и принимавшего участие в стольких событиях. Один из собеседников выразил желание, чтобы Аттила поскорее пустился в эту отдаленную войну и дал отдохнуть Римской империи. «Надобно опасаться, – сказал Констанциол, – чтобы, покоривши персов – а это будет нетрудно для него, – он не возвратился к нам, и уже не как друг, а как повелитель. Теперь он довольствуется золотом, которое мы даем ему как жалованье по его званию римского полководца; а когда покорит он Персию и Римская империя останется пред ним одна, неужели вы думаете, что тогда он пощадит ее? Ему уже и теперь досаден этот титул римского полководца, который мы ему даем, отказывая в титуле короля, и многие слышали, как он громко и с негодованием говорил, что у него есть рабы, которые стоят римских полководцев, а его полководцы стоят императоров». Этот разговор, в котором представители цивилизо-

ванного мира делились друг с другом своими мрачными предчувствиями, но, тем не менее, наперебой возвышали того, в чьих руках находилась гибель их отечества, был внезапно прерван. Подошел Онегез и объявил, что Аттила с этих пор будет принимать в качестве послов только трех сановников, и перечислил их имена. Послы заметили, что назначать таким образом известных лиц значило бы приводить их в подозрение у императора; Онегез отвечал на это коротко: «Это необходимо, а не то – война!» Таков был дипломатический язык гуннов.

Однако церемониал соблюдался. По случаю прибытия дипломатических миссий, как правило, устраивалось пиршество.

Зала пиршества была огромная, уставленная кругом стульями и маленькими столами, придвинутыми один к другому; за каждым столом могли усесться четыре или пять человек. Посередине возвышались подмостки, на которых стояли стол для Аттилы и ложе. На некотором расстоянии позади находилось другое ложе, убранное, как и первое, белой тканью и разноцветными коврами и похожее на ложе, используемое в Греции и Риме на брачных церемониях.

Как только вошли послы, кравчие подали им кубки, наполненные вином, которые они должны были выпить за здоровье Аттилы, это был ритуал, который непременно должен был исполнить всякий, прежде чем займет свое место.

Почетное ложе, поставленное вправо от подмосток, занято было Онегезом, а напротив него сидели двое сыновей Аттилы. Послы были усажены за стол, который стоял на левой стороне, т. е. был второй по значимости, и здесь высшее между ними место занимал один гунн знаменитого рода, по имени Берик, пользовавшийся большим уважением и обладавший множеством селений в Гуннии.

Эллак, старший сын Аттилы, занял место на отцовском ложе, но значительно ниже его, он сидел с опущенными глазами и в течение обеда держал себя чрезвычайно почтительно и скромно.

Когда все уселись, кравчий подал Аттиле кубок, полный вина, и он выпил его за здоровье одного почетного гостя, который тотчас же встал, взял также кубок из рук кравчего, стоявшего позади, и взаимно приветствовал Аттилу.

Затем следовала очередь послов, которые, также с кубками в руках, отвечали на императорское приветствие. Все гости были приветствованы один за другим, в порядке их сана, и ответствовали тем же; позади каждого стоял кравчий с кубком в руке.

По окончании приветствий вошли столовые прислужники с блюдами, наполненными мясом, и расставили их по столам; на стол Аттилы ставились блюда деревянные, и кубок его тоже был деревянный, тогда как гостям и хлеб, и различные кушанья подавались на серебряных блюдах, и их кубки были или серебряные, или золотые.

Гости брали кому сколько угодно с блюд, стоявших далее. После первого кушанья опять явились кравчие, снова начались приветствия, с той же церемонией по местам, начиная с первого до последнего. За вторым блюдом, состоявшим из разнородных яств, следовало третье приветствие кубками, во время которого гости, бывшие уже навеселе, опустошали свои кубки как нельзя добросовестнее.

К вечеру, когда зажжены были факелы, вошли два поэта и на гуннском языке начали петь перед Аттилой стихи своего сочинения, в которых прославлялись его воинские доблести и победы. Их песни привели слушателей в восторг, доходивший до исступления: глаза гуннов разгорались, лица принимали страшное выражение, многие плакали, очевидно, молодые – от жажды новых битв, старцы – от сожаления о прошлых. Эти гуннские Тиртеи были сменены шутом, кривляния и дурачества которого в одну минуту заставили гостей перейти к шумной веселости. При этом Аттила оставался важным и неподвижным: ни один мускул на его лице, ни один жест, ни один звук не обнаруживал в нем ни малейшего внутреннего движения. Только когда самый младший из его сыновей, Эрнак, вошел и прибли-

зился к нему, то в глазах его блеснул луч нежности; взяв дитя ласково за щеку, он привлек его к своему ложу. Удивленный такой внезапной переменой в лице Аттилы, один из послов наклонился к одному из своих соседей-гуннов, говорившему немного по-латыни, и спросил его на ухо: вследствие чего этот человек, будучи холоден к другим детям, так ласков с этим ребенком. «Я охотно объясню это тебе, только обещайся сохранить в тайне, – отвечал гунн. – Гадатели предсказали королю, что его поколение прекратится в прочих детях, а Эрнак продолжит его. Вот причина такой нежности: он любит в этом ребенке единственную надежду на потомство».

В эту минуту вошел мавр Зеркон, и вдруг вся зала огласилась хохотом и стуком, которые, казалось, способны были поколебать ее. Мавр Зеркон, карлик, горбатый, кривоногий, курносый или, точнее, вовсе безносый, заика и идиот, скитался уже лет двадцать из одного конца света в другой и переходил от одного господина к другому, как самый редкий необычайный предмет, какой только можно придумать для забавы.

Гости продолжали пировать до утра.

Между тем послы, не получившие ни аудиенции, ни какого-нибудь удовлетворительного ответа, теряли понапрасну время. Они просили уже позволения возвратиться домой, но Аттила, не отказывая прямо в том, продолжал задерживать их под различными предлогами.

В свою очередь императрица Керка также развлекала послов, пригласив их в дом министра своего двора «на великолепное и весьма веселое пиршество», на котором гости, несмотря на свою римскую важность, принуждены были пить и обниматься со всеми.

Второй ужин, данный Аттилою, повторял весь церемониал первого, только Аттила держался несколько проще. Весьма часто, и чего прежде не было, он обращался к Максимину и между многим другим рекомендовал ему устроить брак паннонца Констанция, своего секретаря. Этот человек за несколько лет перед тем был отправлен Аттилою в Константинополь в качестве толмача, причисленного к посольству. Он был предметом внимания всего двора, рассчитывавшего склонить его на свою сторону; и в самом деле, Констанций предлагал свои услуги для поддержания мира с гуннами, но с условием если Феодосий II даст слово выдать за него какую-нибудь богатую наследницу из своих подданных. Феодосий, которому подобного рода подарки ничего не стоили, предложил ему немедленно руку одной сироты, дочери бывшего начальника телохранителей, который был обвинен императрицей Атенаидой в заговоре и казнен. Молодая девушка, содержавшаяся под стражей в укрепленном месте, с величайшим отвращением узнала, какая ожидает ее участь, и, решившись во что бы то ни стало избавиться от того, допустила похитить себя командовавшему войсками на востоке. Аттила, взбешенный при этом известии, отправил резкое письмо Феодосию II, говоря, что если он сам не имеет силы заставить повиноваться, то он ему придет на помощь в этом. Но разрыв был предупрежден тем, что Констанцию обещана была другая жена. Это-то последнее обстоятельство и напоминал Аттила Максимину в разговоре с ним. «Неприлично будет, – говорил он послу через переводчика, – Феодосию смеяться над доверчивостью Констанция: ложь унизит достоинство императора». Эти слова он заключил, как будто бы желая представить Максимину самый решительный довод и убедительный аргумент: «Если брак состоится, я разделю приданое со своим секретарем». Вот как обделывались дела при дворе императора гуннов.

Наконец Аттила, выведав у послов все, что ему было нужно, позволил им возвратиться на родину, так как их присутствие не представляло уже для него интереса.

Война с Восточной Римской империей

Еще в бытность правителя гуннов Роаса Аттила разработал свою первую имперскую программу, с учетом собственного опыта поездок, встреч и переговоров. У него были виды на обе Римские империи (время, проведенное в почетных заложниках, не прошло зря), но особенно на территории Западной Римской империи, управляемые из Равенны, и дунайские земли, находившиеся под властью Византии. Обстоятельства складывались так, что следовало торопить события: Аттиле стало известно о римских эмиссарах, которые предлагали дунайским племенам тайный или явный союз. В то время гуннские отряды открыто переходили на службу Риму, представители гуннской племенной верхушки становились советниками императоров в Равенне и Константинополе, на дунайских землях задерживались тайные римские гонцы с золотом. И тогда Аттила сумел убедить Роаса в необходимости предпринять ответные действия, и притом самые решительные.

Роас отправил Феодосию II гневное послание, с требованием прислать к нему полномочных послов, которым будут подробно изложены причины неудовольствия и сообщено, какая сумма компенсаций и какие гарантии позволят избежать войны. Феодосий согласился направить посольство в римский город Маргус в устье Моравы, где должна была состояться встреча с Роасом и его советниками. Переговоры назначились на начало ноября 434 г. Тем временем скоропостижно скончался Роас. Вожди и воины провозгласили «суверенными вождями» двух его племянников – Бледу и Аттилу. Официально Аттила провозгласил себя императором, королем гуннов только в начале 435 г. Но уже с самого начала самостоятельного правления иностранные партнеры величали Аттилу правителем империи. Послы Феодосия первыми обратили на это внимание и были вынуждены последовать общему примеру. Аттиле предстояло установить дипломатические отношения с римлянами, поскольку, как уже отмечалось ранее, он задумал покорить две первые нации в мире – римлян и вестготов. Посему не к лицу независимому правителю гуннов было встречаться с послами Феодосия в римском городе Маргусе, а лучше неподалеку от него, на моравской равнине на правом берегу Дуная. Послов ободрял тот факт, что переговоры предстояло вести с новоиспеченным королем, а не с матерым несговорчивым Роасом. Однако Аттила повел себя очень жестко: никаких уступок и сумма, которую римляне должны были заплатить, чтобы избежать войны; послам же на изложенные требования необходимо ответить только «да» или «нет». Послы не ожидали ни такого приема, ни грозной речи на латинском: расторгнуть все союзы, заключенные де-юре и де-факто между Константинополем и странами, вошедшими в Гуннскую империю; отказать в какой либо поддержке дунайским и каспийским племенам и отозвать эмиссаров; уволить со службы всех гуннов, выдать всех гуннов, предательски укрываемых Феодосием II и всех дезертиров, нашедших прибежище в Восточной Римской империи; никогда не оказывать, прямо или косвенно, помощи врагам гуннов. На размышление была дана одна ночь. Наутро Маргусский договор был подписан, а затем, в связи с безвыходностью ситуации, одобрен Феодосием II.

Однако вскоре у Аттилы появились доказательства того, что император Восточной империи, в нарушение Маргусского договора, продолжает свою антигуннскую политику. Гуннский король решил заставить Феодосия II дорого заплатить за свое предательство. Внезапное нападение должно было произойти там же, где подписывался нарушенный Феодосием договор, но на этот раз уже на римской стороне, на левом берегу Дуная.

На поле, возле Маргуса, ежегодно раскрывала свои яркие шатры ярмарка. В те трудные времена она была для купцов обеих империй, а особенно для византийцев, одним из важнейших источников обогащения. Здесь торговали тканями, предметами искусства, изделиями ремесленников, дорогой посудой и вином. Целые стада скота, мешки зерна и пряностей

переходили из рук в руки. В заключаемых договорах зачастую предусматривались охрана груза в пути и страховые гарантии, которые, в силу жизненной необходимости международной торговли, по большей части признавались везде. Известность ярмарки была такова, что на нее порой приезжали персы, индусы и китайцы, а фессалийцы, медийцы, македонцы и далматы бывали здесь постоянно. Римляне привозили товары из Африки и Сицилии. Варвары торговали мехами, кожей, глиняной посудой, коврами, тканями, слоновой костью, украшениями и конечно же отменными кожаными ремнями. Охрану обеспечивал византийский император, который собирал многочисленные налоги.

В 441 г. на ярмарку явилась под видом покупателей внушительная толпа гуннов, которые вскоре обнажили кинжалы и мечи, – стража бежала, толпа не смела оказывать сопротивление. Гунны грабили, громили лавки, поджигали все, что могло гореть, и, захватив скот и издавая страшные вопли, убрались восвояси. Когда об этом узнал Феодосий, то направил посла выяснить у Аттилы, что это – разбойники, которых следует наказать, или намеренное нарушение Маргусского договора. Аттила, разумеется, изобразил возмущение. Феодосий конечно же понимал истинный смысл совершенного гуннами погрома, но он как раз тогда не мог собрать необходимые войска для борьбы с гуннами. Пока велась переписка по данному инциденту, Аттила начал осаду Маргуса.

Город сдался Аттиле и вошел в состав империи. Феодосий в отчаянии молил императора Западной Римской империи Валентиниана III двинуть свои легионы против захватчика, но тот ответил отказом, возможно, здесь обошлось не без совета Аэция. На тот момент между гуннами и Западной империей не было разногласий, хотя захват Аттилой Маргуса облегчал им совершение набегов на западные римские земли. Аттила не скрывал своего стремления двигаться дальше по Восточной империи, и нападение Западной империи остановило бы его продвижение, поэтому отказ Феодосию отвечал его интересам.

Феодосий был бессилен что-либо предпринять. Аттила начал с захвата Мезии на Балканском полуострове (Босния, Сербия, Болгария), перешел через Драву и захватил Виминаций, затем пала Ратиара; Аттила подошел к воротам Сингидунума (Белграда), гарнизон которого предпочел сдаться, и часть солдат перешла на сторону гуннов. Затем войска поднялись вверх по Савве, завладели югом Второй Панноннии, принадлежавшей также Восточной империи. Панноно-римскому гарнизону Аттила предложил выбор: либо уйти в Первую Паннонию, находившуюся под властью Западной Римской империи, либо вступить в гуннские легионы. Практически все воины предпочли второе. Город Сирмий когда-то был столицей всей Паннонии и жемчужиной византийской короны, посему захват этого города был одним из самых счастливых моментов в жизни Аттилы. Отсюда можно было совершать набеги на Иллирию, Далмацию, Мезию, Македонию, Фракию и угрожать самому Константинополю. Так и случилось: войска Аттилы завершили завоевание Мезии, разрушили Сердику, обрушились на Фракию и захватили Филиппополь – болгарский Пловдив, – после чего остановились в Аркадиополисе – современной части Турции, – совсем рядом с Константинополем.

Находясь на грани отчаяния, Феодосий II поспешил заключить постыдный мир с иранскими Сасанидами. Тем временем римляне отступали в глубь Фракии в направлении Константинополя. Войска гуннов теснили их с запада и востока. Если верить древним авторам, Аттила возглавлял одновременно три экспедиции. Вскоре он появился у стен Наисса (сегодняшний Ниш), который исторически по своему значению стоял после Рима, Равенны и Константинополя: это был родной город Константина Великого, того самого, который превратил греческий Византий в Константинополь, а Константинополь – в столицу Восточной Римской империи.

Несметные войска гуннов должны были оставаться в виду Константинополя в полной готовности и броситься на штурм по первому приказу, но штурмовать столицу запрещалось. Самые различные предположения высказывали по этому поводу древние историки, по-види-

мому, все выдвигаемые ими доводы в той или иной мере соединялись в уме Аттилы, однако одно из этих объяснений, на наш взгляд, стоит ближе к истине: Аттила был вынужден остановиться, так как столкнулся с большими трудностями на востоке своей империи – гуннские и другие племена, лишь номинально признавшие власть империи гуннов, двинулись с востока на запад, чиня по дороге разбой и грабежи. Пресловутые укрепленные пункты не имели достаточных сил, чтобы остановить это продвижение или хотя бы защитить окрестности от разорения. Необходимо было обеспечить единство империи от Урала до Каспия и от Волги до Дуная. Кроме того, Феодосий уже истратил последний заряд энергии и был готов к переговорам с Аттилой.

За время «объезда» центральных и восточных земель Гуннской империи в боях и массовых расправах, по свидетельствам историков, войсками Аттилы было убито около 40 тыс. человек, еще 10 тыс. погибло в междоусобных стычках, казнено 250 вождей. После этой карательной экспедиции империя уже не была прежней. Все было подчинено воле императора, центральная власть признавалась во всех провинциях. Империя стала действительно империей.

Едва возвратившись, Аттила дал приказ своим главнокомандующим войти в Македонию. Войска молниеносно продвинулись по Македонии, легко преодолевая сопротивление византийцев. На это ушли последние месяцы 445 г. Затем войска гуннов вторглись в Фессалию, где одну за другой разбили две римские армии. Аттила торжественно вошел в Аркадиополис. Феодосий предложил Аттиле мир. Условия Аттилы были следующие: император Восточной Римской империи молит императора гуннов о мире; компенсация расходов военной кампании, предпринятой Аттилой в связи с недостойным поведением (нарушением Маргусского договора) Феодосия II, составляет 6 тыс. фунтов золота; за каждого сбежавшего заложника плата двенадцать золотых; ежегодная дань увеличивается до 2100 золотых монет. Кроме того, были изложены территориальные требования: присоединение к империи гуннов всех завоеванных земель к западу от Дуная; присоединение Второй Паннонии и юго-восточной части Первой Паннонии с Сирмием; долина и равнины Маргуса и Нишавы, крупные дунайские торговые города также отходят к империи; в Афирасе и Аркадиополисе размещаются постоянные гуннские гарнизоны. Феодосий II был вынужден скрепить договор печатью. Восточная Римская империя усмирена и будет платить.

Вторжение Аттилы в Западную Римскую империю

Конец 449 г. и начало 450 г. были невероятно насыщены драматическими событиями: сильнейшие землетрясения сеют панику в Испании, Центральной, Южной и Юго-Западной Галлии. Упоминания о катастрофах можно найти во всех древних хрониках. 450 г. стал необычайно «урожайным» на природные катаклизмы: наводящие ужас кометы, падающие метеориты, опустошительные ураганы, кровавые закаты, грозы и пожары – полный набор декораций конца света.

14 июля 450 г. к воротам дворца Феодосия II прибыл гонец Аттилы. На аудиенции посланник объявил: «Аттила, мой и твой господин, приказывает тебе подготовить для него дворец, поскольку он уже идет к тебе». Феодосий был ошеломлен. В тот же день и час другой гонец передал такое же уведомление императору Западной Римской империи Валентиниану III. В ответ на этот демарш Аэций заявил: «Аттила игрок. Возможно, и сам он еще не знает, что собирается предпринять. Главное для него – сиюминутное удовлетворение собственного тщеславия. Но последствия могут быть ужасны».

Неоднозначность взаимоотношений между Аттилой и яркой политической фигурой своего времени Аэцием всегда были интригой для историков, посему остановимся на этой неординарной личности подробнее.

Аэций родился около 390 г. (т. е. был лет на пять старше Аттилы) в Паннонии, принадлежавшей Западной Римской империи. Отец был римским военачальником, мать происходила из очень знатной римской семьи. Как мы писали ранее, Аэций в 405 г. попал почетным заложником к Роасу и с детских лет узнал, кто такие гунны, с которыми в дальнейшем переплетается вся его жизнь. Он становится другом Роаса и молодого Аттилы. Аэций возвращается ко двору Гонория в конце 408 г. или начале 409 г., когда готовится его брак с дочерью патриция. Гонорий назначил его на высокую должность управляющего императорским дворцом.

Со смертью Гонория наступает смута, и Аэций без малейших колебаний признает узурпатора Иоанна императором Иоанном, идя на конфликт с сестрой Гонория Плацидией, которая стремилась посадить на трон своего сына Валентиниана. Аэций усмотрел в Иоанне человека, способного восстановить порядок в империи и, может быть, даже объединить обе империи, возродив единство римского государства. Он обратился за поддержкой к гуннам, которые направили на защиту узурпатора 6 тыс. человек, но опоздали на три дня: Иоанн был побежден и обезглавлен, Валентиниан III провозглашен императором. Когда гуннские и римские войска застыли друг против друга в ожидании приказа, Плацидия и Аэций дружески обнялись. Тем не менее, желая избавиться от соперника, Плацидия отправляет Аэция в Галлию для усмирения вестготов. И все же вскоре Аэций становился настоящим правителем империи, наставником Валентиниана III. Между Аэцием и Аттилой, несомненно, был сговор, и не дружеский, а политический. Изъявлениями своей признательности и искренней привязанности патриций старался прикрывать опасения, которые внушал ему гуннский завоеватель, угрожавший обеим империям своими бесчисленными армиями. Требования Аттилы Аэций или удовлетворял, или устранял под благовидными предлогами. Оба героя считали, что от них зависит равновесие мировых сил и гибель одного из них может его нарушить. Гунны пока еще оставались единственным сильным союзником Рима, хотя Аэций уже тогда понимал, что дружба эта продлится недолго.

28 июля 450 г. Феодосий II скоропостижно скончался. Он завещал корону сестре Августе Пульхерии. Та в скором времени выходит замуж за военачальника Марциана Флавия, который стал императором Марцианом. Это был энергичный иллириец, проявивший себя как хороший полководец и умелый правитель. Ему было пятьдесят девять лет.

Марциан расторг договор, заключенный Феодосием II с Аттилой, заявив: «Передайте Аттиле, что золото я приберегаю для друзей, для врагов же у меня ничего нет, кроме стали». Марциан держался того мнения, что войн следует избегать, пока есть возможность сохранять надежный мир без унижения своего достоинства; но он вместе с тем был убежден, что мир не может быть ни почетным, ни прочным, если монарх обнаруживает малодушное отвращение к войне. Это сдержанное мужество и внушило ему ответ, данный на требования Аттилы, который торопил его с уплатой денежной дани. Император объявил варварам, что они впредь не должны оскорблять достоинства Рима употреблением слова «дань» и что он готов с надлежащей щедростью награждать своих союзников за их преданность, но если они позволят себе нарушить общественное спокойствие, то узнают, что у него есть достаточно и войск, и оружия, и мужества, дабы отразить их нападение. Поскольку гуннский монарх презирал – или делал вид, что презирает, – восточных римлян, которых так часто побеждал, то он скоро объявил о своей решимости отложить их «умиротворение» до тех пор, пока не доведет до конца более блестящего и более важного предприятия. В то время как человечество с трепетом ожидало, на какую из империй гунны направят свои неотразимые удары, Аттила, как следует из хроник, разыграл политический фарс. Бездействие Аттилы в отношении Марциана могло ввести в заблуждение Валентиниана III и – хотя и менее вероятно! – самого Аэция. Дальше – больше: Аттила направляет в Равенну посла с письмом для Валентиниана III, с которым возвращает императору полученное от сестры его, Гонории, кольцо, поскольку она, будучи замужем, не может принять ранее сделанное ей предложение, а он, Аттила, рад, что она счастлива и свободна. Единственное, что его печалит, так это невозможность, в силу сложившихся обстоятельств, стать зятем императора. При этом Аттила просит Валентиниана принять серебряный меч с чеканной рукоятью и заверяет, что во всем мире у императора нет столь преданного друга. Валентиниан в восторге показал письмо Аэцию, который, поразмыслив, решил, что Аттила развлекается и что его развлечения добром не закончатся.

А предыстория взаимоотношений Аттилы и Гонории такова. Гонория ненавидела своего брата Валентиниана, делала все вопреки предостережениям матери и очень рано познала разврат. Впрочем, она была образованна, любила искусство и историю. Однако репутация молодой девушки была несовместима с порядочным браком. Ей пришлось познакомиться с монастырской кельей в Равенне. В двадцать три года она пообещала образумиться, если ее выдадут замуж за иностранного принца. История с «мечом Марса» привела ее в восторг. Она послала Аттиле гонца передать ему письмо и кольцо. Гонория просила – всего лишь – о том, чтобы Аттила женился на ней и потребовал в качестве приданого половину Западной Римской империи, которая причиталась ей по наследству от отца – Констанция III. Кольцо же должно было стать символом помолвки. Аттила отнесся к этому письму с недоверием и отослал гонца без ответа. Когда об этом письме узнали Плациция и Валентиниан, то они вновь заточили Гонорию в монастырь, правда периодически возвращая ей право быть при дворе, но ненадолго, поскольку она немедленно нарушала все нормы приличия. Спустя пятнадцать лет Аттила «вспомнил» о предложении Гонории и дал согласие на брак, приписав в послании к императору: «…меня вполне устраивает приданое Гонории, и я согласен определить границы владений, ибо надо уметь договариваться, особенно с родными». Валентиниан был поражен подобной дерзостью. Гонорию срочно выпустили из монастыря и выдали замуж за военачальника Флавия, услугу которого пришлось оплатить. После чего Валентиниан направил ответ Аттиле, где уверял, что рад бы породниться, но, к сожалению, Гонория вышла замуж. Этот ход Валентиниана весьма развеселил Аттилу.

Следующим хитрым шагом к развязыванию военных действий против Западной Римской империи было очередное письмо Аттилы Валентиниану, где он писал императору о том, что Теодорих I (вестгот, правящий в Аквитании) обещал гуннам выдать дезертиров и,

не сдержав слово, обещал заключить договор о дружбе и обманул; плетет заговоры против власти и самой жизни императора. В интересах Рима и Гуннии Аттила образумит Теодориха и накажет его за непокорность. Поэтому он просит римского императора разрешить перейти Рейн и вторгнуться в Галлию с целью карательной экспедиции, которая позволит ему самому захватить дезертиров, не выданных Теодорихом. Валентиниан нашел доводы очень убедительными и в целом одобрил это предприятие, однако, когда Аэций раскрыл ему истинную цель – начало вторжения, – тогда был составлен корректный ответ, исключающий нападение гуннов на Галлию.

Однако ситуация была сложнее, чем полагали римляне. Вскоре Валентиниан получил от Теодориха копию письма, которое тот, в свою очередь, получил от Аттилы, где гунн объяснял ему, что у него личные счеты с Римом, а потому он намерен захватить Галлию. Всем стало ясно, что столкновения не избежать. Аттиле в то время было около пятидесяти пяти лет.

Подготовка нападения и обороны проводилась твердой рукой.

История сохранила нам мрачный список народов, вошедших в состав армии Аттилы, которая толпилась массами не только на ближайших берегах Дуная, но и в окрестных равнинах перед вторжением в пределы Западной Римской империи в 450 г. Со времени Ксеркса Европа никогда не видела такого скопления известных и неизвестных наций: насчитывали не менее 500 тыс. воинов, а по другим – до 700 тыс. Азия выслала самых свирепых представителей: черный гунн и акатцир, вооруженные длинными луками; алан с огромным копьем и в роговой кирасе; невр, беллонот; гелон, раскрашенный и татуированный, с косою вместо оружия и в накидке из человеческой кожи вместо одежды. С равнин Сарматии явились в своих кибитках наполовину славяне, наполовину азиаты, по оружию сходные с германцами, по нравам – со скифами и допускавшие многобрачие, как гунны. Германия выслала с севера и запада самые отдаленные из своих народов: руг с берегов Одера и Вислы, окир и туклинг, живших у Немана и Западной Двины, рек в то время еще малоизвестных, которые шли, вооруженные круглым щитом и коротким мечом скандинавов. Там можно было увидеть и герула, быстрого на бегу, непобедимого в битве, ужас прочих германцев, которые кончили тем, что истребили это племя. И остгот, и гепид явились на зов со своей грозной пехотой, приводившей в отчаяние римлян. Король Ардарик руководил гепидами; три брата из фамилии Амалов: Валамир, Теодемир и Видемир – стояли во главе остготов. Хотя королевская власть по избранию досталась в руки старшего, Валамира, он добровольно разделил ее с братьями, которых искренне любил. Предводители этого муравейника народов, дрожа перед Аттилою, держались от него на некотором расстоянии, как его слуги или стража, внимательные к малейшему движению его головы или мановению бровей: немедленно подбегали к нему за приказами и исполняли их без прекословия и ропота. Среди этой толпы королей Аттила особенно отличал двоих, которых он призывал на все советы: королей гепидов и остготов. Валамир вносил в свои речи откровенность и лаконичность, которые нравились королю гуннов; Ардарик служил образчиком редкого благоразумия и испытанной верности. Такова была армия, которая словно исчерпала весь варварский мир. Перемещение такого множества народов произвело, если можно так сказать, революцию на громадной равнине севера Европы: славянское племя спустилось к берегам Черного моря, чтобы занять луга, оставленные остготами и некогда принадлежавшие им; задние ряды черных гуннов и передовые линии белых гуннов, авары, болгары, гунугары подвинулись на один шаг к Европе. Опустошители всех родов, будущие властелины Италии, сменившие западных цезарей, заключались в этом хаосе, как предводители и как простые воины, друзья и враги: все обломки образованного мира и та часть мира варваров, которой судьба предрекла будущее величие, собрались вместе, чтобы окружить собою гений разрушения, устремившийся на Западную Римскую империю.

Аэций и Аттила стояли во главе военно-политических коалиций (отнюдь не «племенных союзов»), население которых большей частью было чуждо своим правителям по крови, по религии, да и по этническому облику. Во главе восточной коалиции тюрко-германо-славяно-угорских племен стоял гунн, потомок древнейших тюрков; во главе западной – германо-кельтско-аланской – римлянин, потомок захватчиков и рабовладельцев.

Военные историки полагают, что основное различие между римским войском и варварами заключалось в преобладании пехоты у первых и кавалерии у вторых. Тактика гуннов имела преимущества, а их внешне грубое снаряжение во многом превосходило римское.

В январе—феврале 451 г. Аттила сконцентрировал свою армию на Венгерской равнине. Чтобы достичь берегов Рейна в первых числах марта, Аттила должен был в январе подняться с берегов Дуная. Он разделил свою армию на два корпуса: один следовал по правому берегу Дуная, разрушая на своем пути замки почти до основания; другой, поднимаясь по левому берегу, вербовал по дороге остатки квадов и маркоманов в Западных Карпатах и свевов – в Шварцвальде. Соединившись вместе на истоке Дуная, оба корпуса расположились по близости лесов, откуда они могли взять необходимую древесину для обеспечения похода в Галлию. Франки, жившие по берегам Неккера, при приближении Аттилы выгнали или убили молодого короля, поставленного римлянами, заменили его своим «длинноволосым» князем, и вместе с ним встали под знамена гуннов. Туринги сделали то же; даже зарейнские бургунды, забыв свои прежние счеты с королем Октаром, вступили в войска Аттилы. Укрепив таким образом войска новыми союзниками, гунны начали готовиться к переходу через Рейн. Древний Герцинский лес, видавший Цезаря и Юлиана, обеспечил Аттиле все материалы для переправы: его вековые дубы падали тысячами под ударами секиры; грубые барки, сколоченные из них, соединили оба берега реки плавучим мостом. Очевидно, Аттила сделал несколько мостов, чтобы переправиться в одно и то же время из различных пунктов. Самый восточный отряд перешел Рейн возле города Аугте, главное место равраков, и затем пошел между берегом реки и подошвою Вогезского хребта. Сам Аттила, сколько можно догадываться по документальным подробностям его похода, избрал для переправы место, лежащее несколько ниже слияния Рейна с Мозелем (около Кобленца), где обыкновенно переходили римские армии; потом, следуя со своим войском по дороге, которая вела от места переправы к Триру, утвердился в древней столице Галлии, среди ужасов опустошения.

В V в. Галлия была процветающей страной, намного богаче дунайских провинций, византийских земель и даже самой Италии. В многочисленных шахтах и каменоломнях добывалось необходимое сырье, хорошо оборудованные мастерские работали даже на экспорт. Производство предметов обихода и роскоши было развито более, чем где бы то ни было. Торговля процветала, а цены, несмотря на алчных римлян, оставались невысокими. Варвары нашли здесь цивилизацию, административную организацию, открыли для себя то, что может дать оседлая жизнь, мирная эволюция.

Аттила, верный однажды начертанному плану, издал прокламацию по всей Галлии, объявляя, что он пришел в качестве друга римлян и с единственной целью – наказать вестготов, своих беглых подданных и врагов Рима и потому галлы должны оказать ему дружественный прием как своему освободителю и одному из полководцев Римской империи.

Некоторые города повиновались, другие пытались оказывать сопротивление, но и те и другие были одинаково ограблены. Слабые римские гарнизоны, не имея сил держать натиск, убегали в хорошо укрепленные места или отступали шаг за шагом к Луаре, сделавшейся местом соединения.

Аттила ошибался, полагая, что франки, бургунды и даже вестготы рано или поздно присоединятся к нему в надежде на поживу. Но они и так уже были, на разных условиях, федератами и, наблюдая ежедневно растущую слабость Римской империи, знали, что время

работает на них, а потому в подавляющем большинстве не желали помогать кому-то еще, какими бы обещаниями их не пытались прельстить.

Итак, зимой 451 г. Аттила вторгся в Римскую империю около Майенса, там, где граница была наиболее уязвима, и, несмотря на опустошительные набеги франков в 440–441 гг., это был один из самых густонаселенные районов, самых активных и самых организованных в римских владениях. И Аттила наносит удар, сравнимый с бомбовым. Города должны заплатить дань или погибнуть в огне. И они горят. Они платят. Западный мир видел, кто такие гунны, и знал, что они превратили Мессию, Иллирию, Фракию, Македонию (444–447 гг.) в пустыню.

Между тем вся Галлия и, в особенности, бельгийские провинции были поражены паническим страхом. Все бежало или готовилось к бегству при виде этого вихря народов, которому предшествовали пожары и за которым следовал голод. Каждый спешил укрыть в безопасном месте свои припасы, деньги, домашнюю утварь; жители небольших селений сбегались в большие города, но и там не находили они безопасных мест; жители равнин перебирались в горы, леса населялись крестьянами; жившие по берегам морей и рек спускали на воду суда и были наготове переправлять свои семейства и имущество в те места, которые считались менее опасными. Так поступили жители небольшого города Лютеции. Лютеция, современный Париж, – по господствовавшему тогда обычаю называть города по имени тех племен, у которых они были центральным местом жительства, – была незначительным селением во времена Юлия Цезаря, при Констанции Хлоре сделалась довольно важным городом. Торговая значимость маленького города шла рука об руку с политическим его значением: он стал центральным местом торговли на всем пространстве между Верхней и Нижней Сеной. При других обстоятельствах жители Лютеции, состоявшие почти все из рыбаков, сумели бы внушить уважение к своему острову, защищенному двойной оградой, то есть глубокими рукавами Сены и высокой стеной, с установленными по бокам башнями, но панический страх, вызываемый даже упоминанием имени Аттилы, отнимал спокойствие у самых отважных и склонял народ к бегству как к единственному средству спасения. Жители города, посовещавшись между собой, решили не дожидаться неприятеля. Уже все было готово к переселению. Но всюду, где проходил завоеватель, на его пути появлялись святые люди, будь то епископы или девственницы. Но что они могли сказать Аттиле от имени терзаемой Галлии?

И тогда-то явилась прелестная девочка из Нантерра, которая решилась остановить это массовое бегство. Ее звали Женевьева и была она галлоримлянка. За ней шла слава праведницы, целительницы, пророчицы. Точно так же, но при других бедствиях Отечества, другая, дочь Галлии – Жанна Д Арк имела ведения.

С тех пор, как появились слухи о скором приходе Аттилы, особенно когда начались опустошительные войны (Мец и Реймс были уже разорены), Женевьева была глубоко убеждена, что земные события суть следствия высших определений Божества и что раскаяние и молитва, смягчая гнев Божий, могут отвратить угрожающие бедствия, посему дни и ночи молилась она в храме, со слезами взывая к Богу о помиловании своей страны. Через видения ей было свыше открыто, что город будет пощажен, если принесет покаяние, и что Аттила не приблизится к его стенам. Она стала убеждать своих соотечественников совершить покаяние и не переселяться, но мужчины отвечали ей отказом, и тогда она решила обратиться к женщинам.

Собрав их около себя, она говорила, указывая на опустевшие дома: «Женщины, вы без сердца! Вы оставляете свое пепелище и эти кровли, под которыми были зачаты, вскормлены и родились ваши дети, как будто у вас нет, кроме бегства, никаких других средств для защиты от меча самих себя и ваших мужей! Почему вы не обратитесь к Господу, избрав своим оружием пост и молитву, как то сделали Эсфирь и Юдифь? Именем Всевышнего предрекаю

вам, что город ваш будет помилован, если вы сделаете это; а те места, где думаете найти безопасность, попадут в руки врага, и не останется там камня на камне». Женщины в покорном молчании последовали за Женевьевой. На восточной оконечности острова Лютеции, на том месте, где теперь возвышается собор Парижской Богоматери, находилась тогда церковь во имя святого первомученика Стефана. Туда-то Женевьева и привела идущую толпу женщин. В этой церкви женщины закрылись и начали молиться. Удивленные продолжительным отсутствием своих жен, мужья также пришли в церковь и, найдя двери ее запертыми, спрашивали, что все это значит, на что женщины отвечали, что не хотят покидать город. Мужчины пришли в бешенство. Женевьеву от мужской расправы спас случай – подоспевший дьякон, который устыдил мужчин: «Это святая дева, повинуйтесь ей». Горожане остались в городе. Предсказание Женевьевы сбылось: войска Аттилы, соединившиеся между Сеной и Марной, не подошли к Лютеции, и город был обязан спасением непоколебимой твердости бедной девушки, которую потомки впоследствии причислили к лику святых.

Небезынтересно, что в летописных хрониках присутствуют факты, свидетельствующие, что в самые экстремальные, можно сказать, переломные моменты истории человечества, определенную роль играет Провидение. В подтверждение тому следует отметить, что в главе VI приводится факт, когда в критический момент для Руси икона Святой Богородицы якобы отвратила наступление войск Амира Темура на Москву.

Тем временем Аттила перешел Сену возле Оксера и, после продолжительного и трудного похода, раскинул свой лагерь под стенами Орлеана. Он рассчитывал на тайное приглашение короля аланов Сангибана, обещавшего изменой выдать ему город и перейти под его знамя. Но этот заговор был раскрыт, и вокруг Орлеана были возведены новые укрепления.

Весной 451 г. войска Аттилы осадили Орлеан. Стены города сотрясались от таранов. Народ был доведен осадой до крайности.

14 июня город почти был взят, но подоспела римская армия под командованием Аэция, Теодориха, короля вестготов, и его сына Торисмода. Аттила отступил к Труа. Западнее Труа его остановили римские и вестготские войска: сражение принесло минимальный перевес союзникам, но не спасло Запад (конец июня 451 г.). Аттила, достигнув полей Мавриака, начал готовиться к новому сражению.

Основываясь на исторических документах, можно предположить, что гунны не видели в бегстве какого-нибудь бесчестия для себя; ища более добычи, нежели славы, они старались вступить в сражение не иначе, как имея уверенность в победе, и потому при встрече с сильным неприятелем зачастую уклонялись от битвы, с тем чтобы напасть в более благоприятное время. Так поступил и Аттила: обманутый в своих планах, проклиная Аэция, он думал о безопасном размещении своего войска и награбленной добыче. Ночью, не нарушая тишины, он снялся с лагеря и, следуя той же дорогой, которой пришел, был к восходу солнца уже далеко от Орлеана.

Легкость, с которой Аттила проник в глубь Галлии, может быть приписана столько же его восточной политике, сколько и страху, который наводили его военные силы. Свои публичные заявления он искусно смягчал своими приватными заверениями и попеременно то успокаивал римлян и вестготов, то грозил им; а дворы равеннский и тулузский, относившиеся один к другому с недоверием, смотрели с беспечным равнодушием на приближение их общего врага. Аэций был единственным хранителем общественной безопасности, но самые благоразумные из его распоряжений встречали помеху со стороны партии, господствующей в императорском дворце после смерти Плацидии; итальянская молодежь трепетала от страха при звуке военных труб, а варвары, склонившиеся из страха или корысти на сторону Аттилы, ожидали исхода войны с сомнительной преданностью, всегда готовой продать себя за деньги. Патриций перешел через Альпы во главе войск, которые по своей силе и по своему числу едва ли заслуживали названия армии. Но когда он прибыл в Арль

или в Лион, его смутило известие, что вестготы, отказавшись от участия в обороне Галлии, решили ожидать на своей собственной территории грозного завоевателя. Тогда сенатор Авит, согласился взять на себя важную миссию посла, которую искусно исполнил. Он поставил Теодориху на вид, что стремившийся к всемирному владычеству честолюбивый завоеватель может быть остановлен только при энергичном и единодушном противодействии со стороны тех государей, которых он замышлял низвергнуть. Полное огня красноречие Авита воспламенило вестготских воинов описанием оскорблений, нанесенных гуннами их предкам, гуннами, которые с неукротимой яростью преследовали их от берегов Дуная до подножия Пиренеев. Он блестяще аргументировал, что на каждом христианине лежит обязанность сохранять церкви Божьи и мощи святых от нечестивых посягательств и что в интересах каждого из поселившихся в Галлии варваров оберегать возделанные ими для своего пользования поля и виноградники от опустошения их «скифскими пастухами». Теодорих преклонился перед очевидной основательностью этих доводов, принял те меры, которые казались ему самыми благоразумными и согласными с его достоинством, и объявил, что в качестве верного союзника Аэция и римлян он готов рисковать и своей жизнью и своими владениями ради безопасности всей Галии. Вестготы, находившиеся в ту пору на вершине славы и могущества, охотно отозвались на первый сигнал к войне, приготовили оружие, коней и собрались под знаменем престарелого царя, который решил лично встать во главе многочисленных и храбрых подданных вместе со своими двумя старшими сыновьями. Примеру вестготов последовали некоторые другие племена или народы, сначала, по-видимому, колебавшиеся в выборе между вестготами и римлянами. Неутомимая деятельность патриция мало-помалу собрала под одно знамя воинов галльских и германских, которые когда-то признавали себя подданными или солдатами республики, а теперь требовали награду за добровольную службу и ранга независимых союзников; то были леты, арморицианы, брионы, саксы, бургунды, аланы, рипуарии и те из франков, которые признавали Меровея своим законным государем. Таков был разнохарактерный состав армии, которая под предводителем Аэция и Теодориха двинулась форсированным маршем на спасение Орлеана. Рим понимал, что, несмотря на поражение Аттилы под Орлеаном, он был еще достаточно силен, чтобы предложить войну. Между тем обескровленная страна взывала к помощи. Все народы Галлии осознавали, что это их последний шанс.

Легко догадаться, что Аттила при быстром отступлении допускал грабеж, но не более, чем это было необходимо для пропитания войска. При переходе Сены у Труа он не вошел в город: епископ Лу предстал перед Аттилой, прося его пощадить не только жителей такого беззащитного города, каким был Труа, не имевший ни ворот, ни стен, но также и сельское население.

Иордан приводит диалог между Аттилой и епископом. Вот отрывок из него. «Хорошо, – отвечал ему владыка гуннов тоном холодной насмешки, которая у него часто следовала за вспышкой гнева, – но ты будешь меня сопровождать до самого Рейна. Святой человек не может не принести счастья мне и моему войску». Аттила хотел иметь епископа своим заложником на всякий случай, как пастыря, уважаемого во всей стране и важного в глазах римлян.

За городом Сансом Аттила вышел на место менее опустошенное, нежели окрестности Орлеана, и совершенно открытое, где гуннская кавалерия, в случае битвы, имела бы преимущества. На север от Санса, между долинами рек Йонны и Эн, на протяжении 50 км в длину и от 35 до 40 км в ширину, следует целый ряд равнин, пересеченных глубокими реками; с VI в. эта земля называлась Кампань (ныне Шампань).

Чтобы достичь нижнего течения Рейна, нет другого выхода, кроме опасных ущелий Аргона с северо-востока, а с юго-запада – длинный переход через Вогезы и Юру; две римские дороги, ведущие по этим двум направлениям, перекрещивались тогда возле города

Шалон-на-Марне. Аттила, идя из Реймса, шел уже по этим землям и, отступая, поспешно занял город и окрестную равнину, называемую Каталаунскими полями, с тем чтобы обеспечить себе возможности к отступлению в случае, если бы римская армия, стеснив его со всех сторон, принудила к битве. Не в первый раз в истории Галлии Каталаунские поля избирались театром страшной битвы народов – и не в последний.

Каталаунская битва

Для обеспечения перехода гуннских войск через р. Об при Арсиане на равнине, образующей треугольник при слиянии Сены и Оба, в арьергарде оставался отряд гепидов, возглавляемый Ардариком.

Армия Аэция нагоняла уже гуннов, измученных голодом, болезнями, засадами крестьян по дороге, и вскоре римский авангард, состоявший из меровейских франков, столкнулся с гепидами, прикрывавшими переправу через Об. Стычка произошла ночью; в ужасной сумятице дрались впотьмах до рассвета: с одной стороны – секира франков, с другой – меч и дротик гепидов работали так усердно, что к восходу солнца 15 тыс. убитых и тяжелораненых покрывали поле сражения.

Ардарик, успев перевести гепидов на другую сторону реки, присоединился к главной армии гуннов, которая в тот же день вступила в Шалон.

Более уже не было никаких средств к избежанию генеральной битвы. В нескольких милях за Шалоном, недалеко от места, называемого в древних путеводителях храмом Минервы, был разбит лагерь по римскому образцу; находясь на страсбургской дороге, он, по-видимому, имел назначение прикрывать собой оба города, Реймс и Шалон, между которыми был расположен. Недалеко от этого лагеря, по необозримой равнине, протекала река Везль, которая, находясь еще при своем истоке, имела вид ничтожного ручья; это последнее обстоятельство, в соединении с другими топографическими подробностями, упоминаемыми историей, подтверждает то мнение, что на этом самом месте происходила битва римлян с гуннами. Может быть, Аттила, найдя годными для себя римские укрепления, воспользовался ими как счастливым случаем? Может быть, римские окопы пригодились для составления центра лагеря? Все это вполне возможно.

Решившись на битву, Аттила построил свои кибитки в виде круга, внутри которого были раскинуты палатки.

В тот же день армия Аэция расположилась на виду гуннов; римские легионы по всем правилам римского военного искусства становятся лагерем, союзные же варвары – без окопов и палисадов, по национальным признакам.

Аттила провел всю эту ночь весьма тревожно. Дурное состояние его расстроенной армии, ослабленной лишениями и значительно уменьшившейся и в людях, и в лошадях, делало для него поражение весьма вероятным, и такая вероятность не укрылась бы от глаз даже менее проницательных.

Солдаты захватили в соседнем лесу странника, который слыл среди крестьян прорицателем. Аттила спросил его о своей судьбе. «Ты – бич Божий, – отвечал ему странник, – и палица, которою Провидение поражает мир; но Бог, по воле Своей, ломает орудие своей кары и, по Своим предначертаниям, передает меч из одних рук в другие. Знай же, что ты будешь побежден в битве с римлянами, и чрез то поймешь, что твоя сила не от мира сего». Такой смелый ответ нисколько не разгневал Аттилу. Выслушав христианского прорицателя, он хотел в свою очередь обратиться к предсказателям, находившимся при войске, потому что у гуннов, как позже и у монголов, в принятии каких-либо важных решений участвовали «особые» люди. Аттила велел призвать к себе предсказателей, и, как свидетельствует историк этой войны Иордан, следовавший за войском, произошла необычная и вместе с тем страшная сцена.

Представьте себе гуннскую ставку, раскинувшуюся посреди долин Шампани. При погребальном свете факелов собрались на совет всевозможные прорицатели Европы и Азии: жрец из остготов или ругов, с руками, запущенными во внутренности жертвы, наблюдает за ее последними содроганиями; жрец из алан, встряхивая гадательные прутики на белой

скатерти, видит в их расположении таинственные знаки будущего; кудесник из белых гуннов, вызывая духи умерших, при громе волшебного барабана кружится с быстротой колеса и в изнеможении падает с пеной у рта; а в глубине палатки Аттила в своем кресле следит за конвульсиями и прислушивается ко всякому взвизгиванию этих адских предсказателей.

Но гунны знали и особое, им только известное гадание, которое, по свидетельству европейских путешественников, сохраняло свою силу в XIII и XIV столетиях при дворе потомков Чингисхана: это гадание на костях животных, преимущественно бараньих лопатках. Процесс гадания состоял в том, что от костей, для того предназначенных, отделялось мясо; потом их клали на огонь и по направлению жил или трещин на кости предсказывали будущее. Правила этого искусства были точно определены известным церемониалом, как то было и у римских птицегадателей.

Аттила смотрел на кости и по ним также убедился в ожидаемом его поражении. Жрецы, посовещавшись, объявили, что гуннов ждет поражение, но предводитель неприятелей падет в битве. Аттила понял, что это Аэций, и на лице его блеснула радость. Аэций был большим препятствием во всех его начинаниях: он ловко уничтожил искусно составленный Аттилой план отделения вестготов от римлян; он остановил гуннов в их победоносном шествии; он был душой той массы мелких народов, завидовавших друг другу, с которыми Аттила без Аэция справился бы легко. И Аттила решил: смерть Аэция – достойная цена собственного поражения.

Аттила принял все меры к тому, чтобы начать битву как можно позже, что сделает почти невозможным абсолютное поражение: наступившая ночь дала бы время для принятия контрмер.

Около трех часов пополудни гунны вышли из окопов лагеря. Аттила занял центр со своими гуннами, на левом крыле расположился Валамир с остготами, на правом – Ардарик с гепидами и другими народами, подчиненными Аттиле.

Аэций распоряжался на левом крыле, занимаемом римскими легионами; на правом вестготы стояли против остготов, а в центре были размещены бургунды, франки, арморики и аланы, предводительствуемые Сангибаном, верность которого была под сомнением еще при осаде Орлеана, и потому войскам более надежным было поручено наблюдать за ним.

Распоряжения, сделанные Аттилой, достаточно указывали на его план. Сосредоточив лучшую часть кавалерии в центре позиции и поблизости баррикад, устроенных из кибиток, он, очевидно, хотел повести быструю атаку на неприятельский лагерь и в то же время обеспечить себе отступление к своим укреплениям.

Аэций, напротив, расположив главные свои силы на флангах, имел целью воспользоваться таким маневром Аттилы, окружить его, если будет то возможно, и перерезать ему отступление.

Между двумя армиями находилось небольшое возвышение, и овладеть этой вышкой представляло большую выгоду: гунны отправили туда несколько эскадронов, отделив их от авангарда, а Аэций, находясь ближе, послал туда же Торисмонда с вестготской конницей, который, прибыв первым на возвышение, атаковал гуннов сверху и отбросил их без труда. Такое неудачное начало было дурным предзнаменованием для гуннской армии, томимой уже и без того печальным предчувствием.

Аттила для воодушевления войска собрал около себя предводителей и обратился к ним с речью, слова которой приводит Иордан. Если принять во внимание необыкновенную силу памяти у народов, которые, не зная искусства письма, имели устное предание как единственный исторический источник, тогда не будет удивительным, что до нас дошла речь Аттилы. События общественной жизни варваров, вместе с их мифологическими повествованиями, составляют исключительный предмет их литературы, и потому они удерживают их в памяти с такой точностью, образчик которой нам представляет Эдда, и если им случается что-нибудь

прибавить к действительности совершившегося, то они остаются до того верны краскам времени и описываемого общества, что сама выдумка получает в глазах потомства род некоторой достоверности. Допустим, если угодно, что речь, которую Иордан вкладывает в уста властителя гуннов, принадлежит к числу подобных выдумок, во всяком случае, она не была произведением какого-нибудь греческого или латинского ритора, тем более что по своей суровой энергии эта речь представляет величайший контраст со слогом и идеями, которые мог бы придумать компилятор истории готов. Итак, речь Аттилы перед битвой: «Одержав уже столько побед над народами, и почти достигнув обладания миром, я был бы бессмыслен и смешон в своих собственных глазах, если бы вздумал возбуждать вас еще словами, как будто бы вы не умели биться. Предоставим такую меру какому-нибудь новичку-полководцу и неопытным воинам: она была бы не достойна ни вас, ни меня. В самом деле, к чему же вы больше привыкли, как не к войне? И что для храброго может быть приятнее, как искать мести с оружием в руках? О! Да, пресыщать сердце местью – величайшее благодеяние природы!.. Нападем смело на неприятеля: кто храбрее – тот всегда нападает. Смотрите с презением на эту массу разнообразных народов, ни в чем не согласных между собою: кто при защите себя рассчитывает на чужую помощь, тот обличает собственную слабость пред всем светом. Вы видите, как овладевает ими уже страх, прежде нежели началась битва: они хотят овладеть возвышенностью; они торопятся занять высоты, которые не помогут им, а вскоре им придется не с большим успехом искать спасения в долине. Мы знаем все, с каким трудом римляне переносят тяжесть своего вооружения; я не говорю о первой ране, их может задушить одна пыль. Пока они будут строиться в неподвижные массы, чтоб составить черепаху из своих щитов, не обращайте на них внимания и идите дальше; бегите на алан, бросьтесь на вестготов: мы должны искать быстрой победы там, где сосредоточены главные силы. Если перерезать мускулы, члены опустятся сами собою, и тело не может прямо стоять, когда из него вынуты кости. Итак, возвысьте свою храбрость и раздуйте свой обычный пыл. Покажите как следует свое мужество; пусть узнают доброкачественность вашего оружия; пусть раненый ищет смерти своего противника, а тот, кто останется невредим, насытится избиением врага: кому суждено остаться в живых, на том не будет ни одной царапины, а кому суждено умереть, того судьба постигнет и среди мира. Наконец, к чему бы фортуна даровала гуннам победу над столькими народами, если бы она не хотела нас осчастливить предстоящею битвою? К чему она указала бы нашим предкам дорогу через Меотийские болота, остававшиеся в течение стольких веков неизвестными и непроходимыми. Я не ошибаюсь нисколько относительно настоящего: пред нами то поле битвы, которое обещали нам наши прежние победы, и этот случайно скученный сброд не выдержит и на одно мгновение вида гуннов. Я бросаю первый дротик в неприятеля; если кто-либо думает остаться спокойным в то время, когда бьется Аттила, тот уже погиб».

«Затем, – продолжал Иордан, сделавшийся в своем повествовании столь же страстным, как и его герой, – затем началась битва свирепая, повсеместная, ужасная, отчаянная. Древность не повествует нам ни о таких подвигах, ни о такой резне, а тот, что не был свидетелем этого удивительного зрелища, тому не встретить того другой раз в своей жизни».

Все народы от берегов Волги до Атлантического океана собрались на Шалонской равнине, но многие из этих народов были разъединены завоеваниями и переселениями, и внешний вид одинакового оружия и одинаковых знамен у людей, готовых вступить между собой в борьбу, представлял картину междоусобицы.

Военная дисциплина и тактика греков и римлян составляли интересную часть их национальных нравов. Внимательное изучение военных операций Ксенофонта, Цезаря и Фридриха Великого, когда эти операции были описаны теми же гениальными людьми, которые их задумали и приводили в исполнение, могло бы способствовать усовершенствованию искусства истреблять человеческий род.

Битва началась на правом римском крыле, которое схватилось с левым крылом Аттилы; западные готы боролись с восточными, братья – с братьями. Полуиссякшие ручейки, протекавшие по долине, внезапно раздулись от потоков крови, смешавшейся с их водами, и раненые, утоляя жажду таким ужасным питьем, умирали мгновенно.

Воспользовавшись знаниями о тактике варваров, приобретенными за время жизни среди гуннов, Аэций тотчас же нейтрализовал сильные стороны их войска – лучников и кавалерию, – навязав им рукопашный бой. Бронзовые шлемы и панцири римских солдат защитили их от каменных топоров варваров, не искушенных в тактике пехотного боя. Мечи римлян возобладали над арканами и длинными пиками гуннов.

Тем временем Теодорих, проезжая вдоль рядов, стараясь воодушевить свои войска, был поражен насмерть дротиком знатного остгота Андага и сброшен с лошади. Раненого царя сдавили со всех сторон среди общего смятения; собственная кавалерия топтала его копытами своих коней, и смерть этого знатного противника оправдала первую часть предсказания. Аттила уже ликовал в уверенности, что победа на его стороне, когда храбрый Торисмонд спустился с высот и осуществил остальную часть предсказания.

В то время как гунны Аттилы бросились на центр римской армии, пробили его и удержали в своих руках позицию, вестготы, победив на правом крыле, атаковали их с фланга. Левое крыло римской армии сделало такое же движение, и Аттила, заметив опасность, отступил к своему лагерю. В этой битве, преследуемой с яростью вестготами, он едва не был убит и смог спастись только бегством. Сеча была яростная, пленных никто не брал, и очень немногие из раненых выжили.

Понимая тщетность продолжения битвы, Аттила приказал отступить, слегка озадачив римлян, увидевших спины гуннской орды при первом – и единственном – поражении их царя. Его армия, смешавшись, последовала за ним в место, загороженное кибитками; и как ни было слабо подобное укрепление, но туча стрел, пускаемых беспрерывно из-за кибиток, остановила нападающих. Наступила ночь, и за ней последовал такой мрак, что нельзя было отличить своих от неприятелей; целые отряды сбивались с пути. Торисмонд, спускаясь с холма, чтобы присоединиться к главной армии, сам того не замечая, наткнулся на кибитки гуннов, откуда вылетела куча стрел; он был ранен в голову и сброшен с лошади. Вестготы унесли его, истекающего кровью. Сам Аэций, отделившись от своих и оттискивая вестготов, которых он считал погибшими, бродил некоторое время среди неприятеля. Остальную часть ночи и римляне, и их союзники провели на страже в своем лагере, со щитами в руках.

Исход борьбы был сомнителен, но Аттила приберег для себя последнее и не унизительное для его достоинства средство спасения. Мужественный варвар приказал устроить погребальный костер из богатой конской сбруи, решив – в случае если его укрепленный лагерь будет взят приступом – броситься в пламя и тем самым лишить своих врагов той славы, которую они приобрели бы, убив Аттилу или взяв его в плен.

Солнце взошло над долиной, усеянной трупами. По Иордану 160 тыс. убитыми остались на поле битвы, по другим источникам – до 300 тыс. Римляне и их союзники результаты битвы оценивали однозначно: Аттила потерпел сокрушительное поражение; его отступление, столь поспешное и беспорядочное, указывало на это.

Императорский главнокомандующий скоро доподлинно убедился в поражении Аттилы, не выходившего из-за своих укреплений; когда же он обозрел поле сражения, то с тайным удовольствием заметил, что самые тяжелые потери потерпели варвары. Покрытый ранами труп Теодориха был найден под грудой убитых; его подданные оплакивали смерть своего царя, но их слезы перемешивались с песнями и радостными возгласами, и его погребение было совершено на глазах у побежденного врага. Вестготы, бряцая своим оружием, подняли на щите его старшего сына Торисмонда, которому приписывали честь победы, и новый царь принял на себя обязанность отмщения как священную долю отцовского наслед-

ства. Тем не менее вестготы поражались тому, что их грозный соперник не вел себя как побежденный, и даже их историк сравнивал Аттилу со львом, который, лежа в своей берлоге, готовится с удвоенной яростью напасть на окруживших его охотников. «Как лев, гонимый отовсюду охотниками, большим прыжком удаляется в свое логовище, не смея броситься вперед, и своим рыканьем наводит ужас на окрестные места, так, – по словам Иордана, – гордый король гуннов среди своих кибиток наводил ужас на своих победителей».

Цари и народы, которые могли бы покинуть его знамена в минуту поражения, были проникнуты сознанием, что гнев их повелителя был бы для них самой страшной и неизбежной опасностью. Его лагерь непрестанно оглашали воинственные звуки, как будто вызывавшие врагов на бой, а передовые войска Аэция, пытавшиеся взять лагерь приступом, были или остановлены, или истреблены градом стрел, со всех сторон летевших на них из-за укреплений. На военном совете римской армии было решено осадить короля гуннов в его лагере, не допускать подвоза провианта и принудить его или заключить постыдный для него мирный договор, или возобновить неравный бой. Но здравые политические соображения внушали Аэцию опасение, что после совершенного истребления гуннов республике придется тяжело от присутствия высокомерных и могущественных вестготов. Поэтому патриций, употребив свое влияние на сына Теодориха, жаждущего отомстить гуннам за смерть отца, внушил Торисмонду, что было бы опасным для его короны столь продолжительное отсутствие, и убедил его разрушить своим быстрым возвращением домой честолюбивые замыслы братьев, которые могли бы завладеть вестготским троном и сокровищами. (Кстати, некто Идаций сообщает странную подробность – будто Аэций втайне посетил ночью короля гуннов и получил взятку в десять тысяч золотых монет за то, чтобы не препятствовать их отступлению.) Разумеется, доводы были убедительными, и вестготы покинули армию. Впоследствии римляне привыкли к подобным внезапным уходам, к постоянному колебанию своих союзников, недальновидных, эгоистичных, всегда более готовых к тому, чтобы ослабить, нежели подкрепить империю, принявшую их в свои ряды.

Очевидно, Аэций в глубине души был доволен освобождением своего войска от вестготов, которые сыграли столь блестящую роль в сражении. Но хвастовство и притязания их командования были оскорбительными для римлян, и Аэций опасался, что после поражения гуннов эти защитники Галлии обрушатся на империю.

Уход армии Торисмонда равнялся прекращению осадного положения для Аттилы. Ничего не зная о положении дел у римлян и по прежнему заключенный в своем лагере, Аттила с отчаянием наблюдал, как лишения и болезни уничтожают его армию. Он, казалось, ожидал какой-нибудь случайности, вроде той, которая и произошла, разделив армию Аэция. Аттила увидел, что бивуаки Торисмонда опустели; но так как здесь могла быть западня, Аттила оставался настороже. Спустя некоторое время тишина и слишком продолжительное опустение лагеря вестготов убедили его в справедливости факта, и он предался величайшей радости: «Его душа возвратилась к мысли о победе, и его мощный гений овладел своею прежнею фортуной».

Приказав немедленно запрячь кибитки, Аттила отдал приказ к отступлению. Аэций, с войском, уменьшенным наполовину, считал благоразумным не беспокоить отступающего льва. Он следил за ним на некотором расстоянии, чтобы воспрепятствовать грабежу и напасть на него, если бы он вздумал уклониться с прямой дороги.

Меровей и его франки, державшиеся на благоразумном отдалении и старавшиеся создать устрашающее впечатление о своих силах тем, что каждую ночь зажигали многочисленные огни, не прекращали следовать за арьергардом гуннов, пока не достигли пределов Тюрингии. Тюринги служили в армии Аттилы; они и во время наступательного движения и во время отступления проходили через территорию франков и, может быть, именно в этой вой не совершили те жестокости, за которые отомстил им сын Хлодвига почти через восем-

надцать лет после этих событий. Они умерщвляли и заложников и пленников; двести молодых девушек были преданы изощренным пыткам.

От поражения галльской экспедиции не ослабли ни мужество, ни военные силы, ни репутация Аттилы. Запад «кричал» о поражении врага: возможно, для того, чтобы убедить в этом современников, а затем и потомков. Но с точки зрения сегодняшней науки это было полупоражением: Аттила сохранил армию и ее боевой дух, и менее чем через год он предпринял новую экспедицию – на этот раз не в Галлию, где больше нечего было взять, а в Италию.

На Каталаунских полях сошлись Запад и Восток, город и степь, крестьянин и кочевник, дом и шатер. Сто шестьдесят тысяч убитых из пятисот тысяч воинов, ступивших на равнины Шампани. Прежде чем на полях сражений снова столкнутся такие огромные армии, пройдут века, наступят эпохи Чингисхана, Амира Темура, Наполеона.

Вторжение в Италию

Отступление гуннов представляло собой человеческую драму, о которой свидетельствовали и современник Приск, и, столетие спустя, Иордан, Кассиодор и Прокопий. Тяжелораненые умирали один за другим. По пути от Шалона до Рейна погибло до девяти тысяч гуннов и их союзников.

В ближайшем окружении Аттилы не сомневались, что он откажется от продолжения борьбы, хотя полководец оставался все еще очень силен. Для Аттилы это отступление было лишь неудачным эпизодом войны, этапом, который он счел нужным преждевременно и с некоторыми потерями завершить, чтобы начать новые кампании, лучше спланированные и подготовленные. Отступление – не поражение, отойти еще не значит уйти – продолжение битвы могло обойтись слишком дорого, разумнее было пересмотреть план кампании.

Вернувшись со своим потрепанным войском в долину Дуная, Аттила направил энергию на изучение военной науки и необходимые преобразования. Но для реорганизации армии до такой степени, чтобы возобладать над тактикой противостоящего ему Аэция, требовалось внести коренные перемены в устоявшиеся обычаи гуннов, не менявшиеся испокон веков. Прежде всего, гунны укрепили свою столицу Этцельбург (важно отметить, что город назван в честь Аттилы, имя которого в германском варианте звучало как Этцель), чтобы она могла выдержать длительную осаду. От кочевой жизни им пришлось отказаться – обретя родину и основательно укрепившись на ее территории, они больше не блуждали по бескрайним степям. Меховые одеяния его ратников сменили кожаные латы с металлическими накладками. Начали строить баллисты и катапульты. Воинов учили пехотной тактике, отрабатывали движения в строю и пешие маневры, безопасность их обеспечивала уже не меткая стрельба из луков, а высокие щиты.

Кроме того, Аттила без труда добился от остготов, ставших частью империи, обещания присоединиться к его армии по первому зову и милостиво оказал гостеприимство войскам тех союзников, которым далеко было добираться до родных краев.

Теперь Аттила спокойно ждал новостей из Рима и Равенны. А новости были ободряющими. Плохой прием, оказанный Валентинианом Аэцию, весьма его порадовал. Можно было с уверенностью заключить, что их примирение не будет ни искренним, ни долгим. Тонкий дипломат, Аттила, понял, что сейчас не стоило предпринимать каких-либо решительных действий, надо было только выдержать необходимое время, пока ситуация в Равенне не накалится до предела. И в этот период ожидания он активно взялся за подготовку итальянского похода, о котором давно мечтал: он вторгнется в Италию, раздавит Валентиниана и Марциана, а затем ему откроется дорога в Галлию с юга, тогда как остготы и их союзники обрушатся на нее с северо-востока. Обстоятельства, проистекшие из заключения союза между персами и римлянами, положили конец планам Аттилы полностью реформировать армию гуннов. Дабы не дать этому союзу принести свои плоды, необходимо было действовать без промедления.

В глазах многих римлян возвращение римлян на поле брани не представляло такой уж большой опасности их благополучию, ведь они не видели собственными глазами, как яростно войско гуннов может опустошать все на своем пути. Впрочем, вскоре им предстояло познакомиться с неистовством этого океана варваров.

Тем временем Аттила занялся укреплением союзов, но столкнулся с большими сложностями, которых совершенно не ожидал: остготы не спешили принимать активное участие в новой эпопее, гепиды мялись в нерешительности, герулы после галльского похода полностью погрузились в анархию. Все это в целом выглядело не блестяще. Аттила тяжело переживал неудачи, что отразилось даже на его здоровье. Но он не отказывался от своих планов.

Да, он покажет, что отступление не было поражением, а преддверьем самой вершины его победы.

Аттила наметил план кампании: пройти классической дорогой римских легионов до Сирмия на Савве в Нижней Паннонии, затем обрушиться на самую мощную крепость во всей Италии – Аквилею, на северном побережье Адриатического моря, недалеко от современной Венеции. Оттуда предполагалось осуществить вторжение в Венецию и Лигирию, а затем в Этрурию до самого Рима, который он, естественно, желал захватить. Аттила намеревался оставить сильное войско у Аквилеи, чтобы пресечь возможные попытки вмешаться в войну византийского императора. В зависимости от достигнутых результатов, он мог бы затем воссоединиться с этими силами и уже со всей армией пойти в Константинополь. Однако он допускал, что может удовлетвориться одним сдерживанием сил византийцев, отложив захват Восточной Римской империи, когда уже завладеет Галлией.

Аэций оказался достаточно умен, чтобы разгадать готовящееся вторжение, на этот раз в Италию. Оставалась, однако, слабая надежда, что удар будет направлен на Восточную Римскую империю, не в обоих направлениях.

Тогда еще не завершился тот краткий период, когда Аэций мог надеяться вернуть себе полное доверие Валентиниана и оставаться всемогущим верховным главнокомандующим и политическим советником. Аэций изложил Валентиниану то, что считал необходимым предпринять для спасения империи. В ответ последовала буря негодования. В конце концов, Аэций поспешил в Рим и, мобилизовав все свои силы для восстановления и укрепления стен, за несколько месяцев напряженного труда превратил Рим в неприступную крепость. После чего, с разрешения императора, он отправился в Константинополь. Аэций изложил Марциану свои опасения: Аттила готовится перейти через Альпы. Однако Марциан был слишком уверен в себе и отказал Аэцию в непосредственной оперативной помощи и обещал выступить лишь в том случае, если гунны дойдут до По или одновременно двинутся на Рим и Константинополь.

Император счел дипломатическую миссию Аэция провалившейся, расстроил бракосочетание сына патриция и своей дочери и удалил его от дел. Против Аэция была развязана клеветническая кампания.

Тем временем министры-военачальники Аттилы все больше недоумевали по поводу бездействия своего императора. Январским вечером 452 г. Аттила собрал совет из самого близкого круга приближенных и объявил им, что вот уже несколько месяцев он серьезно болен: у него постоянная и ужасная головная боль. Он предпочел бы пасть на поле боя в лучах славы, чем испустить дух от апоплексического удара. Он не бессмертен, поэтому надо все предусмотреть. И Аттила изложил им свое завещание.

Единство империи гуннов должно быть сохранено – один император, которым станет его старший сын Эллак, наставником и советником – Онегез. Эрнак, самый молодой из сыновей, будет властелином Галлии и Италии после их завоевания. Узиндур получит земли от Одера до Днепра. Денгизих – от Днепра до Волги, а также весь азиатский север. Геймс станет правителем территории от Западной Паннонии до Черного моря. Эмнедзар станет правителем кавказских и каспийских провинций. Все дали торжественную клятву исполнить его волю.

Начиналась самая ужасающая кампания Аттилы. Она была примечательна, помимо кровавой резни, достижениями гуннов в области военной техники и стратегии, а также своим неожиданным, парадоксальным финалом.

«Лавина гуннов спускается со склонов Альп, Вы являетесь главнокомандующим империи и Вы один можете ее спасти», – писал римский император Аэцию. Аэций расположил свои легионы на берегах По. Все мероприятия по укреплению обороны земель к северу от этого рубежа свелись к укреплению гарнизонов Аквилеи и ряда других городов.

Аттила понимал, что Аквилея – это не Мец, не Орлеан, не Реймс… Это козырь из козырей – ключ к Риму, к Равенне, Константинополю и Галлии.

Стремительно ворвавшись весной 452 г. в Италию, гунны предприняли осаду Аквилеи – твердыни, привычной к вторжениям завоевателей. Но вскоре аквилейцы убедились, что гунны – отнюдь не полоумные дикари, а прекрасно снаряженная и дисциплинированная армия, искушенная в войсковых маневрах. Стены Аквилеи были окружены множеством таранов, подвижных башен и машин, метавших камни, стрелы и зажигательные снаряды, а король гуннов то прибегал к обещаниям и запугиваниям, то поощрял соперничество и стимулировал личные интересы. Аквилея была в ту пору одним из самых богатых, самых многолюдных и самых укрепленных городов Адриатического побережья.

Три месяца были безуспешно потрачены на осаду Аквилеи, пока недостаток в провианте и ропот армии не принудил Аттилу отказаться от этого предприятия и неохотно сделать распоряжение, чтобы войска собрали свои палатки и начали отступление. Но в то время как он объезжал верхом городские стены, погрузившись в задумчивость и скорбя о постигшей его неудачи, он увидел аиста, готовившегося покинуть вместе со своими детенышами гнездо в одной из башен. С прозорливостью находчивого политика он увидел предзнаменование в этом, казалось бы, ничтожном, суеверном факте и радостно воскликнул, что эта птица, обычно живущая в соседстве с людьми, не покинула бы своего старого убежища, если бы эти башни не были обречены на разрушение и безлюдье. Благоприятный знак внушил уверенность в победе: осада возобновилась с новой силой. Широкая брешь была пробита в той части стены, откуда улетел аист, гунны бросились на приступ с непреодолимой стремительностью, и следующее поколение с трудом могло отыскать развалины Аквилеи.

Орда получила время на мародерство, после чего снова выступила в поход, преисполненная боевым духом, подкрепленным грандиозным триумфом. Уцелевшие же аквилейцы рассказывали о неисчислимом воинстве Аттилы, зловеще и неуклонно подступающем к Риму. Империя, устрашенная неудержимой ратью, впала в ярость, граничащую с паникой.

Войска же Аттилы продолжали опустошительное шествие через Ломбардию, Пьемонт и Лигурию. Победоносный марш продолжался: Манитуя, Верона, Кастильо, Кремона, Брешиа, Бергама, Лоди, Павия, Милан, Комо, Наварра, Трекате, Верчелли, Чильяно, Мортара, Маджента, Виджевана… Кстати, когда Аттила покорил Милан и вошел в императорский дворец, он был поражен и оскорблен при виде картины, на которой Цезари были изображены восседающими на троне, а скифские государи распростертыми у их ног. Аттила среагировал на этот памятник римского тщеславия весьма остроумно. Он приказал одному из живописцев изобразить фигуры и положения в обратном виде: император был представлен на том же самом полотне приближающимся в позе просителя к трону скифского монарха и выкладывающим из мешка золото в уплату дани. Зрители должны знать, что такая перемена вполне обоснованна и уместна.

Любопытно, что Аттила намеренно способствовал основанию Венецианской республики, воскресившей в века феодализма дух коммерческой предприимчивости. Знаменитое название Венеция первоначально означало обширную и плодородную провинцию, простиравшуюся от пределов Паннонии до реки Адды и от берегов реки По до Рецийских и Юлийских Альп. До нашествия варваров пятьдесят венецианских городов процветали в мире и благоденствии, а Аквилея занимала среди них самое выдающееся положение. Древнее величие Падуи поддерживалось земледелием и промышленностью, и собственность пятисот ее граждан, принадлежавших к сословию всадников, доходила, по самым точным расчетам, до 1700 тыс. фунтов стерлингов. Многие семейства из Аквилеи, Падуи и соседних городов, спасаясь от гуннов, нашли хотя и скромное, но безопасное убежище на соседних островах. В глубине залива, где Адриатическое море слабо подражает приливам и отливам океана, около сотни небольших островков отделяются от континента неглубокими водами и охра-

няются от морских волн узкими полосками земли, между которыми есть секретные узкие проходы для кораблей. До середины V в. эта глухая местность оставалась без культуры, без населения и едва ли имела какое-нибудь название. Нравы венецианских изгнанников, их деятельность и форма управления мало-помалу приняли определенную форму, соответствующую новым условиям их существования, а одно из посланий Кассиодора, в котором он описывает их положение почти через семьдесят лет, может считаться первым письменным памятником республики. Министр Теодориха, изъясняясь витиевато, сравнивает их с морскими птицами, свившими свои гнезда на поверхности волн, и хотя он предполагает, что в венецианских провинциях было много знатных семейств, он уточняет, что постепенно они были низведены несчастиями на один общий уровень бедности. Со временем мерилом их достатка стала соль, которую они начали в изобилии добывать в море. Этот столь необходимый человеку продукт на соседних рынках был эквивалентен золоту и серебру. Народ, о жилищах которого трудно было сказать, построены ли они на земле или на воде, вскоре, в соответствии со своими доходами, вновь разделился на бедных и богатых. На двенадцати главных островах ежегодно назначались, путем народного избрания, двенадцать трибунов, или судей. Венецианская республика существовала и в то время, когда Италия находилась под властью готских королей.

Что касается Аттилы, то он сконцентрировал войска к югу от Мантуи у слияния По и Минчио, на широком тракте. Собрать воедино воинство, разбежаться в поисках добычи, оказалось нелегким делом, но это было сделано. И вот, любуясь на свои когорты, Аттила заявил, что не намерен идти дальше. Его военачальники ничего не понимали. Однако это был гениальный ход, который и поныне восхищает стратегов. Согласно плану, войска под началом Онегеза переходят По. Соответственно Аэций, приняв их за авангард армии Аттилы, снимает значительную часть своего оборонительного заслона, дабы отбросить гуннов за реку. Пока войска римлян соберутся дать отпор «авангарду» гуннов, Онегез уйдет дальше к югу. Аэций будет рыскать по берегам реки, выискивая армию Аттилы, а Онегез со своим войском нападет на его тылы, и патриций вынужден будет отражать его нападение, оставив часть легионов как заслон против ожидаемого приближения Аттилы. Силы римлян рассеются. Онегез, обратив в бегство арьергард Аэция, направится к Пизе, откуда по побережью ведет в Рим Аврелианова дорога. Аэций поспешит преградить гуннам путь к столице, тем самым еще больше ослабит свою линию обороны. И тогда Аттила перейдет По, дойдет до Мантуи и Флоренции и оттуда, по Кассиевой дороге, достигнет Рима!

Таков был план покорения сердца Италии – Рима, и в той части, которая зависела от Онегеза, результаты даже превзошли ожидания. Однако – воистину чудеса! – главная часть гениального плана так и не была реализована, потому что его разработчик, Аттила, не стал ее завершать.

Почему же Аттила отказался от своего плана, который его соратники нашли превосходным, и почему, пока Онегез водил за собой Аэция, не форсировал По и не пошел через долину Тибра осаждать Рим?

Наступила вторая половина июня, и стояла удушливая жара. Снова начались болезни. Часть войска была поражена эпидемиями, другая мучилась от последствий излишеств удачной кампании в богатой стране. Кроме того, обозы ломились от награбленного добра и многие жаловались на усталость, которая была тем тяжелей, чем сильнее распирало их желание доставить поскорее добычу домой.

Кругом свирепствовала эпидемия и распространялись слухи, что к югу от По она сильнее, чем на севере, а посему заманчивая мысль о продолжении войны по ту сторону реки По теперь не сулила ничего хорошего. К тому же Аэций расходовал свои силы, гоняясь за тенью Онегеза, и не знал, откуда ждать главного удара. Значит, завтра переправа окажется еще легче, чем сегодня, и враг быстрее сложит оружие. И у Аттилы появилась новая идея: а

нельзя ли вместо наступления создать лишь видимость наступления, посеять такую панику, что страх вынудит Рим капитулировать и в сражении не будет нужды?

Аттила призвал к себе Онегеза. Аэций понял, что производится концентрация сил перед решающим наступлением. Он стал стягивать все свои легионы для защиты Апеннин любой ценой.

В это время в Риме царила паника. Валентиниан III собрал министров и советников, а затем и сенат. Сенат единогласно постановил назначить несколько сенаторов, которые попросят мира за ту цену, которую назначит Аттила. Свое постановление они подкрепили поддержкой народа. Решили, что возглавит посольство папа Лев I, который в истории известен как Лев Великий, а в церкви – Лев Святой. Папой его избрали в 440 г., когда он еще даже не был рукоположен в сан священника. Лев повел войну с основными ересями того времени – манихейством в Италии, которое противопоставляло доброго Бога злому Богу и пыталось соединить христианство и восточное языческое верования, присциллианизмом в Испании, который, признавая в едином абстрактном Боге высшую силу, распределял ее среди целого пантеона божеств, и монофизитством в Константинополе, трактовавшем, что человеческая природа впитала в себя Божественную суть, создав единство природы Мессии.

Вот этот святой человек, семидесятилетний тосканец с длинной седой бородой, возглавил дипломатическую миссию к Аттиле. Посольство добралось до По и недалеко от Мантуанского моста встретилось с Аэцием, который приветствовал их, не скрывая своего удивления. Он решил, что готовится последняя попытка положить конец войне и перейти к мирным переговорам. Послы отбыли к лагерю гуннов без вооруженной охраны, но с папским штандартом и высоким серебряным крестом, который должен был обеспечить им защиту. Со стороны гуннов для встречи миссии был направлен представитель, который разместил их в шатре на отдых. В честь прибытия послов был дан праздничный обед. Блюда подавали изысканные, вина выдержанные. Велась светская беседа, папа рассказывал о Малой Азии, Аттила – о Востоке. Произошло невероятное, но Аттила исполнился восхищения благородным и мудрым старцем, а папа не устоял перед обаянием несокрушимого и даже цивилизованного вождя. По окончании трапезы папа и Аттила условились встретиться на следующий день, с глазу на глаз.

Никогда не будет известно, о чем говорили Лев I и Аттила. Но 6 июля 452 г. Аттила объявил, что стороны пришли к согласию: он начнет вывод войск из Италии 8 июля и выберет тот путь, который его устроит. Император Западной Римской империи выплатит в пятилетний срок разумную дань. Аттила отказывается от дальнейших попыток вторжения в Галлию и Италию при условии, что на него не нападут в другом месте и Рим воздержится от любых подстрекательств, сеющих смуту и подрывающих порядок в его империи. Он ожидает, что Валентиниан призовет Марциана выплачивать дань, обещанную его предшественником, и также не беспокоить императора гуннов. В противном случае он будет считать себя свободным от обязательств, и Константинополь окажется под ударом. С тем послы и уехали.

Спасение Рима было достойно заступничества со стороны небесных сил, и мы должны относиться с некоторой снисходительностью к такому вымыслу, который был изображен кистью Рафаэля и резцом Альгарди. Но историк Приск, как кажется, понял настоящую причину отступления Аттилы: его войска были довольны награбленной добычей и желали укрыть ее в безопасном месте, не подвергая ни ее, ни себя новым опасностям.

Народ Рима ликовал и славил Аэция, хотя на этот раз патриций не сделал ничего выдающегося, напротив, он стоял в стороне от политических решений и не участвовал в переговорах. Но Аэций был на тот момент в чести, и это было для него главное. Летом 452 г. Аттила повернул свое войско на север, не тронув Рим, и вернулся в родной улус, воздержавшись от дальнейших сражений. Исследователи выдвигают ряд предположений оценке военных компаний Аттилы на Запад: он совершил походы в Галлию и Италию лишь для того, чтобы

показать свою силу и оставить там неизгладимую память о себе; он отказался повторить сражение на Каталаунских полях, захватить Рим и продолжить завоевание Италии, потому как был уверен, что уже достаточно показал свое могущество и что позднее Италия и Галлия сдадутся ему без боя; он пощадил Рим и уступил уговорам папы, чтобы придать себе величия и заручиться поддержкой Церкви; он намеренно позволил думать византийскому императору Марциану, будто боится его и не нападет, тогда как собирался в свое время нанести ему смертельный удар и захватить всю Восточную Римскую империю, после чего Западная империя, включая Галлию и Италию, пала бы перед ним на колени; и, наконец, он понимал, что решительный штурм всей Римской империи будет возможен только после восстановления порядка во всей империи гуннов.

Попытки объяснить поступки Аттилы парадоксальностью склада его ума, идущего зачастую наперекор логике, не стоит все же сбрасывать со счетов, хотя некоторые историки, такие, как Эдуард Троплонг и Рашид Атабинен, допускают, что его дипломатический гений основывался на тщательном анализе всех возможных вариантов событий.

Смерть Аттилы. Развал империи

Быть может, с возрастом мировое господство потеряло для Аттилы былую привлекательность, а может, он смирил свою гордыню, добровольно оставив Рим в покое. Тем не менее, несмотря на пошатнувшееся здоровье, Аттила не мог смириться, что это его последняя кампания. С сентября по декабрь 452 г. император со своим войском совершил карательный поход по восстановлению порядка в центральных и восточных областях империи гуннов. С января 453 г. Аттила преступил к подготовке «великого похода» на «римский мир», кампания должна была начаться 20 марта. Одним словом, дел предстояло много. К тому же по возвращении из карательного похода Аттила узнал об измене вождей рипуарских франков, обещавших выступить на стороне гуннов в подготавливаемой кампании и не сдержавших слова. Он жестко наказал предателей и казнил их предводителей. Дочь одного из вождей бросилась в ноги к Аттиле, тщетно вымаливая прощение для своего отца. Девушку звали Ильдико, и была она из весьма почитаемого в своей стране рода. По мнению Приска, девушка являла собою прекрасную Венеру. Аттила сообщил пленнице, что намерен жениться на ней и сделать ее королевой. Негодующая Ильдико ответила решительным отказом. Аттила назначил день свадьбы; в то время «жениху» было пятьдесят восемь лет, «невесте» – шестнадцать.

Бракосочетание отмечалось с большой пышностью, Марсель Брион писал: «Германцы, славяне, азиаты – все вассалы Аттилы съехались на свадебную церемонию. Поляны были забиты кибитками, и приготовления к пиру смешивались с передвижением войск, так как король хотел выступить в поход сразу после завершения торжества… Весь день прошел в увеселениях, а Аттила увлек новую супругу в свадебные покои. Очарованный ее белой кожей и волосами, он разорвал на ней одежды и лег подле нее».

На другой день, ближе к полудню, стражами овладело беспокойство, поскольку из спальни не доносилось ни звука. Выломав двери топором, охрана и сыновья императора ворвались в опочивальню. Аттила был распростерт на своей постели из груды шкур без признаков жизни. В самом дальнем углу комнаты, закутавшись в свои разорванные одежды, съежилась Ильдико. Врачи вынесли свой вердикт: апоплексия с удушьем из-за обилия крови, шедшей из носа и горла. Охрана собралась было расправиться с Ильдико, но вмешались врачи, подтвердившие непричастность женщины к смерти императора.

Так скончался Аттила, сын Мундзука, племянник и наследник Роаса, император гуннов.

Тело Аттилы, великого тюрка, было положено посреди равнины, под шелковым шатром, и избранные эскадроны гуннов совершили вокруг него мерным шагом военные почести, распевая надгробные песни в честь героя, который был славен во время жизни и непобедим даже в смерти, который был отцом для своего народа, бичом для своих врагов. Согласно обычаю, варвары укоротили свои волосы, обезобразили лица порезами и оплакивали своего отважного вождя так, как он того стоил, проливая над его трупом не слезы, а кровь воинов. Останки Аттилы, заключенные в три гроба – золотой, серебряный и железный, – были преданы земле ночью; часть захваченной добычи была положена в могилу, пленники, вырывшие ее, были безжалостно умерщвлены, дабы не позволить установить точное место последнего приюта вождя, и те же самые гунны, которые только что предавались чрезмерной скорби, закончили печальные обряды пиром, на котором предавались необузданному веселью. В Константинополе рассказывали, что в ту ночь, когда Аттила испустил дух, Марциан видел во сне, что лук великого гунна переломился пополам, – вот так будоражил образ грозного тюрка разум римских императоров.

В марте 453 г. меч Марса, прикованный золотым браслетом к запястью правой руки «Бича Божьего», снова скрылся под землей. Закончив погребальные обряды, наследники Аттилы подняли спор о разделе государства, но, безрассудно желая повелевать все вместе, они все вместе потеряли власть.

Переворот, низвергнувший владычество гуннов, упрочил славу Аттилы, который одним своим гением поддерживал это громадное, но неплотно сложенное здание.

Большое количество наследников, как часто бывает, более вредно государству, нежели недостаток в них. Сыновья Аттилы, которые, вследствие его крайней чувственности, составляли почти целый народ, требовали, чтобы подданные были разделены между ними поровну, подобно домашней прислуге.

Империя распадается на нации, из одного тела образуются отдельные члены, и один не чувствует боли другого, но, по отсечении головы, наносят взаимные удары. Смерть Аттилы оказалась переломным моментом в истории Восточной Европы. Когда после похорон сыновья правителя стали спорить за права наследования, король гепидов Ардарих объявил, что считает себя обиженным недостаточным уважением к нему, и поднял восстание. В возникшей войне приняли участие все племена и народы, только что подчинявшиеся Аттиле. Произошла решительная битва на р. Недао (Недава, приток Савы), о которой повествует Иордан: «В ней можно было видеть и гота, сражающегося копьями, и гепида, безумствующего мечом, и руга, переламывающего дротики в его ране, и свева, отважно действующего дубинкой, а гунна – стрелой, и алана с тяжелым, а гепида – с легким оружием».

Кто был за кого? Из текста Иордана это неясно. Известно, что остготы были на стороне гепидов, а поэтому можно думать, что там же были и аланы. А вот руги и свевы? Видимо, они были за гуннов, потому что позже, в 469 г., они бьются против готов на реке Болии. А поскольку Одоакр, сын одного из ближайших министров Аттилы, покорил часть ругов, то надо полагать, что герулы, на которых он опирался, были врагами ругов и, следовательно, друзьями гепидов. Иордану все эти отношения были, конечно, ясны. В этой битве погибли любимый сын Аттилы – Эллак и 30 тыс. гуннов и их союзников. Уцелевших гуннов братья, Эллака Денгизих и Эрнак, увели на восток, на старые земли готов, в низовья Днепра. Остготы заняли опустевшую Паннонию, а руги ушли в Норик (кроме тех, которые нашли приют в Византии).

Гунны продолжали войну против готов, но тут их настигла вторая беда, на этот раз с востока. «В 463 г. к ромеям (византийцам) пришло посольство от сарагур, урогов и оногур и рассказало, что они покинули свою страну, будучи изгнаны савирами, а те, в свою очередь, были прогнаны аварами, бежавшими от некоего народа, обитавшего на берегах океана. Послы также сообщили, что сарагуры покорили акацир… и желают вместо них быть союзниками империи». Ныне названия перечисленных здесь народов расшифрованы. Сарагуры, оногуры и уроги – угры, предки древних булгар; савиры – этнос самодийской группы, населявшей окраину сибирской тайги; абары – джунгарское племя. Разгромив акациров, булгары уничтожили гуннский тыл, а савиры продвинулись по лесостепной полосе до Десны и остановили движение антов на восток. Анты же были союзниками гуннов.

Чем объяснить такую странную и внезапную подвижку племен, явно обусловленную событиями на юго-востоке? И почему эта война стала возможной? Ведь 200 лет сибирские народы не испытывали никаких неприятностей от южных соседей, так как между ними лежала пустыня. Они начали смещаться к югу и заселять уже не северную тайгу, а ее южную окраину. Сухая степь зазеленела и стала легкопроходимой. Тогда-то события, происходившие в Центральной Азии, и отозвались эхом, достигшим Восточной Европы.

После булгарского удара в спину – разгрома акациров – положение гуннов стало безнадежным. Но гунны сохранили древнюю тюркскую доблесть и упорство. Тем временем Денгизих продолжал войну с готами. Его поддержали три гуннских племени (ултзинзуры, бит-

тогуры, бардоры) и одно германское, враждебное готам, – ангискиры. На его стороне были и садаги, гуннское племя, оставшееся в Паннонии после битвы при Недао. Готы напали на садагов в 60-х гг. V в., но Денгизих совершил поход на город Басиану в Южной Паннонии. Готы были вынуждены оставить садагов в покое и бросить свои войска на гуннов. Те же, выполнив боевую задачу, отошли в степи Приднепровья.

После удачной диверсии, связавшей руки готам – врагам не только гуннов, но и Византии, – Денгизих попытался в 468 г. наладить союз и торговлю с константинопольским двором, но получил отказ. Вместо контакта возник конфликт. Но почему? Потому что готы были одновременно проклятием и опорой поздней Римской империи. Они 90 лет (378–468 гг.) грабили население Италии и Балканского полуострова, так что древние этносы (македонцы, фракийцы, многие эллины, часть иллирийцев) просто исчезли с этнографической карты. Но вместе с тем готские наемники были наиболее боеспособной частью императорской гвардии. Будучи арианами, они охотно подавляли народные движения в городах, где после Халкидонского собора 451 г. православные и монофизитские монахи придавали народным волнениям неслыханный размах. И за все расплачивалось сельское население, отдаваемое правительством империи в жертву воинственным варварам.

На западе свев Рицимир, на востоке алан Аспар, командуя германскими гвардейцами, готовили Рим и Константинополь для сдачи варварам. Рицимир умер от заразы, оставив Италию беззащитной, ибо ее население начисто потеряло древнюю доблесть. Но восток устоял, хотя готские гвардейцы держали в своих руках столицу и заставили Льва I выплачивать ежегодную стипендию не только себе, но и своим паннонским сородичам. В 469 г. арианин Аспар разбил естественного союзника Византии Денгизиха и отправил его голову в Константинополь.

Официальная версия событий гласила, что гунны совершили набег на Византию, но были окружены: с запада им грозили готы, с востока – булгары, с севера – савиры. Могли ли они начать новую войну? А вот Аспару гибель гуннов была выгодна, за это можно было получить благодарность от готов. Поэтому и было объявлено, что гунны «прорвались» через Дунай. Но когда в 471 г. Аспар был убит и гвардейцы его перебиты савирскими войсками, находившимися под командованием будущего императора Зинона, выяснилось, что гунны переходят Дунай вовсе не для войны.

Может быть, грядет новая эпопея? Степные народы в период упадка всегда стремятся возродить прошлое. Однако, как это случилось с хуннами в Азии, гунны просят римлян взять их под свой протекторат и создают федерации на захваченных землях в Месии и Добрудже.

В этой связи следует остановиться на следующих исторических фактах.

Один из ближайших советников и военачальников Аттилы Орест (в прошлом римский командир) возвращается в Италию, назначается начальником городского ополчения при западном императоре Юлии Непоте, заставляет того отречься от престола и провозглашает императором своего сына Ромула Августула. Итак, сын одного из полководцев Аттилы становится римским императором (476 г.)! Но ненадолго: в том же 476 г. Одоакр низлагает Ромула Августула – последнего императора Западной Римской империи – и принимает помимо прочих титул короля Италии. С его согласия гунны занимают в Италии обширные земли.

Последним известным потомком Аттилы является его внук Мунд, который стал полководцем императора Восточной Римской империи Юстиниана и был убит гунном в 560 г.

Что касается Западной Римской империи, то катаклизмы, происходившие в Гуннской империи после смерти Аттилы, казалось бы способствовали ее безопасности. Однако царствовавший Валентиниан, достигший уже тридцатичетырехлетнего возраста, но все еще не приобретший политической прозорливости, использовал это непрочное спокойствие для того, чтобы физически уничтожить патриция Аэция, не задумываясь, что тем самым он ощу-

тимо пошатнет основы своего собственного могущества. Он ненавидел человека, которого народ превозносил за то, что он умел сдерживать варваров и был опорой республики.

Слава Аэция, его богатство и высокое положение, многочисленная и воинственная свита приверженцев, влиятельные друзья, занимавшие высшие государственные должности, и надежды на будущее сына Гауденция, помолвленного с дочерью императора Евдокией, – все это возвышало его над подданными. Честолюбивые замыслы, в которых его втайне обвиняли, будоражили у Валентиниана и опасения и досаду. Сам Аэций, полагался на свои личные достоинства, заслуги и, быть может, на свою честность, вел себя достаточно высокомерно, без надлежащей сдержанности: патриций унизил Валентиниана, публично выразив неодобрение его политики, усугубив ситуацию, настояв на подкреплении торжественной клятвой императора договора о перемирии и всем своим поведением не выказав особого почтения к правителю. Их отношения не замедлили разрешиться. Не позаботясь о личной охране, Аэций отправился в римский дворец, и когда он, быть может с чрезмерной горячностью, настаивал на скорейшем бракосочетании своего сына с дочерью императора, Валентиниан обнажил меч и вонзил его в грудь полководца. Царедворцы же и евнухи, стараясь превзойти друг друга в демонстрации преданности императору, вонзили множество раз свои кинжалы в уже бездыханное тело Аэция. Затем началась жестокая расправа со сторонниками Аэция. По окончании этих кровавых действ Валентиниан выступил перед народом и солдатами, сообщив им о справедливости и своевременности свершенного «правосудия», полагая, что тем самым заручился поддержкой своих подданных. Однако все это еще больше отвратило народ от императора. И даже один из царедворцев позволил себе заметить Валентиниану: «Мне неизвестно, Ваше Величество, какие соображения или обиды заставили Вас так поступить, я знаю только то, что Вы поступили точно так же, как тот человек, который своей левою рукой отрезал себе правую руку». Оставшиеся в живых сторонники Аэция скорбили и жаждали мщения.

Царствовавшая в Риме роскошь была притягательна для Валентиниана, и это способствовало его продолжительным и частым пребываниям в столице. Республиканский дух оживал в сенаторах по мере того, как их влияние и даже их денежная помощь становились необходимыми для поддержания слабой правительственной власти. Подчеркнутое высокомерие, с которым держался император, было унизительным для сенаторов, а удовольствия, которым предавался Валентиниан, нарушали спокойствие и оскорбляли честь знатных семей.

Валентиниан, не веривший ни в дружбу, ни в преданность, так как сам был не способен на это, имел неосторожность принять в число своих телохранителей нескольких слуг и приверженцев Аэция. Двое из них, по происхождению варвары, жаждали исполнить свой священный долг, лишив жизни того, кто убил их полководца, и их неустрашимое мужество не долго ожидало благоприятной минуты. В то время как Валентиниан развлекался на Марсовом поле зрелищем военных игр, они внезапно устремились на него с обнаженными мечами и вонзили их прямо в сердце императора, причем без всякого сопротивления его многочисленной свиты, по-видимому возрадовавшейся смерти тирана. Таков был конец Валентиниана III, последнего римского императора из дома Феодосия. Он отличался точно таким же наследственным слабоумием, как его двоюродный брат и двое дядей, но он не унаследовал кротости, душевной чистоты и невинности, которые компенсировали им отсутствие ума и дарований. Валентиниан не имел таких же прав на снисходительность, поскольку при своих пагубных страстях он не обладал никакими добродетелями; даже его религия сомнительна, и хотя он никогда не вовлекался в заблуждения еретиков, он оскорблял благочестивых христиан своим увлечением магией и ворожбой.

Еще во времена Цицерона и Варрона римские авгуры держались того мнения, что двенадцать коршунов, которых видел Ромул, обозначали двенадцать столетий, по истечении

которых закончит свое существование основанный им город. Это предсказание, быть может, внушало народу самые мрачные опасения, когда ознаменовавшееся позором и бедствиями двенадцатое столетие приближалось к концу, и даже потомки не без некоторого удивления сознавали, что произвольное истолкование случайного или вымышленного факта вполне оправдывалось падением Западной Римской империи. Но это падение предвещали более верные предзнаменования, чем полет коршунов. Римское правительство становилось с каждым днем все менее страшным для своих врагов и все более ненавистным и притесняющим для своих подданных. Подати увеличивались вместе с общей нищетой; бережливостью пренебрегали по мере того, как она становится более необходимой, власть имущие переложили на народ несоразмерное бремя налогов и обратили в свою пользу все те сложения недоимок, которые могли хоть как-то облегчить народную нужду. Жесткие расследования, заканчивающиеся конфискацией имущества и сопровождающиеся пытками обвиняемых, вынуждали подданных Валентиниана укрываться в лесах и горах и даже бежать к варварам.

Если бы все варварские завоеватели могли быть стерты с лица земли в одно мгновение, то и совершенное их истребление не восстановило бы Западной Римской империи, а если бы Рим и пережил это событие, он пережил бы вместе с тем утрату свободы, мужества и чести.

Наследство, оставленное Аттилой, было губительным для его сыновей и близких. Заслуга Аттилы перед своим народом в том, что он отдалил гибель гуннов на 20 лет, а среди европейцев оставил о себе память едва ли не мифическую.

В V в. войны велись за власть, за господство, за обладание сокровищами. Не было геноцида – грандиозного достижения западноевропейской цивилизации. Великое же переселение народов, начавшееся до вторжения гуннов, продолжалось.

То, что имя гуннов стало синонимом жестоких убийств, очередной миф, созданный древними авторами в угоду готским вождям, фактически контролировавшим Испанию, Галлию, Рим, Константинополь.

Потомки гуннов вошли в состав булгар и антов (славян), поволжских угров, что породило этнос чувашей и прикавказских аланов; не менее вероятно, что отдельные гунны могли найти приют у тюрингов и даже франков.

Таким образом, потомки гуннов уцелели в достаточном числе, но этническая система распалась, поскольку оборвались связи и традиции.

Около восьми десятилетий, с 375 по 453 г., из них девятнадцать лет под предводительством Аттилы, гунны ввергали Европу в ужас.

Аттила был единственным королем гуннов, которому удалось объединить под собственным верховным господством отдельные гуннские и многие другие покоренные им варварские племена и поставить их на службу своим политическим целям. Во внешней политике он демонстрировал удивительную прозорливость и осмотрительность, умело сочетая силу и хитрость. Проведенные им военные кампании обнаруживают в нем великий талант стратега. Современные Аттиле греки и римляне видели в нем в высшей мере опасного врага, христиане презирали его как нехристя, который, на их взгляд, концентрировал в себе варварство неизмеримо больше, чем какой-нибудь вестгот или вандал. Готы и вандалы долгое время поддерживали тесные отношения с римским миром, тогда как между гуннами и римлянами не наблюдалось никакого сближения. Гунны оказались для народов Европы одним из самых тяжких испытаний в ту, столь обильную страшными бедствиями эпоху.

Великий человек, сколь бы велик он ни был, всего лишь представитель своего этноса, своего окружения, своего времени. Исторические катастрофы приводят к переоценке реальных средств, которыми он мог в действительности располагать. Аттила был тюрком-кочевником, урожденным вождем воинственных захватчиков. Его ум, энергия, пороки, слабости определяли его действия, которые, возможно, могли быть и другими, но если бы они были другими, мир был бы иной.

Конец Аттилы был и концом Западной Римской империи. Вождь гуннов нанес последний смертельный удар этой великой империи, безнадежно пытавшейся сохранить свое призрачное единство. Теперь Галлия готова была начать разматывать путеводную нить клубка собственной судьбы. Зато отказ Аттилы от взятия Константинополя и его смерть перед началом задуманного завоевания всех римских земель, ставшего его последней мечтой, отдалили конец Восточной Римской империи еще на тысячу лет. В обоих случаях Аттила решающим образом повлиял на ход мировой истории.

Глава 3
Великий Тюркский каганат. Уйгурский каганат

Тюркоязычные народы и федерации в V–VII вв

Великое переселение народов в III–V вв. привело к глобальным переменам в полосе цивилизаций между Рейном и рекой Хуанхэ.

В самых восточных районах Монголии, по соседству с маньчжурскими протомонголами, в тесном контакте с ними обитали племена тюркских народов, самые известные из которых – изгили, байырку, татары и огузы. К этому времени рядом с ними уже появились кидани, протомонголы, которым предстояло сыграть важную роль. Два первых упомянутых народа не представляют особого для нас интереса: место обитания изгилей точно не известно, а байырку жили в верхнем течении Керулена. Зато двух других ожидало блестящее будущее.

Татары составляли федерацию, насчитывающую не менее тридцати племен – отузтатар (тридцать татар); была другая, меньшая федерация из девяти племен – тогузтатар (девять татар), хотя она могла быть частью первой. Их территория простиралась между Керуленом и озером Байкал, причем никак не дальше его юго-восточной оконечности. Согласно некоторым гипотезам, древние монголы тюркизировались позже. Во всяком случае, упомянутые племена всегда жили в тесном контакте с монголами, вплоть до эпохи Чингисхана (XIII в.), когда их имя прогремело на весь мир, правда, их ошибочно называли татарами, или «тартарами» – результат путаницы и произвольного соединения названия античной мифической реки и тюркского слова. Они были почти неизвестны в древности, зато часто упоминаются начиная с X в., когда стало модным описывать их воинственность и дикость. В XI в., либо в результате их очень быстрого переселения, либо в силу ошибки, Махмуд аль-Кашгари поселил их в стране Отюкен, но в XIII в. они вновь фигурируют в верховьях Керулена.

Что касается тогуз-огузов (девяти огузов), они могли составлять огромную тюркоязычную совокупность, которая занимала территорию, простиравшуюся далеко на запад, и частью которой могли быть будущие тюрки, ту-кю, как называли их китайцы. В эту совокупность также могли входить байырку и уйгуры, причем последние, возможно, имели над первыми определенное превосходство. Согласно текстам начала VIII в. сфера деятельности тогуз-огузов находилась к югу и юго-востоку от Байкала.

В северной Монголии и на юге Сибири до того, как ту-кю обосновались в стране Отюкен, где до них жили хунны и жужани, кочевали куриканы, кыргызы, тардуши и уйгуры. Две первые группы локализовать несложно. Куриканы жили к западу от Байкала, где ныне находится Иркутск, и, возможно, входили в уйгурскую конфедерацию. Кыргызы занимали верховье сибирского Енисея, т. е. районы Минусинска и Абакана. Иногда их земли расширяют до устья Енисея, до нынешней Тувы, но найденные там древние надписи указывают на довольно существенные различия по сравнению с кыргызскими надписями, так что можно сказать, что речь идет о другом, неизвестном племени.

Как было сказано, кыргызы – один из самых древних тюркских народов, однако у них нет антропологических признаков, присущих так называемой тюркской расе. Как правило, их считают тюркизированными индоевропейцами. Китайцы описывают их как людей крупных и светловолосых, а араб Гардизи в XI в. приводит легенду, согласно которой кыргызы имеют славянское происхождение, и добавляет, что они сохранили свой прежний внешний облик, а именно – рыжие волосы и светлую кожу.

Само название – кыргызы, как и многие слова их языка, чисто тюркское. Название этого народа можно объяснить корнем «кырк» (сорок) и четко выраженным суффиксом «ыз» – эки (два), «икиз» (близнецы).

Второй этимологический вариант – кырк (сорок) и кыз (девушка), т. е. сорок девушек, – связан с кыргызским мифом, который гласит, что они произошли от сорока девственниц, вступивших в связь с диким хищником. Очевидно, кыргызы были объединены в федерацию из сорока членов, точно так же по числу членов именовали свои объединения татары и огузы. Они оставили интересную эпиграфию, согласно которой в VIII в. кыргызы предприняли попытку подчинить себе Центральную Азию, но в X в. им пришлось отступить на свои исходные земли, где оставались до XVIII в. (см. далее «Кыргызы»). Это редкий пример географического постоянства в истории Центральной Азии. Впрочем, некоторые из них могли мигрировать, этот факт объясняет, почему западные тюрки подарили кыргызскую рабыню византийскому послу Земарку; однако девушка-кыргызка могла оказаться там в результате не только миграции, но и войны.

Что касается тардушей, которые пасли свои стада южнее кыргызов, между Алтайскими горами и озером Байкал, они до сих пор остаются загадкой. Возможно, слово тардуши в VII в. и даже в V в. означало «западные тюрки».

Уйгуры, группа из десяти союзных племен (он-уйгур), судя по текстам VIII в., жили к югу от Байкала, хотя, если говорить точнее, они могли жить севернее гор Отюкен до самых границ, разделяющих сегодня Сибирь и Монголию.

Присутствие тюркских народов в южных районах Гоби, т. е. на территории Китая, уже не является серьезным утверждением, тем более что тюркские надписи, обнаруженные в Монголии, указывают на то, что южнее жили только китайцы и тибетцы.

Монгольский и сибирский Алтай, несомненно, был колыбелью тюркских народов, среди которых в эпоху жужаньского владычества фигурировали и племена, называемые китайцами ту-кю, они – первые тюрки, носившие это имя.

На востоке, до самых берегов озера Балхаш, жили «снежные люди», карлуки и теле; именно они заключили союз с арабами, чтобы одержать победу над китайцами в решающей битве на р. Талас, о чем речь будет идти позже. Этот народ был такой же загадочный, как и тардуши, и, скорее всего, во всяком случае в эпоху уйгурского владычества, представлял собой западный фланг империи.

Южнее Алтая кочевали «племена пустыни», которых китайцы называли «шато», не зная, к какому тюркскому имени относится это слово. Они были последними тюрками, которые самостоятельно вторглись в Китай и образовали последнее тюркское царство. По соседству с ними обитали басмилы, чье название является вариантом глагольной формы «басмиш» (те, которые наступают); они занимали юго-восточные земли Джунгарии. Их наступление, возможно, было направлено на Тарим, но вопреки некоторым утверждениям, они вряд ли вторгались туда, и будущий Синьцзян оставался территорией, вмещающей в себя несколько царств индосасанидской культуры и буддийской религии.

Наконец, к югу от Балхаша жили тюргеши, несомненно, родственники ту-кю (собственно говоря, тюрки, если судить по суффиксу «еш», что значит «спутник»). Впрочем, в тюркских текстах не чувствуется большой разницы между словами «тюргеш» и «он-ок» (десять стрел). Он-ок – это десять западных племен, входивших в федерацию ту-кю. Можно сказать, что речь идет об одном из этих племен, подчинивших себе остальные. Они были хорошо известны китайцам и делились на «черные» и «желтые» племена. До 711 г. они составляли доминирующую группу, затем, в период 716–766 гг., когда их территорию заняли карлуки, они снова были правящей группой.

Нет оснований сомневаться в том, что страна между озером Балхаш и Аральским морем оставалась заселенной, по крайней мере частично, потомками хуннов и тинь-линей.

Что касается территории между Каспием и северным побережьем Черного моря, она была предметом вожделения тюркских племен, которые не поддаются идентификации, и гуннских орд, которые вторглись туда после смерти Аттилы и поражения его сына в войне против Византии. При этом на арену вышли булгары, венгры и хазары.

Совершенно очевидно, что динамичный тюркский мир простирался почти сплошной длинной, но относительно узкой полосой от Маньчжурии до Византии (примерно между 45-й и 55-й параллелями). Эта полоса зажата между лесами Северного полушария и высокими горами, территорией развитой Южной цивилизации.

Образование Великого Тюркского каганата. Завоевательные походы

Для азиатских народов знание родословной было издавна весьма характерным.

К примеру, тибетцы считали своими предками самца обезьяны и самку ракшаса (лесного духа), монголы – волка и лань, телесцы – тоже волка и дочь хуннского шаньюя, а тюрки – хуннского царевича и волчицу.

Говоря о появлении на исторической арене древних тюрок, следует остановиться на происхождении их правящего клана – рода Ашина.

Итак, среди племен, побежденных тобасцами при покорении ими Северного Китая, находилось «пятьсот семейств Ашина». Эти «пятьсот семейств» возникли из смешения разных родов, обитавших в западной части Шэньси, отвоеванной в IV в. у китайцев хуннами и сяньби. Ашина подчинялись хуннскому князю Мутаню, владевшему Хэси (область к западу от Ордоса, между излучиной Хуанхэ и Наньшанем). Когда в 439 г. тобасцы победили хуннов и присоединили Хэси к империи Вэй, то Ашина с пятьюстами семействами бежал к жужаням и, поселившись по южную сторону Алтайских гор, добывал железо для жужаней.

Слово «Ашина» означало «волк», «А» – префикс уважения в китайском языке. Следовательно, «Ашина» – «благородный волк».

По-видимому, Ашина был вождем небольшой дружины, состоявшей из удальцов. Имя Ашина сохранилось как имя династии.

Китайцы называли подданных ханов Ашина – ту-кю. Это слово удачно расшифровано историками как «тюрк+ют», т. е. «тюрки», но с суффиксом множественного числа не тюркским, а монгольским. В древнетюркском языке все политические термины оформлялись монгольским множественным числом. Это дает основание полагать, что они привнесены в тюркскую языковую среду извне.

Само слово «тюрк» значит «сильный, крепкий». Согласно мнению большинства ученых, «тюрк» – собирательное имя, которое впоследствии превратилось в этническое наименование племенного объединения.

Таким образом, древние тюрки сложились в V в. из небольшого народа, населявшего отроги Монгольского Алтая и орды Ашина, пришедшей из Ганьсу в 439 г. Создавшийся таким образом народ получил название «тюрки».

Род Ашина до середины VI в. был подданным жужаней.

В 545–547 гг. союзом племен ту-кю (тюркютов) во главе с Бумыном было положено начало Великому Тюркскому каганату.

Как же возникла степная империя? По этому вопросу обратимся к труду О. Трицака: «Когда в степи появлялся талантливый организатор, то он собирал вокруг себя толпу сильных и преданных людей, чтобы подчинить с их помощью свой род, а потом племя и, наконец, тот племенной союз, о коем идет речь. Потом он предпринимал со своими людьми разбойничьи походы. Если они протекали успешно, то следствием их было присоединение соседних племен. Следующей задачей было, с одной стороны, уничтожение господствующих родов племенных федераций, с другой, – размещение гарнизонов в степных укреплениях.

Обладание священными местами в степи давало основателю новой федерации благодать (харизму), которая придавала его империи силу законности. Так как только принадлежащие к господствующему роду могли рассматриваться как господа, то созываемый на священном месте вблизи от укрепления курултай, в котором принимали участие старейшины племен, вошедших в эту федерацию, выбирал кандидата в степные цари. Кроме титула правителя, устанавливалось название для нового государства и федерации».

Естественно, можно поспорить с некоторыми положениями историка, но, как очевидно, именно эпоха Великого каганата дала ему основание для построения этой концепции.

Великий Тюркский каганат – первое крупное государство, объединившее народы, проживавшие на огромной территории от Днепра на западе до Амура на востоке и от Енисея на севере до предгорий Тибета на юге.

Великий Тюркский каганат прочно объединял кочевую степь и очаги земледельческой оазисной цивилизации – города Центральной Азии.

Теперь остановимся на процессе объединения более подробно.

Итак, уже в 545 г. Бумын установил дипломатические отношения с Китаем. Тем не менее тюркюты продолжали плавить железо для жужаней.

Но в 546 г. Бумын разбил и присоединил к своему айману 50 тыс. кибиток уйгуров, воевавших тогда против его сюзерена, жужаньского хана Анахуаня. Успех окрылил его надеждой, и он обратился к хану Анахуаню с просьбой отдать ему в жены царевну. Оскорбительный ответ последнего послужил поводом к войне. К тому же в указанном году Бумын получил поддержку от телеутов – 50 тыс. конников. Все это дало возможность для формирования профессиональной армии.

В 551 г. Бумын женился на китайской принцессе. Тот же год был знаменателен тем, что Бумын получил титул кагана (хана), объединил тюркские народы в одно государство и в 551–555 гг. нанес сокрушительный удар по Жужаньскому царству. Таким образом закончилась зависимость тюркютов от жужаней.

В 553 г. на трон взошел его сын Муганькаган (553–572 гг.), который превратил Тюркское объединение в каганат. Появление тюркской централизованной державы, охватывавшей всю азиатскую степь, оказалось для Китая, Византии и Ирана фактором неожиданности и огромного значения для дипломатии.

Восточная политика сасанидского Ирана была гибкой и прозорливой: в столицу каганата прибыло персидское посольство, установившее союз, скрепленный браком шаха и дочери Истеми-хана. Согласно китайским источникам, вместе с десятью влиятельными вождями он-ок (десять стрел) Истеми сопровождал своего брата Бумына в поход на Джунгарию, затем, когда брат умер в год своей победы, он получил титул «ябгу» (можно перевести как вице-император), охранял западные земли империи по поручению своего племянника, сына Бумына Мугань-кагана, который сделал своей резиденцией «священную страну Отюкен» на берегах Орхона и Селенги в Верхней Монголии, представляя огромную угрозу Китаю.

Для закрепления договора с Ираном к персам было направлено тюркское посольство. Их путь лежал через Центральную Азию, в ту пору завоеванную эфталитами. Эфталиты разграбили караван, а послов предали смерти. С требованием немедленной выдачи убийц к царю эфталитов обратился Мугань-каган, но получил резкий отказ. Война с эфгалитами стала неизбежной.

В 560 г. Истеми-хан выступил в поход в Центральную Азию. Решающая битва между объединенными персидскими и тюркскими войсками против армии эфталитов произошла в 565 г. в горах у Несефа и завершилась полным разгромом последних. Победители же поделили их земли: персам досталась Бактрия, тюрки вступили в Согдиану, страну древней иранской цивилизации, где заложили основы будущей тюркизации. Тот факт, что она осуществлялась медленно и сопровождалась метисацией, т. е. смешением населения, не меняет ее разрушительной сути: Иран окончательно потерял одну из своих главных провинций, а индоевропеизм вновь откатился назад, однако родился Туран, который позже назовут Туркестан. Так Центральная Азия стала неотъемлемой частью каганата. Вскоре к тюркютам примкнули остатки хазар, булгары-утургуты (на Северном Кавказе), кидани (в Маньчжурии) и

согдийцы. Тюркюты дошли до Волги, но не перешли ее, ограничившись подчинением народов, населявших приуральские степи.

Времена изменились. На сцену великих цивилизаций вышли тюрки.

С тех пор тюрки и персы имели общую протяженную границу: Туран, Иран – уже начертан план «Книги Царей» и великой эпопеи Фирдоуси.

Каганат достиг не только политического, но и экономического могущества. По сути дела, каганат стал колониальной империей, как Рим в эпоху принципата, или как Англия и Франция в XVIII—XIX вв. Каганат был не только обширнее, но и экономически сильнее государства Хунну, ибо он взял контроль над «дорогой шелка» – караванным путем, по которому китайский шелк уходил в Европу в обмен на европейское золото.

Шелк тюркюты получали из раздробленного Китая, где два царства – Бэй-Чжоу и Бэй-Ид – охотно платили за военную помощь и даже за нейтралитет. Тюркютский хан говорил: «Только бы на юге два мальчика были покорны нам, тогда не нужно бояться бедности» (два мальчика – Чжоу и Ци).

В VI в. шелк был валютой и ценился в Византии наравне с золотом и драгоценными камнями. За шелк Византия получала и союзников, пусть подкупленных, и наемников, и рабов, и любые товары. Она готова была покупать сколько угодно шелка, но торговый путь шел через Иран, который жил за счет таможенных пошлин с караванов и потому вынужден был их пропускать, при этом строго ограничивая, ибо при получении лишнего шелка Византия наращивала военный потенциал, направленный против Ирана.

Вскоре после 565 г. Истеми направляет сасанидскому царю посольство, состоящее из согдийцев, под руководством некоего Маниаха. Затем, в 567 г., он расширяет область своих связей с Византией.

Первая война между Ираном и Тюркском каганатом в 568 г. явилась следствием посольства Маниаха, который сумел убедить Истемикагана изменить персидскую ориентацию на византийскую. И не последнюю роль здесь сыграл факт ограничения прохождения караванов с шелком через Иран.

Истеми-каган решил с помощью оружия сделать Иран более сговорчивым: его войска перешли Амударью и в Джурджане захватили торговые города, принадлежащие персам. Но линии пограничных укреплений, воздвигнутых персами еще в V в. против эфталитов, не смогли пройти и в 569 г. вернулись в Согдиану, зная, что Византия вот-вот начнет войну в Месопотамии и отвлечет персидские войска. Тем временем другая часть войск Истемихана вступила на территорию Северного Кавказа, стремясь проложить новый караванный путь вокруг Каспийского моря через Кавказ.

Мир с Ираном был заключен в 571 г.

В 572 г. умер Мугань-каган. На похороны приехали послы всех соседних государств. Византийская империя послала специальную делегацию. На курултае, созванном после похорон, присутствовали представители всех тюркских племен, входящих в состав Великого Тюркского каганата, и на престол был посажен Арслан-хан с титулом Тобо-каган.

Тюркский каганат быстро расширялся, особенно на западе, в его состав входили новые тюркские племена со своими территориями. Каганат, для облегчения правления, разбили на восемь улусов: Тобо-каган отдал восточное крыло улуса в управление своему племяннику Шету, западное крыло – своему брату, у которого был сын Бурихан.

Тем временем Истеми-хан, закончив организацию государственного аппарата, начал войну с аварами.

Авары, бежавшие из Центральной Азии в Причерноморье, за короткое время создали крепкое тюркское государство. Чтобы противостоять Великому Тюркскому каганату, авары заключили мир с Византией. Война между каганатом и Аварским государством была долгой и кровопролитной. Одержав победу над аварами, тюрки в 576 г. дошли до Босфора и

вышли к границам Византийской империи. У Менандра мы находим обращение Истеми-хана к послу византийского императора Валентиниана: «Не те ли вы римляне, которые говорят на десяти языках и на всех одинаково обманывают! Мы, тюрки, не знаем ни лжи, ни обмана, и знайте, что я найду случай отомстить вашему государю, который, уверяя меня в своей дружбе, покровительствует аварам, беглым рабам нашим».

В 576 г. умер Истеми-хан. Командование армией и верховной властью на западе Тобо-каган поручил его сыну Кара-Чурин Тюрку с титулом Тардуш-хан (576–603 гг.). Он стал первым лицом после кагана.

Начиная с 576 по 583 гг. тюрки вели войну с Византией и аварами. Война шла на Черноморском побережье, в Крыму и на Кавказе. Тюрки завладели северо-восточными берегами Черного моря и прорвались в Крым, но потерпели поражение и отступили, оставив Крым.

Что касается восточных дел, то Каганат заключил мирный договор с империей Бэй-Чжоу, которая ежегодно выплачивала 100 тыс. кусков шелковых тканей, за что тюрки помогали ей совершать походы в глубь территории Бэй-Ци.

В 576 г. началась война между двумя китайскими империями – Бэй-Чжоу и Бэй-Ци. Чжоусцы победили. Но объединение Северного Китая не входило в планы Тобо-кагана, поэтому он приютил царевича Ци у себя и объявил его законным императором Бэй-Ци. В 578 г. Тобо-каган вторгся в Китай и наголову разбил чжоускую армию. Однако китайцы пошли на хитрость, предложив Тобо-кагану в жены китайскую принцессу и большое приданое в обмен на императора Ци. Тобо-каган дал согласие, и это подорвало его авторитет среди высшего сословия и народа. Кроме того, Тобо-каган принял буддийскую веру и покровительствовал буддийским миссионерам, но это учение тюрками не воспринималось, лишь усиливало противостояние народа и религиозных деятелей. В 581 г. Тобо-каган неожиданно умер, а в Китае Чжоуская династия была свергнута генералом Ян Цзяном – основателем династии Суй. А в Великом Тюркском каганате медленно назревал конфликт. Следует отметить, что до этого периода внутри Тюркской державы не было распрей.

Итак, движение тюрок на запад было не просто завоеванием, а крупной миграцией тюркоязычных народов и заселением ими обширных территорий.

Под энергичным командованием Истеми-кагана и его выдающегося сына Кара-Чурин Тюрка на западе тюрки добились больших успехов, и в первую очередь успехов дипломатических. Истеми-хан принял язык иранских сасанидов, возобновив, таким образом, союз кочевников с оседлыми племенами, союз противоестественный и очень опасный, наподобие того, что римляне заключали с германцами, затем с Аттилой, а также того, что Китай и Византия позже так часто заключали с варварами: он упрочил связи для борьбы против эфталитов.

Хосров I, Царь царей, самый великий из династии Сасанидов, взял в жены тюркскую принцессу, которая родила ему сына, Хормизада IV, названного при короновании Тюркзаде – Сын Тюрка. Это был факт исключительной важности, если не для того времени, то для будущего; он призвал в свою армию тюркских наемников, несомненно, христианского вероисповедания, но все-таки тюрков.

Его политику будет продолжать мусульманский Иран, затем Византия, Арабский халифат Аббасидов, Египет, позже эти страны окажутся под властью тюрков, т. е. утратят свою независимость и самобытность.

При Хосрове I Иран был так могуч, что тюрки не шли на решительную агрессию.

Дипломатические связи тюрков на западе (благодаря которым мы имеем ценные источники – византийские заметки о западных тюрках) сделали возможным протекторат, который Истеми и Кара-Чурин установили над жителями равнин Юго-Восточной Европы: об этом впервые заговорили в 569 г., затем в 576 г. Все сказанное свидетельствует о размахе тюркской дипломатии. Связи подпитывались амбициями тюрков и византийцев. Последние

в течение долгого периода, начиная с римской эпохи, вели бесконечную войну против иранцев, борьбу, которая истощила обе стороны и сделала их беззащитными к тому моменту, когда арабы вышли из своих пустынь. Новая ситуация, обусловленная появлением тюрков далеко на западе, сделала их потенциальными союзниками.

Итак, Кара-Чурин в 567 г., после смерти Истеми-кагана, унаследовал верховную власть на западе и титул Тардуш-хана и был самым сильным из князей, несмотря на то что занимал по иерархии лествичной системы подчиненное положение. Остановимся на этой социальной системе подробнее.

Чтобы держать в покорности такую огромную страну, как Великий Тюркский каганат, надо было создать жесткую социальную систему. Тюркюты ее создали и назвали «эль». В центре этой социально-политической системы была орда – ставка хана с воинами, их женами, детьми и слугами. Вельможи имели каждый свою орду с офицерами и солдатами. Все вместе они составляли этнос «кара будун» – «тюркские беки и народ», почти как в Риме: «сенат и народ римский». По сути, орда – это было упорядоченное войско с правым (восточным) и левым (западным) крылом. Восточные назывались «толос», а западные – «тардуш». Все вместе составляли ядро державы, заставлявшее «головы склониться и колени согнуться». А кормили этот народ-войско огузы – покоренные племена, служившие орде и хану из страха.

Прежде всего, мы должны учесть, что покоренное племя было верным до тех пор, пока панцирная конница с волчьими головами на знаменах была недалеко. Только наместник, обладающий значительными силами, мог предотвратить откол племени.

Но что могло заставить самого наместника сохранить верность, если в его руках были власть и войско и огромные расстояния отделяли его от ханской ставки? Правда, можно было посадить в наместники родственника, но война между родственниками – дело обычное, и одно это положения не спасало. Тогда-то и была принята удельно-лествичная система. Смысл ее заключался в следующем. Наместник, сажаемый в отдаленную область, должен был быть заинтересован в верности великому хану. Тюркские владыки не имели того цемента, которым для халифов дамасских и багдадских был ислам, а для китайских императоров – развитая бюрократия. Добрые чувства или личные качества наместников не служили гарантией. Необходима была его личная заинтересованность, и таковую могла создать лишь перспектива роста. Эту-то перспективу и давал лествичный, или очередной, порядок занятия престола. Первое время, пока Тюркская держава была невелика, в нем не было надобности. Но со времени фактического основания империи Мугань-кагана тюрки ввели закон о престолонаследии, по которому младший брат наследовал старшему, а старший племянник – дяде. В ожидании престола близкие родственники хана получали в управление уделы. Лествичная система свою роль сыграла, и Великая Тюркская держава просуществовала двести лет.

Обратимся вновь к Кара-Чурину, который правильно оценивая политическую реальность, отказался от дружбы с иранцами и обратился к византийцам. Он напал на Иран в 584 г., затем в 588 и 590 гг. и наконец захватил Тохаристан. Это не помешало ему, как только представился случай, вмешаться во внутренние византийские распри. Именно тогда, когда при его дворе находился византийский посланник Валентин, он послал войска на помощь тюркам, жившим на территории нынешней Украины, в их борьбе против крымских заговорщиков.

Казалось, ничто не могло удержать тюрков в их агрессивной экспансии. Они распространили свою власть на Монголию, Туркестан, часть китайского Туркестана, западный берег Каспийского моря, север и восток Афганистана, дошли почти до Инда, оказались на пороге Индии.

Что касается китайцев, то на громадную империю тюрков они смотрели, естественно, с опаской. Вначале китайцы были поражены появлением новой варварской державы и по своей привычке решили отгородиться от нее. Однако, когда в их стране стали искать убежище последние потомки жужаней, они не смогли устоять перед требованием кагана об их высылке: беженцы были выданы и истреблены у Великой стены. Затем китайцы опомнились: это случилось в тот самый момент, когда они собирались возвести на трон династию Тан. После чего они с еще большим упорством продолжили свою традиционную внешнюю политику, состоящую из военных походов, которым предшествуют и которые сопровождают дипломатические игры. Тюрки понимали ее двойственность и достаточно точно оценивали поведение противника. «Китайцы, – писали они, – люди хитрые, ловкие интриганы и смутьяны. Они плетут заговоры между старшими и младшими братьями… клевещут на беков и народ… Если ты отправишься к китайцам – тебе конец».

Итак, за период с 546 по 582 г. были покорены жужани, кидани, кыргызы и разбиты эфталиты. В 556 г. удачный набег на Тогон заставил и это государство считаться с тюрками. В 558 г. тюркам подчинились огоры. В 60-е гг. начинаются войны в Китае, в результате которых обе северные империи – Ци и Чжоу – стали тюркскими данниками. В 570 г. поход на Иран стабилизирует границу на Джейхуне, а в 576 г. тюрки отнимают у Византии Боспор и в 582 г. вторгаются в Лазику.

Это апогей их могущества, и необходимо еще раз отметить, что в этот период внутри Тюркской державы не было распрей.

И прежде чем обратиться к следующему этапу истории тюрков – распаду Великого Тюркского каганата на Западный и Восточный, – остановимся на древней тюркской цивилизации.

Цивилизация древних тюрков: Великая степь. Кочевое скотоводство. Люди. Война. Социальная жизнь. Культура. Религия

Внимательнее присмотримся к тюркам, поскольку их деяния уже ко второй половине VI в. обеспечили им всемирную славу.

Сначала обратимся к месту обитания древних тюрков.

Итак, выйдя из сибирских лесов, тюркюты сделались степняками, и их новой родиной стали безлюдные просторы Великой степи.

Совершенно незнакомая географическая среда создала для них большие трудности, связанные с адаптацией, однако они справились с ними, сохранили все, что можно было сохранить из прежнего уклада жизни (о чем свидетельствует большое сходство в верованиях лесных охотников и кочевых скотоводов), и оставили в прошлом все, что надо было оставить, причем иногда в ущерб древним традициям, (например, в захоронениях Пазирика обнаружены останки лошадей в сбруе!).

Новая страна оказалась суровой и безжалостной, здесь мог выжить только тот, кто соблюдал ее законы. Мы никогда не узнаем, сколько детей погибло в младенческом возрасте, скольких слабых и больных людей погубили степи. Оставшиеся в живых, «с детства закаленные холодом, голодом и жаждой, – как писал Аммиан Марцеллин, – порожденные и принятые Степью, унаследовали степную суровость в своем характере. Их тело и их дух сформировались в атмосфере буранов, морозов и каменистой пустыни. Тюрки не случайно назвали себя сильными».

Речь идет о плоскогорье, которое лежит на высоте от 1200 до 4000 м над уровнем моря с резкими впадинами и впечатляющими горными массивами. Алтайские горы достигают высоты более 4500 м. Кунгей, где находится страна Отюкен, – 4000 м, а Танну-Ола – около 3000 м. Здесь практически не идут дожди: в Джунгарии, Гоби осадков выпадает менее 100 мм в год, и их количество нигде, за исключением горных районов, не превышает 200 мм. Зимой стоят сильные морозы с абсолютным минимумом –50 °С, когда земля покрывается тонким слоем снега, когда замерзают реки и озера. Летом может неожиданно случиться сильная жара, между тем как в ненастные годы солнце не успевает прогревать землю, когда дуют холодные ветры с севера. У подножья высоких гор, покрытых густыми хвойными лесами, расстилаются степи, а в низменных местах прячутся пышные травы; затем постепенно зона бедных кустарников переходит в пустыню.

Там бродят стада животных, на первый взгляд их движение беспорядочно, однако оно подчиняется определенному ритму жизни кочевников, который диктуется чередованием времен года: летом они поднимаются на джайлоо, выше в горы, зимой спускаются на менее суровые равнины. Самый древний расчет, который не смогли вытеснить ученые календари, основан на солнечном годе, который начинается во время появления первой зелени, и на лунных месяцах, которые не связаны с наблюдениями за природными явлениями: буранами, брачным зовом оленей, рождением детенышей, возвращением перелетных птиц. Изучение неба, в ту пору мало развитое, привело к разделению года на сезоны, в противоположность совмещению орбит солнца и Плеяд.

Календарь Двенадцати Животных был настолько глубоко прочувствован и усвоен тюрками, что в XI в. они создали на его основе свои мифы о происхождении. Самое первое упоминание о нем в 584 г. связано с западными тюрками, и, без всякого сомнения, он пришел к ним через аварцев и достиг степей Украины, где использовался булгарами в начале VII в.

Этот календарь основан на двенадцатичном цикле, в соответствии с которым каждый год, каждый месяц, день и час соответствует определенному животному.

Транспортным средством служили двугорбые верблюды, называемые бактрийскими, хорошо приспособленные к морозу, а также лошади, запряженные в повозки или сани, причем последние упоминаются в надписях и изображаются на примитивных гравюрах.

Тюрки и их сородичи из Центральной Азии использовали верблюдов для передвижения, хотя зачастую предпочитали повозки. Повозки не имели конкуренции в западных степях. Запряженные быками, реже верблюдами, они представляли собой впечатляющее зрелище для путешественников, например, Кларк так описывал их: «Они не спеша, сотнями, друг за другом движутся по прямой линии». Такие повозки были довольно большие, о чем говорят результаты раскопок в Пазирике: высота 3 м, ширина 3,35 м, колеса 2,15 м в диаметре, – что позволяло двигаться по труднопроходимой местности. Китайцы тоже пользовались повозками, но те были меньших размеров. Такие же повозки служили гуннам для «перевозки целых семей»; о них писали Ибн-Баттута в XIV в. во время пребывания в Южной Руси, а также многие другие авторы. Эти повозки представляли собой настоящие жилища, где царили покровители домашнего очага, где женщины ткали, шили, рожали и кормили детей.

Повозки или кибитки не исключали применение войлочного шатра прямоугольной или квадратной формы, иногда они имели внушительные размеры для племенных правителей (шатер эфталитского принца имел сорок шагов с каждой стороны), кроме того, были распространены юрты, названные так первыми русскими путешественниками, которые придали новый смысл тюркскому слову «юрт», т. е. «страна», «место разбивки лагеря», «участок земли, на котором ставят жилище». Юрта сделана из жердей, связанных между собой и накрытых войлоком, она имеет круглую форму, напоминающую колокол. В верхней части предусмотрено отверстие для выхода дыма, а прямо под ним находится очаг, и все это вместе создает целый микрокосм. В верхней части юрты имеется полог, которым прикрывают дымоход, чтобы погашенный очаг дольше сохранял тепло.

«Дверь» открывается на восток – дань уважения той стороне, откуда встает солнце. Такая ориентация, неукоснительно соблюдавшаяся древними тюрками, к концу X столетия изменится под китайским влиянием: дверь будет открываться на юг, соответственно положению солнца в зените. По китайской традиции стороны света соответствуют определенному цвету и одному из четырех элементов Вселенной. Османы Черное море называли «черным», потому что это – северное море, а Средиземное море, расположенное южнее, называлось «Ак Дениз», т. е. Белое море.

Теперь перейдем к кочевому скотоводству – основному занятию степных тюрков. В этом заключается их сила и этим объясняется, почему именно в их месте обитания формируются империи степей. Этот факт дает ключ к пониманию ее истории, которая в конечном счете есть «история лошади», и проясняет судьбу тюрков и их роль в мире, а также множество черт, которые без этого, несмотря на ценные аргументы, остались бы в густом тумане, как фотография, снятая без наводки на резкость. Для того чтобы могли свободно развиться все качества, которые обуславливают превосходство кочевников, последние должны были иметь сильную конницу.

Интенсивное коневодство достигло у тюрков совершенства. Оно распространилось во всех степных странах, кроме пустынь, а также в лесных и земледельческих районах, в частности в Сибири, Китае, Европе, в долинах Тигра, Евфрата, Нила. Тюрко-мусульманское могущество на Балканах, Ближнем Востоке, в Индии будет базироваться на другом фундаменте. Ни один оседлый народ не имел достаточно пастбищ для крупных стад. Вот почему так часто кочевники предпочитали грабить такие земли, но не селиться на них, зная, что рано или поздно им придется ассимилироваться с местным населением или уйти оттуда по

причине не столько «изнеживающей» цивилизации, сколько из-за утраты орудия их завоеваний – конницы.

Кочевник брал с собой на войну минимум две-три лошади, что позволяло ему всегда иметь свежего коня, 900 тыс. лошадей было более чем достаточно для армии численностью в 300 тыс. воинов, а это была огромная армия для того времени, хотя приведенная цифра вызывает у нынешних историков сомнения, на мой взгляд, неоправданные. В любом случае этого хватало, чтобы иметь превосходство над всеми пехотными армиями мира.

Можно смело оказать, что ни Китай, ни Индия, ни Европа не были способны прокормить столько лошадей. А высокогорные плато Ирана и Турции – тем более.

Венгерская равнина, самая богатая пастбищами на Западе, в лучшем случае могла прокормить 323 тыс. голов, т. е. одну двенадцатую часть тюркского поголовья, причем в прошлом леса покрывали большую ее часть, чем сегодня. Если свести к реальной цифре поголовье крупного и мелкого рогатого скота, необходимого для пропитания населения, Венгрия могла содержать только 50–70 тыс. всадников: этого было достаточно, чтобы совершать походы в Галлию и Италию, особенно с помощью союзников, но слишком мало, чтобы оккупировать эти страны, тем более что для лошадей там почти не было корма. Поэтому, к примеру, в планы Аттилы не входило завоевание Европы. Поэтому сельджуки, опытные всадники, были вынуждены заняться земледелием в Иране и Анатолии. Поэтому тюрки не могли надолго закрепиться в Сирии, Иране или использовать эти страны в качестве плацдарма для вторжения в долину Нила, где им пришлось противостоять мамлюкам (между тем их сильная конница смогла пройти через Синайскую пустыню). Поэтому Чингисхан, человек проницательного ума, прекрасно понимал эту проблему, но, не желая отказываться от мирового господства, думал о том, чтобы превратить в пастбища все пахотные земли Китая. Вот почему, когда не было войны, степняки экспортировали лошадей. К примеру, Китай, чтобы сохранить мир с уйгурами, был вынужден делать массовые закупки лошадей по баснословным ценам и оставлял купленных животных сдыхать от бескормицы. Вот почему походы зачастую бывали такими кратковременными: они продолжались до тех пор, пока не иссякал фураж и не истощались лошади, и возобновлялись почти каждый год.

Для того чтобы обосноваться на цивилизованных землях, не превращая их в степи, требовалось беззаботное отношение к завтрашнему дню, сильная тяга к городской жизни и та жадность, которая, наподобие пьянства, заставляет терять разум. Или медленная адаптация, в продолжение одного-двух столетий, к новым условиям, результат оседлости, при которой конница остается важным элементом, но не является первостепенным, как это было у османов.

Аттила, арбитр Римской империи, не уходил дальше равнин Венгрии. Как волк, который был его эмблемой и его любимым животным, этот настоящий кочевник, разумный человек, должен был бродить по окраинам цивилизации, чтобы прокормиться, не смея пойти дальше. Что толку в сильной армии, прекрасной конской сбруе, в быстроте и выносливости лошадей, когда их недостаточно? Лошадь не проживет долго без степей. В этой связи становится ясно, почему многие великие завоеватели в конечном счете выбирали для создания своих государств страны с оседлым населением. И в то же время понятен факт, почему огромные пространства нынешней Азии, когда-то бывшие очагами культуры, опустели: это случилось потому, что там жили кочевники.

Скотоводство, охота, война – казалось бы, этих основных занятий вполне достаточно для обеспечения существования тюрков. Между тем было бы ошибкой считать, что тюрки Верхней Азии не занимались и другой деятельностью. Помимо торговли в том узком смысле, в каком она служила основой благополучия, к примеру, в древнем тюркском мире существовала целая торговая сеть, которая не ограничивалась продажей лошадей. Контроль за той великой осью, которая связывала Средиземное море с Китаем, проходя через Месопотамию,

Иран, южное побережье Каспия, Мавераннахр и оазисы Синьцзяна, северную и южную части пустыни Такла-Макан и заканчиваясь в Синганфу, и которая получила название Шелковый путь по названию основного товара, всегда была предметом вожделения многих народов: кочевников, иранцев, китайцев. В Центральной Азии монополистами были согдийцы, которые даже хотели захватить в свои руки контроль над этим путем в Иране. Конфликт между сасанидами и тюрками был в основном порожден желанием тех и других получить для своих вассалов и для себя решающие выгоды и преимущества на иранских рынках.

Земледелие играло меньшую роль, но оно существовало. Развиваясь в долинах рек, оно расцветало в богатых оазисах, куда часто заходили тюрки и приобщались к нему. Городская жизнь была недостаточно известна, но уже привлекала людей. Для многих она казалась идеалом, сказкой – рискованной, но соблазнительной. Бильге-каган мечтал построить город по китайскому образцу, и уже не за горами был тот день, когда соблазн все-таки одержал верх над опасением.

Существовала и промышленность. Речь идет не только о производстве войлока и ковров – предметов монополии тюрко-иранского мира, – но и о выплавке металлов: железа, бронзы, золота. Искусство хуннов, которое пережило своих создателей на целые столетия и которое всего лишь вариант степного анималистического искусства, свидетельствует о мастерстве древних азиатских степняков в области металлургии. В Ордосе, в излучине Хуанхэ, Минусинске, Южной Сибири, на севере Монголии, в частности в районе Ноин-Ула, древнем поселении, обнаружены металлические пряжки, застежки и аксессуары сбруи, наконечники кнутовищ, и эти предметы вызывают восхищение. Тюркюты обязаны части своего могущества мастерству алтайских кузнецов во времена владычества жужаней: алтайцы умели обращаться с огнем и выплавлять железо, что в ту эпоху было чем-то вроде шаманства, и, кроме того, они делали оружие. Получив независимость, тюркюты стали продавать железные изделия византийцам.

Даже если оставить в стороне тюркские черты этих рыжеволосых людей со светлыми глазами, которых часто сравнивали с аламанами и викингами, вряд ли можно говорить о том, что существует общий, собирательный портрет тюрков, жителей Верхней Азии, – настолько они стали метисами по причине разноплеменных браков, связей с рабынями-наложницами и стремления их правителей брать в жены чужеземных принцесс, в частности китайских. Однако тюрки отличались сильно выраженным общим типом, и черты лица и телосложение этих людей вызывали у иностранцев живой интерес, смешанный со страхом. Их облик производил неизгладимое впечатление на жителей Запада. Марцеллин отмечал их «коренастое телосложение, огромные верхние конечности, непропорционально крупную голову». Аполинер подчеркивал особенность носа – «бесформенный и плоский, глаза, глубоко сидящие в орбитах, как в пещерах», откуда «исходит пронзительный взгляд, охватывающий далекие пространства».

Можно ли говорить о трансформации тюрков во времени? В XII и XIII вв. эти люди с длинными косичками, выступающими скулами, раскосыми миндалевидными глазами считались образцом человеческой красоты для эстета-мусульманина. И действительно, мы любуемся ими на иранских миниатюрах и газневидских фресках!

Их характер не менее интересен, и суждения о нем не более благоприятны. Чаще всего негативные оценки были результатом страха, презрения или ненависти. Это – люди гордые и вспыльчивые, алчные, хитрые, коварные, жестокие, склонные к грабежу. «Они превосходят в жестокости и варварстве все, что только можно себе представить». «Они не варят пищу, а мясо хранят, положив его на спину лошади и прижав ногами». «Их породили нечеловеческие существа. Под маской человека таится звериная жестокость». Так пишут Марцеллин и Иордан о гуннах, эти выражения почти слово в слово повторяет Матвей Парижский в описании монголов Чингисхана. Конечно, эсхатологические черты связаны с нашествиями и,

возможно, в них отражаются видения Жоэля: «Неизвестный доселе народ выступил против моей страны… Идет истребление, земля лежит в трауре… Близится день гнева Иеговы… Это – народ, подобного которому не было никогда… перед ним все пожирает огонь, за ним все горит пламенем».

Здесь есть и правда, и вымысел, справедливые комментарии, иногда непонятные, иногда специально драматизированные, есть неверные суждения, которые вошли в обиход. Что мог думать рафинированный римлянин эпохи декаданса о людях, которые из уважения к воде, из боязни осквернить ее, не хотят мыться и чистить свои вещи и одежду, по крайней мере не приняв заранее многих мер предосторожности? Было ли большим преувеличением говорить о «нечеловеческих существах, которые рыскают в пустыне» и порождают людей, а те высокомерно утверждают, что они произошли от совокупления волка и лани или от других самых разных животных, чьи матери зачинали потомство в болотах и пещерах? Широко известен анекдот о куске мяса, зажатого между ягодиц мужчины и спиной лошади, и в этой истории сквозит глубокое презрение. Любой всадник знает, что невозможно, не поранив при этом коня, положить мясо под седло прямо на кожу животного; и гуннам действительно приходилось питаться, не слезая с лошади, мясом, которое они доставали, но из седельной сумки.

Свирепость их вторжений, сопровождающихся резней, ужас, который они наводили, жуткие легенды, которые сами же и распускали, чтобы посеять всеобщий страх, – однозначны. Они убивали безо всякой жалости, а их нервы должны были быть железными, чтобы с таким хладнокровием проливать чужую кровь, впрочем, как нам кажется, они делали это без особой изощренности. Ведь пытки не свойственны варварам – это изобретение людей высокоцивилизованных. Может быть, дело в отсутствии чувствительности или воображения? Массовое истребление не пугало их. Они считали, что лучше убить, чем погибнуть, и что их жизнь напрямую зависит от смерти других.

Живя в лоне природы, они знали ее законы, они усвоили, что жизнь рождается из смерти, что она не длится вечно, потому что существуют пожиратели и пожираемые. Да, они меньше других боялись смерти и предпочитали погибнуть на поле битвы, чем в постели. Смерть, говорили они, есть «необходимость». Но это были люди, обладавшие чувствами, которые могли быть глубоко человечными. Вот как прочувственно говорит Бильге-каган о смерти своего младшего брата Кюльтегина: «Мои глаза, которые все видели, стали слепыми; мой разум, который все понимал, помутился… Если из глаз льются слезы, если из души и сердца рвутся рыдания…» А сын правителя выгравировал на погребальном памятнике отцу такие слова: «Улетел мудрый каган. Когда приходит лето, когда вверху поднимается радуга, когда в горах пробегает марал, я думаю о тебе…» Приведем еще один пример: сдавленный отчаянием крик одного племенного вождя, который выразительнее длинной речи: «Ты ушел на войну, и с тех пор я больше не видел тебя, мой сын, мой лев!»

Какими же тюрки были воинами и какова была их тактика ведения войны?

Тюрки имели репутацию непобедимых воинов, и это было действительно так. Тот факт, что заслуженная ими репутация – ужасна, зачастую соответствовала реалиям их военных походов, но здесь не следует сбрасывать со счетов и психологический фактор воздействия их непобедимости на народы, против которых тюрки направляли свои действия: чем больше их боялись, тем меньше им сопротивлялись. Таким образом, из воинственных тюркских масс сформировался образ неорганизованных жестоких дикарей устрашающей внешности. Мы располагаем документами, позволяющими усомниться в этом.

Итак, это не банда недисциплинированных и беспощадных дикарей, а организованная армия с талантливыми полководцами. Приказы командира не обсуждались, а строгая организация присутствовала во всем войске. Армия состояла из подразделений по десять, сто, тысячи и десяти тысяч солдат; самая крупная единица называлась персидским словом

«тумен» и имела свой штандарт: хвост яка или лошади на древке, увенчанном позолоченной волчьей головой или изображением другого зверя.

В основном это – всадники, причем превосходные, но у них была и пехота. Историки нередко отрицают этот факт или, по крайней мере, обходят его молчанием: гунны, как пишет, например, один историк, совершенно не способны сражаться в пешем строю. Однако на грубо выполненных гравюрах изображены воины, стоящие на коленях и натягивающие луки; а в кургане около Кул-Оба в Крыму найдено изображение двух скифов, которые стоят, прижавшись спинами друг к другу, широко расставив ноги и слегка согнув колени, и вытаскивают из колчана стрелы. Тюркский генерал Тонюкук писал, что с ним идет в сражение армия, состоящая на две трети из всадников и на одну треть из пехотинцев. К сожалению, нам ничего не известно о действиях пехоты. Зато чего только ни писали о воинах, сражавшихся верхом на конях! Подвижные, быстрые, не знающие усталости, вездесущие на поле брани – они иногда воспринимаются нами как индейцы Дикого Запада, которые скачут без седла, полуголые и легковооруженные. В действительности экипировка и вооружение тюрков постоянно совершенствовались в продолжение столетий с учетом новых условий. В интересующую нас эпоху у них была прекрасная экипировка: лошадь, защищенная доспехами, а ее голова – бронзовыми пластинами. Солдат носил кирасу и кольчугу, имел щит, длинное и тонкое копье, боевой топор и, возможно, саблю, которая стала обычным холодным оружием в более поздние времена, прямой меч с рукоятью, надежно защищающей руку, и великолепный лук, который прославили скифы и парфяне. «Горе тому, кто станет мишенью, потому что его стрелы несут смерть», – писал Сидуан, а Амьен добавлял: «Ничто не сравнится с ловкостью, с которой они посылают далеко свои стрелы… твердые и смертоносные, как само железо».

Что не меняется со временем, так это надежный степной скакун небольшого роста, крепкий, неприхотливый, выносливый, послушный седоку, занимающий в клане почти такое же место, как человек, носящий имя своего хозяина, или имя, связанное с одеждой, происхождением или внешностью хозяина. В текстах коню часто уделяется больше места, чем всаднику.

Эта армия настроена на наступательные действия, но всегда готова к отражению внезапного нападения и сама часто использует фактор неожиданности. Если она не прячется за стенами, то всегда расставляются многочисленные дозоры. Способная действовать в городских условиях, она, тем не менее, не имеет осадных орудий, но тюрки брали города.

Численность войск оценить трудно, она может меняться в широких пределах. Стоит напомнить, что у истока империй стояли семнадцать, семьдесят и семьсот человек – цифра, конечно, символическая и намеренно заниженная. (Но генерал Халджи, имея 90 всадников, захватил столицу Бенгалии в конце XII в.!) В надписях, встречающихся в Монголии, рассказывается о битве двух-трех тысяч тюркютов против шести тысяч огузов, а согласно другой надписи тюркюты атаковали стотысячную армию, сосредоточенную на равнине. Сто тысяч воинов! Возможно, речь идет просто о большом количестве, когда оно не исчисляется кратными величинами семи и девяти и когда армия не делится на десятки, сотни и т. д. Хазары предлагают византийцам 40 тыс. всадников, а западные тюркюты выставляют 300 тыс. солдат. В продолжение более пятиста лет самые разные документы настаивали на малой или, напротив, большой численности войск, при этом не надо забывать, что тюрки имели слабость к архивам, статистическим данным и отчетам. Что касается китайцев, они оценивали тюркютские силы примерно в один миллион человек. И здесь нет никакого преувеличения. Каждый тюркют был солдатом с возраста совершеннолетия до глубокой старости. Не являются выдумкой рассказы о массовых мобилизациях или о том, что каждый человек должен был убивать других либо быть убитым, какой бы чудовищной ни казалась такая мысль в наш цивилизованный век.

В тюркютских текстах подробно описываются боевые действия, которые иногда велись посреди зимы. «Я с трудом прошел по глубокому снегу, – писал Тонюкук, – я заставил солдат пешком подняться на вершину, а лошадей вести на поводу. Мои люди помогали себе саблями».

Солдаты форсировали реки вброд, вплавь или на плотах, когда реки не были покрыты льдом. Они убегали и преследовали отступающих. Нападали на спящего врага ночью или на рассвете, когда враг чувствовал себя в безопасности, под защитой большого расстояния или естественных препятствий; солдаты шли в бой, даже если они были измучены, если ворчали, требуя отдыха; быстрота и воля к победе – вот решающие факторы. Воля может все. Но она подкреплялась верой в Бога, который «заставлял», когда это нужно, и умелой тактикой, причем складывается впечатление, что все тюрки – прирожденные тактики.

Нельзя понять причину постоянных успехов кочевников, начиная с эпохи скифов до времени появления огнестрельного оружия, если, допуская, что они – лучшие всадники и лучшие лучники, забыть о том, как они пользовались этим двойным преимуществом: тюрки избегали рукопашного боя, если не были твердо уверены в победе, исходя из численного превосходства.

Они предпочитали мчаться на врага галопом, а приблизившись к вражеским боевым порядкам, сразу начинали стрелять, вольтижируя и на скаку доставая из-за спины «парфянские стрелы». Марцеллин подчеркивал такую тактику гуннов: «Встречая сопротивление, они рассеиваются в стороны, но возвращаются с той же быстротой, продолжая мчаться вперед и снова рассеиваться». Побеждая, но чувствуя, что враг не сломлен до конца, они уничтожали его, возможно, бессознательно помогая природе избежать перенаселения. Массовые истребления и геноцид? Теофилакт приводит цифру в 300 тыс. погибших в ходе только одной кампании: «Трупы валяются вокруг на протяжении четырех дней марша».

Тюрки нисколько не стыдились обращаться в бегство. Напротив, они старались держать противника на большом расстоянии, чтобы чувствовать себя неуязвимым; по пути они, «подобно пчелиному рою», как писали китайские хроники, нападали на отставшие вражеские отряды и арьергарды, отсекая их от главных сил, истребляя их и забирая провиант. Они стояли насмерть. Только оказавшись прижатыми к могилам предков, как говорили сами скифы, или когда их отступлению мешала тяжелая добыча, они занимали круговую оборону, укрывшись за своими кибитками, настоящими мобильными крепостями; так поступал Аттила на полях Каталаунских.

Какой же была социальная жизнь тюрков? Основной социальной ячейкой была семья, ограниченная рамками экзогамного родства по отцовской линии, члены которой имели общее имя и общую легенду о происхождении. Семья была членом клана, связанного сложной сетью отношений, потому что географические и экономические условия не допускали изоляции. Однако были и одиночки, которые в силу магических способностей (шаманы) или по причине исключения из группы вели бродячую жизнь, как правило нищенскую, что касается последних. Позже из таких отшельников вышло несколько известных личностей. Тогда они старались во что бы то ни стало обрести свою родословную, ссылаясь на древние узы либо кровные, либо обусловленные брачными отношениями, на брачные союзы, заключенные в детстве, кровное братство, т. е. союз, скрепленный клятвой двух людей, которые обычно обменивались подарками и в знак верности пили кровь друг друга, надрезав руку кинжалом.

Однако отдельное существование было опасным, поэтому тюрки объединялись в федерации, которые вскоре превращались в империи. Социальная жизнь в те времена была чрезвычайно изменчивой: тотемизм, как изначальная система тюркского мира, политемизм, основой которого являлось Небо как «пассивное божество», идентифицирующие и разделяющие элементы, в которых «тамга», абстрактный знак собственности – клеймо, выжженное

на спине домашних животных и выгравированное на камне, – уступает место династическому тотему, который становится Великим Предком, и монотеизму с множеством богов, а тамга превращается в печать.

Империя централизуется по иерархическому принципу. Во главе ее находится суверен, шаньюй у хуннов, каган, или хан, начиная с эпохи жужаней. Императрица называется хатун и ханум, именно ей, «дорогой, обожаемой и пугающей памяти» дамы, Пьер Лоти посвятил свои «Очарования». Царственная чета «создана Небом», «подобна Небу», «происходит от Неба». Она получила от Неба свой «кут», жизненную силу, или душу. В момент церемонии восхождения на трон чету представляют Небу, поднимая обоих на войлочном ковре, чтобы Оно узнало свои создания. Их окружают важные лица – беки. Беки, как члены привилегированного класса, имеют выраженную склонность к цивилизации и первыми принимают чужеземные нравы, отдаляясь от народной массы, например, через китаизацию. Они берут на себя функции и носят титулы. Самые почетные – ябгу, что равнозначно «вицекоролю», возможно, это – старшие сыновья правителей, возглавлявших походы тюркютов на запад, тегины – младшие сыновья или братья или, по меньшей мере, родственники императора, и «шады», вероятно, самые важные после правителей, если судить по Бильге, который был «шадом», прежде чем стать каганом. За ними идут «тарканы», «чоры», «тутуки», «атаманы», последний титул есть у казаков, и он не происходит от немецкого «гауптман», как полагают некоторые ученые. Они – сборщики налогов, чиновники, презираемые народом, это говорит о том, что они являются креатурой принца, но не организационным элементом жизни племени.

Титулы переходят по наследству, но в произвольном порядке, в зависимости от выбора или личных качеств. Братья часто ссорятся между собой, а их согласие имеет первостепенное значение; об этом свидетельствует примеры Бумына и Истеми, Бильге-кагана и Кара-Чурина, возможно, также Бледы и Аттилы.

В более поздние времена мы увидим, как, используя символы и пословицы, матери пытались убедить своих сыновей в необходимости единства. До тех пор, пока не были приняты радикальные меры, пленение или истребление членов правящей семьи и распри между родственниками оставались бедствием для тюркских империй. Нет достоверных фактов того, что в то время действовал закон, согласно которому старшие сыновья с детства получали надел или при жизни отца имели часть отцовского наследства, между тем как младшие оставляли за собой родительский дом или императорский трон.

Жизнь народных масс, за исключением времени катаклизмов, нельзя назвать трудной, когда в стране царил порядок или велась захватническая война. Тогда простых людей называли «будун», т. е. «народ», и это слово несет скорее политический, нежели социальный смысл. Согласие народа с каганом показывало, что люди хорошо понимали пользу от действий властителя, и тот часто оправдывал их доверие. «Мои племена живут в довольстве, и этого мне достаточно» – так говорил один каган в китайском тексте.

Согласно хроникам, тюрки носили меховые и шерстяные одежды, а головы их оставались непокрытыми. Гунны «одевались в льняные туники, куртки из крысиных шкурок, носили каску или колпак… и обмотки из козлиной кожи».

Работа чередовалась с долгими периодами отдыха. Многие целыми днями пасли стада, неподвижно сидя на лошадях, и этим объясняется бытовавшее утверждение о том, что гунны, а затем и тюрки рождались на коне. Они ели, а иногда и спали, не слезая с коня. Исключая обычные развлечения, например игру в кости, прятки, запускание бумажного змея, нескончаемые сказки и музыку, «полудикую, но приятную для слуха и радующую сердце», их времяпрепровождение, как правило, носило бурный характер: прежде всего это – занятия любовью, попойки и охота. Последняя считалась заменой войны или, как сказано в одном тексте, лучшей тренировкой. В их глазах это почти одно и то же: надо было

убить человека, чтобы тебя признали взрослым, и охотничий подвиг часто рассматривался как почетное убийство. Они стреляли из луков, но поскольку кровавая смерть опасна для дичи, которая будто тем самым лишается души вместе с кровью, следовательно, она опасна для человека, потому что жертва будет мстить, они предпочитали охоту с ястребом, лассо, ловушки, забрасывали загнанную в круг дичь камнями или насмерть забивали кнутом.

Любовь к женщинам ценилась больше, чем все богатства, и служила движущей силой их жизни. Чингисхан завоевал мир, но что им в том числе двигало? Он говорил так: «Нет для меня большего опьянения, чем прижимать к себе жен и дочерей врагов!»

Отношение к женщине у тюрков было подчеркнуто почтительным, даже рыцарским. Сын, входя в юрту, кланялся сначала матери, а потом отцу.

Наследование жен предполагает полигамию, однако это не делало тюркютскую женщину бесправной.

Влияние жены на мужа подчеркивает Табари, который писал: «У тюрков всего можно добиться через женщину».

Происхождению по линии матери придавалось большое значение. Утверждалось право охранять женщину: изнасилование замужней женщины каралось смертью; соблазнитель девушки должен был немедленно жениться на ней.

Весьма достопримечателен обычай, который в эпоху Тан был перенят у тюрков. Заключался он в следующем. Девушки со сходными вкусами торжественно заключали между собой братский союз, причем число членов достигало 14–15, но не менее 8–9 девушек. Эти девушки называли друг друга братьями, а если юноша женился на какой-либо из них, то он получал женское имя, и подруги ходили к новобрачным «отведать невесту», т. е. мужа. Молодая жена не ревновала к своим «братцам», но с членами других женских «братств» такая связь не допускалась.

Все это исключает вопрос о приниженном положении женщины в VI–VIII вв.

Очевидно, ограничение прав женщины в кочевом мире – явление более позднее.

Постоянная жажда заниматься тем, что сегодня мы называем спортом, находила выход в играх в мяч, скачках, борьбе, поединках, на примитивных гравюрах изображена борьба на верблюдах, которая практикуется в нынешней Турции.

У тюрков был ярко выражен вкус к пирам: свадьбы, ритуалы инициации по случаю наступления половой зрелости, приемы послов, заключение договоров и пактов, траур и поминовение мертвых – одни из немногих предлогов для пира. Они радушно принимают случайных путников, и тюркское гостеприимство сегодня так же широко известно, как и в прошлом. Они не знают меры в еде в питье. Даже в тех местах, где не знали вина – хотя оно существовало в Согдиане и тюрки продавали виноград в Северный Китай, – пьянство было обычным делом. Великий законодатель Чингисхан требовал, чтобы подданные напивались допьяна не чаще, чем один раз в неделю. Напрасные попытки. Историки часто констатировали «смерть от опьянения», завершая биографию принцев Центральной Азии.

Хьюань Цанг, китайский паломник, обедал за столом тюркютов: «Каган пригласил гостей сесть и приказал подать им вина, заставив их пить под звуки музыки. Затем в большом количестве принесли огромные куски сваренной баранины и телятины». Он писал о том, что предводитель застолья вытирал руки об одежду гостей, что считалось знаком благоволения. Иметь замасленную одежду было признаком богатства и щедрости. Имя Тонюкука означало «в тунике, блестящей от жира».

Однако в менее благополучные времена пища была скромнее: ели то, что давали домашние животные – молоко и молочные продукты, в частности йогурт, одно из замечательных изобретений тюрков; мясо, свежее летом, хранившееся в морозной земле – зимой – после большого забоя скота в конце осени. Использовались корни диких растений, в некоторых местах их выращивали, например лук, настолько необходимый людям, живущим без

витаминов, и даже одно из племен табгачей взяло себе имя «кюмюкрен» или по закону метатезы – «кюмюркен», т. е. «лук».

Что же значила для них еда? На земле, где постоянно витала угроза голода, где умирали от голода, когда еще не было социальной организации, счастье выражалось простыми словами: «Мы царили, поедая оленину и зайчатину. Брюхо людей было полным». Это – слова Тонюкука, мудрого правителя, который понимал суть вещей, когда ни в чем не было недостатка; вот что он писал после очередной победы: «Со всех сторон стекались золото и серебро, парча и шелк, рабы в большом количестве…» В этом присутствовал элемент хвастовства варвара своими богатствами, которые изумляли даже людей цивилизованных. Византийцы видели у тюрков «шелковые ткани, искусно расцвеченные самыми яркими красками», статуи, урны, игольницы и сосуды из золота, серебряную посуду, позолоченные деревянные колонны, золотые стулья и кровати, «стоящие на четырех павлинах»; у эфталитов – то же самое, правда ножки кроватей были сделаны в виде фигурок феникса. Хьюань Цанг восхищался каганом, который его принимал: «Он был одет в платье из зеленого сатина, волосы его были распущены… Лоб был повязан шелковой лентой, несколько раз обмотанной вокруг головы, конец ленты спадал на затылке. За ним стояли две сотни офицеров, одетых в парчовые одежды, с заплетенными косичками на голове». Сонг Юнь писал об императрице эфталитов: «…на ней была шелковая одежда, спускающаяся до земли…» И далее отмечает, что «на голове у нее сверкал длинный золотой гребень, украшенный драгоценными каменьями пяти разных цветов» – это типичная прическа «буктак», которую мы видим на мусульманских миниатюрах, скорее всего, она была скопирована со средневекового головного убора западных женщин.

Теперь о культуре тюрков. Элементы материального быта свидетельствуют о единстве, которое имеет место, несмотря на различия в деталях, во всем степном мире, от Восточной Европы до побережья Тихого океана, и которое мало изменилось в продолжение столетий. Дюмезиль обнаружил далеких потомков скифов в осетинах. Но он отметил, что вполне возможно сблизить скифские элементы с алтайскими, хотя Дюмезиль, как индоевропеист, не смог извлечь из этого наблюдения все должные выводы. Это – сходство и единство, которые, по Дюмезилю, вытекают из аналогичных условий жизни, благодаря чему можно с осторожностью объяснить факты VIII в. фактами XII в. и обратиться к нынешним анатолийцам для того, чтобы лучше понять тюрков Средневековья. Это совсем не значит, что повсюду и во все времена можно наблюдать одинаковую картину. Если считать, что культурные различия зависят от социального положения и политической организации, тогда надо признать, что могли существовать более или менее проницаемые границы, по эту сторону которых есть истина, а по другую – ошибка.

Было бы очень просто, но, как свидетельствуют факты, не совсем правильно поставить восточных тюркютов под китайское влияние, а западных тюркютов – под иранское. Ошибка состоит в том, что некоторые тюркюты считают, будто культ огня (пантюркского происхождения) практиковался западными тюрками потому, что они жили рядом с иранцами и игнорировались восточными племенами.

Календарь Двенадцати Животных был известен на Украине, а тюрки с Ближнего Востока продавали виноград в Китай! Методы, мысли, искусства широко распространялись с одного в другой конец Евразии, и до сих пор невозможно определить, чем тюркский мир обязан Китаю, а чем Ирану, не говоря уже об Индии, германцах, палеоазиатах, тохарийцах, кученах. Оазисы Тарима достигли высокого уровня цивилизации. Достаточно сказать об их знаменитых школах пиктографии, например в Кызыле, которые процветали между 450 и 750 гг., об авторитете, который имели даже в Китае музыканты, танцовщицы и куртизанки Кучи, о нескрываемом восхищении китайцев перед дворцами этого города.

Влияние Китая на кочевников признается издавна, да разве могло быть иначе, когда тюркютская знать китаизировалась, между тем как их подданные в течение последующих пятидесяти лет находились под китайским протекторатом. Однако это влияние преувеличено. Самые северные народы оно затрагивало лишь в небольшой степени. Команы не знали китайского календаря. Зато можно объяснить некоторые китайские феномены тюркским влиянием, причем обратного влияния не наблюдается.

А вот согдийское влияние было минимальным, хотя общепризнанно, что согдийский язык представлял собой смешанный язык, общий для нескольких народов Центральной Азии. После обнаружения надписи в Бугуте стало ясным, что он использовался в VI в. и был принят в качестве официального языка первой тюркской империи. Отношения между этой империей и Согдианой развивались естественным образом после согдийских завоеваний, хотя они имели место и раньше. Миф о происхождении Бумына и Истеми упоминает факт женитьбы сынов волчицы на девушках из Турфана, другими словами – индоевропейках и, конечно, согдианках. Позже согдийцы станут послами каганов в Иране и Византии и одновременно их советниками, при этом они «занимались контрабандой» китайского влияния.

Итак, можно считать достоверным следующий факт: то, что кажется относящимся к самым старым тюркским культурным пластам, частью заимствовано у разных кочевых или оседлых народов, как ближних, так и дальних, и только синтез остался тюркским, если это вообще имеет какое-то значение, потому что здесь возникает вопрос: является ли любая цивилизация оригинальной, т. е. как бы вышедшей из собственных недр?

Беспорядочное смешение народов не позволяет определить вклад тюрков в формирование степного искусства. За исключением ковров и изделий из металла, которыми мы, несомненно, обязаны тюркам, вряд ли можно сказать то же самое о тех предметах, которые украшали дворы правителей. Имел ли место контакт с живописью оазисов? Как обстоит дело с великим анималистическим искусством степей, которое оставило на них свою печать: продолжили ли они эту традицию, возродили ли ее или, напротив, оставили ее в забвении?

Их мастерство и их таланты нам достаточно известны, особенно их вкусы. Подвергшись китаизации, они сделались меценатами, а Китай обязан вэям, т. е. табгачам, многими выдающимися творениями.

Для захоронения своих принцев восточные тюркюты приглашали китайских художников, которые делали росписи в усыпальницах и мавзолеях, их единственных архитектурных сооружениях. К сожалению, от этих произведений почти ничего не осталось, кроме развалин, в которых сохранились стелы с надписями, статуи и балбалы. Последние представляют собой бесформенные монолиты с изображениями убитых врагов; эти сооружения стояли в триумфальных аллеях, и их было великое множество: например, не менее двухсот семидесяти в мавзолее Мугань-кагана.

Статуи, которые встречаются во всех степях и которые мы называем «каменные бабы», хотя они изображают людей обоих полов, ничего общего с балбалами не имеют, но их довольно часто путают специалисты. Высотой от 0,55 до 2 м, иногда достигают 2,85 м, они изображают вооруженных людей, сидящих или, реже, стоящих, с кубком в правой руке, прижатой к груди. Именно эти статуи служили прототипом условного образа исламского принца, который начиная с II в. запечатлевался в бронзе и слоновой кости.

У самых отсталых племен письменность неизвестна. Зато она рано появилась у тюркютов. Самым древним документом является надпись в Бугуте – правый приток Селенги – обнаруженная в 1956 г. и исследованная в 1972 г. Она не датирована, но, по всей очевидности, восходит к 581 г. Подобно всем тюркютским (а затем уйгурским) надписям она сделана на стеле, стоящей вертикально на спине черепахи – образ мира в китайской космогонии, а китайцы заимствовали его у ведической Индии. Текст выполнен рукой мастера не по-тюркски, а по-согдийски, на трех сторонах и содержит 29 строк высотой 1,2 м с пробелами и

выбоинами; на четвертой стороне имеется текст на санскрите. Надписи на тюркском языке – более поздние. Самая древняя (?) посвящена Тонюкуком Баину Цокто и относится примерно к 715 г. (?) На несколько лет позже появились надписи, посвященные братьям-императорам Бильге-кагану и Кюльтегину, датированные 732 и 735 гг., все вместе они носят название «орхонских надписей». Стелы, на которых они выполнены, имеют высоту 3,75 м и содержат, кроме тюркских текстов с большими одинаковыми отрывками, китайские надписи. Остальные тексты того же времени имеют меньшее значение. Все они вырезаны на камне буквами или знаками (которые ошибочно считаются руническими), хорошо соответствующими языку, и имеют явно арамейское происхождение (пришли к тюркам через парфянский язык): заимствованы у согдийцев около VI в. Они были расшифрованы почти сразу после того, как их обнаружили Томсен и Радлов, которые работали порознь (1896 г.). Тексты составлены неудачно, хотя и с неплохими эпическими и поэтическими пассажами, которые делают их настоящей литературой; они содержат краткие сведения о религиозных ритуалах, социальной организации, политической идеологии и повествуют о военных кампаниях и биографиях. Эти тексты составляют основу любого тюркологического исследования.

Поговорим о религии тюрков и их изначальной тяге к универсальным или мировым религиям.

Культурные контакты тюрков с различными народами и влияние, оказанное на первых, не придают религии, которую они исповедуют, оригинальности, и здесь мы находим мало ранее неизвестных фактов. Даже шаманизм, магически-религиозная практика, ставящая целью войти в экстаз, чтобы осуществить космическое путешествие с помощью «добрых» духов, которые воюют со «злыми» (и те, и другие зооморфны), известный с доисторических времен и считающийся специфическим сибирским и верхнеазиатским феноменом, не представляет собой ничего исключительного. Что касается религии, которая стоит намного выше шаманизма и противостоит ему, если магия вообще противостоит религии, ее нельзя назвать монолитной. Основанная на фундаментальных принципах и определенном видении мира, она варьируется от региона к региону, от эпохи к эпохе в зависимости от исповедующих ее социальных классов. В конечном счете она представляется не чем иным, как мистикой.

Самым высшим ее выражением является Тенгри, Бог-Небо. Он – голубой, вечный, высокий, могучий, созидающий или несозидающий; это Вселенная, которая «сформировалась» или «была создана». Он распоряжается, оказывает давление на людей и не знает иного наказания, кроме смерти. Это, конечно, трансцендентная фигура, но к нему могут иметь доступ суверены, шаманы и птицы – души мертвых, причем он служит для последних местом пребывания; Тенгри также может прийти к человеку через своих посланников, орлов и соколов, через лучи света, которые дают жизнь и оплодотворяют женщин.

Второстепенные божества, с трудом отличаемые от высших духов, действуют параллельно Тенгри, могут иметь с ним связь, как, например, богиня Земля, которая дает ему кров, совокупность «духов земли и священных вод», плацентарная богиня Умай, покровительница новорожденных, и Од Тенгри, бог времен, вероятно отличающийся от Неба или являющийся одним из его проявлений. Другие, по крайней мере в ту эпоху, никогда не упоминаются вместе с ним и даже не всегда появляются в тюркских текстах. В частности, только из иностранных источников и более поздних текстов мы знаем Луну и Солнце, Венеру, Гору, особенно священную гору Отюкен, космическую ось, центр мироздания; Великое Древо и совокупность деревьев, т. е. рощу, лес; опять-таки лес Отюкена; очистительный огонь и хранитель очага, альтер эго шамана, также подверженный трансу и дым которого, как и шаман, может достичь Неба; бог Порога и все неидентифицируемые божества, проявления жизни, объекты, имеющие «нумен», души вещей, которые, возможно, начиная с этого времени превращаются в идолов.

Если волк, тотем семейства Ашины, становится Великим Предком, тогда как остальные тотемы теряют свои очертания, то животный мир в целом сохраняет свою интегральность, будучи «всем другим и всем подобным» и обладающим сверхъестественными возможностями, превышающими возможности человека. Его помощь абсолютно необходима – нужно, чтобы животные давали себя стричь, доить и убивать, и они это делают, потому что совершают тем самым ритуал; существуют ритуалы жертвоприношения по случаю первого приплода, охоты, казни, освящения, через которое определенные представители вида «остаются на свободе», т. е. не используются.

Культ, часто незаметный, выражается в молитвах, кратких восклицаниях, бескровных жертвоприношениях и повседневных жертвенных возлияниях, в жертвоприношении Небу и другим божествам, главным образом в виде заклания лошади, иногда совершаемое на специальном колу; для этой цели брали и других животных, а также собак (у булгар). Эти жертвоприношения служили для поддержания установленного порядка: чтобы не обрушилось небо, чтобы не провалилась земля, а стада продолжали жиреть и дети рождаться…

Погребальные церемонии и поминовения мертвых – это, вероятно, самые важные элементы ритуала. Способ захоронения изменился в эпоху владычества тюркютов: раньше был обычай сжигать мертвых, теперь их хоронят в земле, пишут китайские источники. Сожжение, эксгумация и подвешивание трупов на дереве – все эти способы мирно сосуществовали, поскольку речь шла лишь о технических деталях при одинаковом результате: мертвое тело или основная его часть – кости – хранились до двух единственных дней в году, когда можно было исполнить погребальную церемонию – когда опадали листья и когда они распускались. Похороны сопровождались пышными процессиями, а когда хоронили принца, вассалы и союзники присылали делегации. Все присутствующие должны были участвовать в таких похоронах: они толпились вокруг мертвого тела, брили себе головы, царапали себе лица, громко оплакивали умершего и рассказывали о его подвигах. Потом все совершали общую торжественную трапезу. В могилу закапывали вещи, необходимые для другой жизни, – коней, рабов, жен. Однако начиная с тюркютских времен вдову уже не убивали и предпочитали выдавать ее за брата или сына покойного, которые должны были сохранять ее для того, кто умер. День смерти также отмечался через сорок дней после захоронения и год спустя.

Как и все живое, человек – это одновременно единственный в своем роде и множественный феномен. Его души находятся в определенном месте и одновременно повсюду. Души находятся вне его, в его крови, костях, дыхании, бродят в его теле, и каждая из них может жить в двух разных местах: на небе, где «мертвый пребывает как среди живых», в «тотемном месте предков», в могиле, в знамени, в «балбале», перевоплощаться в другое тело или в то же самое, только оживленное, которое они покинули, или бродить как тень, пугая живых.

Этики здесь почти нет, и зачастую она далека от того, что мы называем моралью. Запрещается нарушать табу или порядок, освященный ритуалами. Нельзя «пачкать» воду, огонь, нельзя требовать от природы больше, чем она может дать, нельзя оскорблять, пусть даже ненамеренно, своих господ. Первая заповедь – подчиняться кагану, гаранту космического порядка, и верно служить ему. Сдаваться врагу – это коллективное преступление, которое влечет за собой коллективное наказание, как показывает исторический опыт. Преступления считаются таковыми и влекут за собой наказания, только если преступления совершены внутри общины, к которой принадлежит преступник. Убийство, кража, адюльтер, насилие не считаются преступлениями, если они совершаются в отношении врага или чужака, но не гостя. Нельзя нарушать данное слово или клятву – это тяжелейший грех, и верность торжественному обязательству остается одной из основных черт тюркских обществ.

Какой бы сильной ни была национальная религия (а говорит о ее силе то, что она сохранилась с немногими изменениями до наших дней), являющаяся преимущественно мистикой, она остается открытой для других людей. Однако она придает некоторым ритуалам особое значение, что бывает препятствием для новых адептов, и история подтверждает этот факт. Здесь кроется источник конфликтов, но религиозные войны – это не тюркское изобретение: как правило, тюрки старались обойти углы и найти компромисс в спорных вопросах, твердо стоя на том, что может быть принято другой стороной. Все дело в том, что у тюрков есть неукротимая тяга к универсальным религиям.

Бугутская надпись, которая свидетельствует о согдийском влиянии на тюрков, также указывает на влияние буддизма. Бумын-каган здесь представлен как приверженец этой доктрины: когда однажды вызвали его дух, покойный приказал своим наследникам основать новый монастырь. Это доказывает, что Бумынкаган принял буддизм, по крайней мере формально, и здесь нет ничего удивительного, если только речь не идет о простом невежестве. Хорошо известно, что буддизм, рожденный в Индии, сделал Центральную Азию одним из путей своего проникновения в Китай, построил там прочные форпосты и послал по всем главным дорогам индийских, парфянских миссионеров уже во II в. Некоторые из них оставили свидетельства о том, как их приняли тюрки. Жинагупта, который жил среди племен ту-кю с 574 по 584 г., беспрепятственно проповедовал им свое учение. Прабхакарамистра (626 г.) учил их закону. Хьюань Цанг неустанно восхвалял добродетели своих хозяев и их учтивость. При таком отношении буддисты спасались от преследований китайцев у тюрков так же, как в свое время евреи бежали от византийских погромов к хазарам. Таким образом, тюркский буддизм существует начиная с VI в., но не играет сколько-нибудь значительной роли и остается поверхностным, ничего не меняя ни в образе мышления, ни в образе жизни. Источники убедительно подтверждают сохранение туземных верований, которые разделяются массами и уважаются правящими классами: на «буддистской» стеле в Бугуте в скульптурном виде изображен языческий миф о происхождении, к этой стеле ведет длинная аллея традиционных балбалов. В VIII столетии, несмотря на склонность Бильге-кагана к индийской религии, которая выражается в его желании построить монастырь в городе его мечты, его министр Тонюкук смело, как пишут китайские историки, отговаривает правителя от этой затеи, аргументируя такими словами: «Будда и Лао-Цзы учат людей мягкости и униженности. Но воинам не подходят такие науки».

Аллюзия на даосизм кажется случайной в этом контексте, но в тот ранний период она явно не была частью религиозной жизни тюркютов и в целом Центральной Азии. Наряду с буддизмом по степям прошло много религий, которые оставили там свои следи, о чем мы писали ранее, в частности несторианское христианство и манихейство.

Таким образом, в то время, когда хазары проводили политику терпимости, которая так удивляет историков, тюрки, сохраняя свою древнюю религию, прилежно усваивали великие универсальные религии. Они готовили почву для того необычного уйгурского общества, которое скоро придет им на смену, введет тюрков в лоно высокой культуры и явит миру неслыханное зрелище настоящего экуменизма.

Когда VII в. прошел половину своего пути, глубокие потрясения произошли в Азии и почти решили ее судьбу на следующие столетия. Новую эру открыли два события. В 744 г. – падение тюркютов, а в 751 г. – битва при Таласе, в результате чего китайцы ушли из Центральной Азии, точнее, они утратили возможность китаизировать этот регион, как они делали в прошлом.

Сформировались все главные мировые религии и, за исключением ислама, который только предвкушал свои завоевания, распространились в Азии, на Ближнем Востоке до самого Китая, охватывая центральную часть континента. Местное население горячо приняло их, и они глубоко пустили свои корни в этой почве, обеспечив хороший урожай на буду-

щее. Природная терпимость тюрков, их склонность ко всему, что касается религии, стали благоприятной почвой и обеспечили религиям такую поддержку, какой они, конечно, не имели бы в иных обстоятельствах и местах. Здесь не использовался принцип «кто царствует, тот вершит культ», здесь не было инквизиторов и всего того, что провоцирует мусульманский джихад или христианский крестовый поход, не было китайского фанатизма и национализма. Здесь создавалась уникальная в мировой история вселенная, которая впоследствии озарит своим светом оазисы Ганьсу и Синьцзяна. Но до этого было еще далеко.

Раскол в Великом Тюркском каганате

Начиная с 582 г. между восточными тюрками, тюрками Орхона и западными племенами он-ок произошел раскол. И вскоре соперничество между двумя царствами переросло в вооруженное столкновение, чем не замедлил воспользоваться Китай.

Изначально раскол между восточными и западными тюрками носил характер династической распри.

Рассмотрим катаклизмы 583 г. более подробно.

Итак, кто же были участниками этой распри?

Амрак – старший сын Тобо-хана – совершенно не подходил к той деятельности, к которой был предназначен своим царственным происхождением, предпочитая спокойную жизнь превратностям судьбы властителя.

Торэмен – сын Мугань-хана – властолюбивый, но нерешительный, храбрый в бою, но нерешительный в политике, уступчивый перед сильным, наглый перед слабым. К тому же его мать была всего лишь наложницей-китаянкой Мугань-хана, что весьма негативно отразилось на популярности ее сына.

Шету и Чулохеу – сыновья Кара Иссык-хана. Шету – храбр, умен, решителен, энергичен настолько, что даже жена считала его «по свойствам настоящим волком»; эти качества обеспечивали ему уважение народа и знати.

Чулохеу ни в чем не уступал старшему брату и был весьма популярен в народе. Его удел располагался на восточной границе каганата. Имя его означает буквально «второстепенный князь каменистой пустыни». Очевидно, именно эта «второстепенность» тянула его на сближение с китайцами.

Кара-Чурин Тюрк Тардуш-хан был самой значительной фигурой и при этом дядей всех перечисленных ханов. Он и Шету ненавидели друг друга, хотя и старались скрывать свои чувства.

Итак, в 581 г. Тобо-хан умирает и оставляет свой трон, согласно лествичной системе, сыну своего брата Мугань-хана – Торэмену. Но в закон престолонаследия вносится коррективa: в силу того что у Торэмена мать – наложница и он не пользуется популярностью у тюркской знати, престол передается Амраку. И в принятии этого решения далеко не последнюю роль сыграл Шету, который в качестве аргумента привел «длинное копье и острую саблю». Аргументация оказалась убедительной, но безвольный и слабый Амрак уступил свое место Шету, который вступил на престол под именем Ишбар-каган.

Таким образом, первым ханом стал Ишбар-каган, ставка находилась у гор Отюкен, в центре его восточных владений.

Вторым ханом, западных владений, был Кара-Чурин Тюрк. Ставка Кара-Чурина располагалась у горы Актаг.

Третьим ханом считался безобидный Амрак. Его ставка находилась у реки Толы, среди привольных охотничьих угодий.

Торэман получил удел на северных окраинах государства и титул Або-хана (старейшего хана).

Второстепенные ханы также получили уделы.

Тюркская держава распалась на уделы, причем наиболее крупным и значимым был удел не великого хана, а Кара-Чурина – Семиречье. Тем не менее, обойденный Кара-Чурин не смирился, затаил обиду. Его сторону принял Торэмен.

В это время весьма активно зерна раздора между ханами каганата сеял китайский лазутчик, находившийся при посольстве, – Чжан-сунь Шэ, который был дружен с Шету еще со времен, когда тот был удельным князем.

Чжан-сунь Шэ очень ловко плел интриги и сумел поссорить Ишбар-кагана с Абоханом, а затем и с другими удельными ханами – такова была цель суйского императора.

Объединенный Северный Китай стал сильным государством. Чувствуя это и видя назревавший в Каганате конфликт, новый император Ян Цзянь прекратил платить дань и разорвал дипломатические отношения с тюрками. Это означало объявление войны.

У Бичурина мы находим: «Война оказалась не такой легкой, как предполагали император и его советники. Тюрки сразу взяли инициативу и лишили китайцев возможности использовать численный перевес. Суйская армия растянулась по всей линии Великой стены. Левый фланг упирался в Наньшаньские горы, а правый располагался на равнинах Шаньси. Китайские пограничные войска были разбиты и укрылись за Великой стеной. Тюрки форсировали ее через проходы Мухя и Шиминь, в Ганьсу». Шесть богатых областей Северо-Западного Китая были захвачены тюрками. Ян Цзянь объявил мобилизацию всех сил империи, но спешно укомплектованная армия из крестьян не соответствовала боевой подготовке тюркских войск. После первых же сражений император Ян Цзянь понял, что с такой армией нечего и думать о победе. Военные поражения на фронтах были с лихвой восполнены дипломатической службой. Император Ян Цзянь послал к Кара-Чурину брошь из золота в форме волчьей головы, показав этим, что Китай признает его. Получив политическую поддержку от Китая, Кара-Чурин Тардуш-хан – правитель западной части каганата – объявил о своем неподчинении кагану и заключил сепаратный мир и вывел войска из Китая. Ишбар-каган негодовал.

Что касается Китая, то гегемония Суйской династии покоилась, во-первых, на жестокой вражде, возникшей между западными и восточными тюркютами, и, во-вторых, на неослабевающей потребности в шелковых тканях.

Умный и хитрый император Ян Цзянь понимал, что его армию спасла только распря в Каганате, и он сделал следующий шаг, отправив посольство с дарами, как во времена правления Бэй-Чжоу, к Ишбар-кагану. Посол потребовал, чтобы каган назвался вассалом империи Суй, за что получит войско против Кара-Чурина. Одним словом, в 584 г. Ишбар-каган совместно с китайской армией выступил в поход на запад. Объединенные войска разбили армию Торэмена и захватили в плен его жену и детей. Торэмен с войсками отступил на запад и обосновался возле Пайкенда (Бухары).

Таким образом, в этот критический для Тюркской державы момент Ишбар-каган капитулировал перед империей Суй, вследствие чего китайцы разгромили мятежников, что дало возможность кагану умереть на престоле в 587 г.

После смерти Ишбар-кагана положительную роль в сохранении империи сыграла опять же лествичная система: на трон не решался сесть сын Ишбара Юн Йоллыг, поскольку наследником был Чулохеу-хан, хотя последний и находился в стане врага, западного кагана. По личным качествам он превосходил своего старшего брата Шету.

Между племянником и дядей завязалась переписка, в результате которой, соблюдая законы лествицы, на трон сел Чулохеу-каган, который вместе с престолом унаследовал и политику своего брата: подтвердил союз с империей Суй и повел войну против своего бывшего друга Або-хана.

Противостояние между западными и восточными тюрками было обусловлено тем, что восточные тюрки претендовали на главенство, западные – на самостоятельность.

Воцарение Чулохеу-кагана сразу разрядило обстановку. Многие из числа сторонников Торэмен-хана перешли на сторону нового кагана. Кара-Чурин тоже перестал активно действовать против центральной власти и поссорился с Торэмен Або-ханом, который оказался в полной изоляции. Но, несмотря на свое плачевное положение, Торэмен продолжал политику непризнания кагана и центральной власти. После переговоров с Торэменом, не добившись его повиновения, Чулохеу-каган повел против него восточные войска. На помощь кагану

были посланы войска западного каганата. Ими командовал сын Кара-Чурина Янг Соухтегин. Весной обе армии окружили войско Торэмен Або-хана и заставили его принять битву около Бухары. Войско Торэмена было разбито и рассеяно, а сам он погиб. Покончив с мятежником, Чулохеу-каган оповестил об этом всех в Каганате, надеясь на мирное управление. Но надежды не оправдались: после разгрома и гибели Або-хана усилились распри между востоком и западом. Хан западного крыла каганата Кара-Чурин вновь начал выражать свое неподчинение центральной власти и плести интриги против каганата. Верховная власть решила, что дальше нельзя терпеть Кара-Чурин Тардуш-хана, так как из-за него нет мира в державе.

Зимой 588 г. Чулохеу-каган двинулся на запад против Кара-Чурин Тардуш-хана. После жестокого побоища войска Чулохеу были разбиты, а сам он погиб. Но война не прекратилась, а продолжалась до 593 г. Китайский летописец приводит слова первого министра об этих событиях: «Родные истребляют друг друга подобно ядовитым насекомым». Только в 593 г. мир с Тардуш-ханом заключил Юн Йоллыг – сын Ишбара, ставший каганом после смерти своего дяди Чулохеу. Этот мир восстановил единство каганата и стабилизировал границы между улусами.

Мир, воцарившийся в каганате, лишил китайского императора плодов своих усилий. В 593 г. был обезглавлен последний сторонник Китая – Кинюй-шад, младший брат Юн Йоллыга. Труп казненного каган отправил в Китай как знак того, что в каганате императору не на кого больше рассчитывать. Китайского императора больше устраивала раздробленность каганата, когда ханы и беки ходили к нему поодиночке за подачками в виде помощи. Сейчас же перед ним снова был мощный каганат, требующий выполнения подписанных договоров. Император не стал обострять отношения с каганом, а предоставил полную свободу в проведении своей политики в тюркской державе китайским разведчикам и дипломатам, чтобы они продолжали вносить раскол. Разведчики и на этот раз нашли ему нужного человека. Это был наследник престола, двоюродный брат кагана – Жангар. Он имел удел на северо-востоке и титул Тули-хан. Жангар, по докладу китайского разведчика Чжань-сунь Шэн, был беспринципен, завистлив, труслив, непостоянен и вероломен, т. е. имел все качества, присущие изменнику. И в каганате вновь образовалась прокитайская партия. Однако Кара-Чурин по-прежнему оставался удельным властителем западных областей.

Тюркская держава в 90-х годах VI в. продолжала оставаться внутренне крепкой и грозной для соседей. С этим, безусловно, не мог примириться суйский Китай.

Для тюрков Китай – источник доходов, для Китая тюрки – угроза для своих границ, и вместе с миром 593 г. перед суйцами снова встал единый и могучий каганат, настаивающий на строгом выполнении торгового договора, столь убыточного для Китая.

В это время фактическим правителем каганата стал Кара-Чурин. Неизбежность войны с Китаем была очевидной. Центральную Азию Кара-Чурин держал крепко: в Пайкенде сидел его внук Нили-хан, в Чаче (Ташкенте) – другой внук – Шегуй.

Здесь следует остановиться на отношениях западных тюрков и согдийцев. Если западно-тюркские каганы черпали у степных племен Семиречья и Чуйской долины силу, то богатство текло в их руки из оседлых владений Центральной Азии и бассейна Тарима. Согдиана в конце VI – начале VII в. была раздроблена на мелкие княжества и не имела сил к объединению. Безопасность их торговых караванов, возделанных садов, мастерских, городов гарантировали каганы западной ветви тюрков, при этом последние не вмешивались в дела своих подданных – согдийцев. Много хорошего видели согдийцы от западных ханов, потому были им надежной опорой.

В начале VII в. Центральная Азия была на гребне своего экономического и культурного расцвета: торговля, земледелие и ремесла развивались с предельной быстротой; религиозные культы мирно уживались друг с другом; шелк, перевозимый из Китая в Византию, частично оседал в Пайкенде, Самарканде, Чаче, Кашгаре, Куче и Турфане в виде золотых

слитков. И все это благополучие было результатом подчинения Согдианы тюркским каганам. Этот, ставший традиционным союз с согдийскими купцами неизбежно влек за собой вражду с Ираном.

В 598 г. китайская армия вступила в Степь, началась война с Китаем.

В войне участвовали войска восточного и западного крыла Каганата. Западным крылом командовал сам Кара-Чурин-хан. На стороне китайцев открыто выступил Жангар.

Зимой 598/599 г. тюркская конница обошла китайские линейные войска и обрушилась на ставку Жангара, которая была расположена к югу от Великой стены. Братья, дети и все родственники Жангара были убиты, а сам он бежал в китайскую крепость. Император принял участие в укрывательстве Жангара и не жалел дорогих подарков изменникам.

Летом 599 г. произошла битва между армией Кара-Чурина и суйской армией под командованием генералов Гао Фаня и Ян Со. Кара-Чурин потерпел поражение и отступил. Армия восточного крыла во главе с Дулань-каганом громила другую китайскую армию, а также войско Жангара, подаренное ему императором. Удачное наступление восточной армии остановилось только после того, как китайскими разведчиками был убит Дулань-каган. Не созывая курултая, Кара-Чурин объявил себя великим каганом. Таким образом, был нарушен закон о престолонаследии. Восточные тюрки стали называть Кара-Чурина узурпатором.

В 601 г. Кара-Чурин вторгся в Китай и разбил армию генерала Хань Хуна; другой отряд тюрков разгромил кочевья Жангара, увел людей и скот. Но неожиданно, подстрекаемая китайскими агентами, подняла мятеж конфедерация десяти телесских племен: повстанцы разбили западных тюрков.

На востоке Кара-Чурин оказался отрезанным от своего удела, и восточные тюрки бросили его в беде. Кара-Чурин бежал в Тогон, где был убит тибетцами.

Когда Кара-Чурин объединил обе половины Каганата, это не вызвало сопротивления на востоке, но как только он был разбит, восточные тюрки бросили его. Погибла его личная дружина, очевидно, состоявшая из западных тюрков.

Между родственниками погибших и предателями пролилась кровь, каганаты пребывали в состоянии кровной вражды, и воссоединение стало невозможным.

Китайцы торжественно возвели Жангара на трон, и сопротивляться было некому. В конце 604 г. Жангар стал признанным каганом Восточного каганата, который навсегда отделился от Западного. Империя Суй праздновала полную победу.

Никогда прежде в своей истории Китай не достигал такого величия, такого авторитета, и никогда не достигнет позже: империя входила в свою самую славную эпоху.

Что же касается тюркской державы, то ее восточное крыло стало вассалом Китайской империи Суй. Китай постепенно распространил свое влияние на Центральную Азию, и тюрки в конце концов попали в полную зависимость от него.

Окитаивание тюрков встретило серьезное сопротивление. Среди тюркского народа начались волнения, открыто выражалось недоверие кагану. Видя это, китайское правительство стало опасаться тюрков. Оно не без оснований полагало, что воля кагана далеко не отражает настроений народа. Оказавшись в плачевном положении, Жангар написал письмо китайскому императору: «Я подчиняюсь Вам, плачу налоги и посылаю ценные подарки, но с моей помощью Вы хотите, чтобы мой народ изменил свой язык, стриг длинные волосы, одевался по-китайски, принимал ваши обычаи и законы, чего фактически сделать невозможно. К этим вопросам нация относится чувствительно и объединяется как одно-единое сердце».

В 608 г. Жангар умер. Китайский император Ян-ди назначил каганом его сына – шада Дуги. Это было прямое нарушение тюркского закона о престолонаследии, но Ян-ди полагал, что китайское правительство полностью подчинило всех восточных тюркских ханов и беков. Ключевые позиции китайцы заняли сами, на прочие были поставлены безвольные

либо купленные, либо полностью подчиненные, подконтрольные им беки, а поэтому уже можно было и не стесняться.

Дуги принял титул Шибир-хан и взял в жены китайскую принцессу – вдову своего отца, по сути, китайскую разведчицу.

Став каганом, Шибир-хан повел политику, прямо противоположную своему отцу. Он окружил себя верными беками и старейшинами, настроенными против Китая. Все это весьма встревожило китайское правительство. К военным действиям против Китая побудило предложение китайских агентов младшему брату Шибир-хана, Чики-шаду, участвовать в заговоре против кагана с последующим восшествием на престол, о чем Чики-шад поведал брату. Началась война. Но в это время в империи Суй из-за непосильных налогов, неудачных войн в Корее, жестокости императора произошло восстание. За 614 г. в Китае вспыхнуло пять восстаний: восстали князья, генералы, атаманы разбойничьих шаек, восстал народ. Шибир-каган принял в смуте самое активное участие. Наиболее сильным повстанческим отрядам и претендентам на императорский трон он посылал лошадей и знамена с золотой волчьей головой.

Настало время, и тюрки сполна отплатили китайскому правительству за недавнее унижение. Войска восточного крыла каганата совершали опустошительные набеги в глубь Китая, в результате чего Шибир-каган стал фактическим хозяином империи Суй.

В ходе гражданской войны одержал победу генерал Ли Юань, полукитаец-полутюрк, который сверг императора, отразил нашествие тюрков и основал династию Тан. Это стало переломным моментом не только для Китая, но и для всей Азии.

Китайский полководец, администратор и выдающийся политик Ли Юань, подобно Александру Македонскому, стремился не просто завоевать страны с разными культурами, но и сроднить эти культуры – цивилизованного Китая и кочевых варваров.

Культурный обмен поначалу воспринимался весьма позитивно. Китайцы полагали, что политическая обстановка благоприятствовала этому процессу – немало китайцев, бежавших от суйской тирании, осело в кочевьях и породнилось с тюрками. Их принимали на службу, не интересуясь, кто они – китайцы или тюрки. Казалось бы, много хорошего было заложено между китайцами и тюрками в тот период: составлен китайско-тюркский словарь (к сожалению, не сохранился), при императорском дворе исполнялась тюркская музыка, шел постоянный обмен людьми, одежда и нравы тюрков импонировали китайской знати и, наконец, совершенным жилищем для китайцев представлялось тюркское жилище – юрта.

Заигрывая таким образом, танские китайцы надеялись восстановить мир с соседними варварами. Но эта, в целом лицемерная политика свидетельствовала о том, что Китай претендует на мировое значение, стремясь объединить свою страну с Великой степью. Это был внешний антураж, а что же происходило изнутри?

619 г. был и для Китая и для Восточно-тюркского каганата годом кризиса: столкновение между ними стало неизбежным.

Установление в Китае сильной власти грозило восточным тюркам гибелью их самостоятельности, как политической, так и экономической. Поэтому тюркские ханы всеми силами поддерживали все восстания и беспорядки, возникавшие в Китае, и давали прибежище тысячам политических эмигрантов. Тюрки возобновили набеги на Китай. Однако их нажим не так скоро, но все-таки ослабел, и империя Тан получила передышку – и вот по какой причине.

Племена телесцев, кочевавших к северу от Великой пустыни Гоби, составляли большую часть земель восточно-тюркского хана. Тюрки, используя их раздробленность, облагали эти племена высокими налогами и насильно забирали в свои войска. Так вот, племена уйгуров, буту, тонгра и байырку объединились и восстали под знаменами рода Яглакар, впо-

следствии ставшего во главе Уйгурского каганата. Восточные степи оказались во власти повстанцев.

Здесь, очевидно, следует отметить, что изначально уйгурский племенной союз и Тюркский каганат имели противоположные направления развития, и их столкновение – это столкновение двух систем. Между ними была масса расхождений: антропологических, психологических, миропонимания. Основной показатель их тюркской общности – лингвистический: говорили они на одном языке. Уйгуры, как и тюрки, до последнего отстаивали свою свободу, однако, в отличие от тюрков, победив, уйгуры разбредались по своим кочевьям, давая врагу возможность оправиться. Поэтому вскоре тюрки смогли вновь продолжить войну против империи Тан.

Что же касается Западного каганата, то на тот момент владения западных ханов охватывали всю Джунгарию, и только хребет Монгольского Алтая разделял их. Поскольку Кара-Чурин и его внук Нили погибли, брат Кара-Чурина Басы-тегин – законный наследник престола – томился в китайском плену, главенствовал союз пяти тюркских племен под названием Дулу, а ставка орды находилась в долине реки Или, в Семиречье.

Беки и старейшины союза Дулу, осознавая, что в каганате нет центрального управления, захватили власть и без созыва курултая возвели на престол сына Нили-хана Тамана с титулом Нигю Чуло-хан. Государственный переворот, совершенный союзом племен Дулу, явился для всего Западного каганата полной неожиданностью. Но когда об этом стало известно, многие тюркские племена стали выказывать неповиновение правительству. Восточные области отпали, на караванных дорогах начались грабежи. Внутри страны положение становилось угрожающим. Некоторые тюркские племена стали самостоятельно заключать союз с Китаем. Появился и претендент на престол, у которого сразу нашлись сторонники. Это был бек Шегуй – внук Кара-Чурина, который имел удел Чач и его области.

Китайская дипломатия, предчувствуя назревающую гражданскую войну, не осталась в стороне от событий. Китайское правительство оказало поддержку Шегую, который в 612 г. немедленно выступил в поход против войск Тамана и наголову разбил их. Таман бежал на восток, но там попал в плен к китайцам. Китайское правительство выдало его послу Шегуя, который его и убил.

С гибелью Тамана закончилась гражданская война. Его приверженцы были разделены на три малые орды. Шегуй с титулом Тунджабгу-хан на курултае был избран ханом Западного каганата. Внутреннее положение каганата упрочилось, внешние затруднения рассеялись. Самая острая проблема – существование в Джунгарии независимой телеской конфедерации – разрешилась сама собой. В 619 г. оба телеских вождя – кибисский Мохэ-хан Гаяэн и сеяньтоский Ишбар – отреклись от титулов и добровольно подчинились Тун-джабгу-хану. Грабежи на караванных дорогах прекратились.

Тун-джабгу-хан расположил свою ставку в зеленой степи, к северу от Чача. Это был центр его обширных владений. Здесь он принимал посольства от восточного (китайского) и западного (византийского) императоров.

По старой древнетюркской традиции Западный тюркский каганат разделился на восточное и западное крыло. Первым лицом после кагана был ябгу. На эту должность Тунджабгу-хан назначил своего младшего брата Мохо-шада. Он стал правителем западных областей и первым лицом после хана. Старший брат Нишу Гян-шад был назначен удельным беком в Бухаре. Территория современного Западного Казахстана называлась в те времена Сибирью. Удельным беком этой области Тун-джабгу-хан назначил своего дядю, который впоследствии принял титул Кюйлюг Сибир-хан.

С установлением мира в Западном каганате жизненный уровень кочевников и жителей городов поднялся. Доходы в казну возросли, усилилась и мощь армии.

Вот как описывает внешний вид богатого и роскошного двора западнотюркского хана китайский монах Сюань Цзан, встретивший Тунджабгу-хана на охоте: «Хан был одет в халат из зеленого атласа, голова его была не покрыта, только узкая шелковая лента перехватывала лоб и удерживала волосы, ниспадавшие на плечи. Хана окружала свита из двухсот всадников, одетых в меховые или полотняные одежды и вооруженных длинными копьями с флажками и прямыми луками. Их было так много, что конца войска не было видно». Однако, несмотря на богатство, сытость и праздность, сохранилось поклонение интеллекту, восхищение им. Нищего китайского монаха встретили, накормили. Хан с вниманием выслушал его и дал все необходимое для дальнейшего путешествия в Индию, откуда Сюань Цзан обещал привезти крупицу мудрости.

Восточные и западные тюрки и их роль в мировой войне

Западный каганат продолжал расширять свои территории на западе. В это время перед западными тюрками были две нерешенные проблемы: покорение аваров и прокладывание через Иран дороги для «шелковых караванов». Разрешение этих проблем было делом довольно сложным, и, безусловно, своих сил не хватало. Необходимо было иметь союзником Византию, но персы и авары зажали ее в тиски.

Талантливый полководец Византии Ираклий, ведя мудрую политику с аварами, спас Константинополь и повел армию на персов.

Эта война 623 г. рассматривалась современными историками как «крестовый поход» за христианскую религию, ибо персы осквернили Иерусалим.

Однако Ираклий оказался одинок перед лицом врага, и в 625 г. он был вынужден отправить своего представителя к хазарам. Из ставки хазар был дан ответ: «…я приду сам с храбрыми войсками моими на помощь ему (Ираклию), совершу угодное ему делами воинскими, мечом моим и луком, как он этого желает».

Любопытно то, что с этого момента византийские историки отождествляли западных тюрков и хазар, считая последних опорой Каганата в степях Прикаспия.

Таким образом, западные тюрки были втянуты в войну Византии и Ирана (здесь следует отметить, что западные тюрки оставались в дружеских отношениях с Китаем), и, вследствие чего, было образовано две коалиции: Китай, Западно-тюркский каганат, Византия и Восточно-тюркский каганат, Иран и держава аваров.

У членов первой коалиции было стремление установить свободную торговлю между Европой и Китаем.

Цели второй коалиции были различны: аваров интересовал грабеж; у Ирана были давние счеты с Византией, Восточно-Тюркскому каганату, как мы отмечали ранее, не нужен был сильный Китай, и они постоянно в него вторгались: 621, 622, 623, 625 гг. Лишь в 626 г. на реке Вэй был заключен мир, и, очевидно, этому способствовало подготавливаемое выступление западных тюрков, союзников Китая.

В последующие три года после заключения мира империя Тан набралась сил, а восточные тюрки упустили инициативу из своих рук.

Тем временем западнотюркский хан, узнав о мире на реке Вэй, успокоился за свою восточную границу и перекинул часть войск в поддержку византийцев.

Иранцы же, не придавая тюркам большого значения, уверовали в неприступность дербентского укрепления, которое перекрывало дорогу в Закавказье. Дербентское укрепление представляло собой мощную стену протяженностью 40 км от гор до Каспийского моря.

Штурм Дербента тюрками и хазарами весьма красочно описан историками тех лет.

Падение Дербента вызвало панику. Затем наступила очередь Грузии. Тюрки и хазары окружили и осадили изнеженный, торговый, славный и великий город Тифлис. Тогда же к ним присоединился император Ираклий. Осенью 627 г. он снял осаду, вышел к Тигру и в декабре разбил персидское войско.

Безусловно, без тюрко-хазар, победивших персов в Закавказье, вряд ли Ираклий победоносно завершил бы свой поход. Ресурсы Ирана были исчерпаны.

В феврале 628 г. персы запросили мира, однако это был сепаратный мир: тюрко-хазары продолжали войну с Ираном один на один.

Итак, зимой 628 г. западные тюрки вновь вступили в Закавказье и подошли к стенам Тифлиса. Город был разграблен. Но на сей раз это было не просто ограбление страны, а

присоединение ее к своим владениям, поскольку через Каспийское море и Кавказ можно также было провозить шелк в Константинополь.

Однако власть в западнотюркских владениях держалась только «на копье». Войско же не было монолитным, как и сам каганат. Соперничество племенных группировок обострило противоречия внутри страны, в результате чего произошли события, которые спасли Иран; восстания в армии и падение Восточного каганата вынудили Тун-джабгу-хана выехать из Закавказья в Центральную Азию, перепоручив дальнейшие военные действия своему сыну Дури-шаду, армия которого не смогла устоять против персов.

По возвращении хана в ставку произошел переворот, в результате которого он был убит своим дядей, захватившим престол и принявшим титул Кюйлюг Сибир-хан. Убийство Тун-джабгу-хана настроило против новой власти тюркских беков и старшин. Началось восстание во главе с законным наследником Нишу-шадом, которое Сибир-хан проиграл, так как народ не примкнул к нему. Сибир-хан бежал к Алтайским горам, но в 631 г. был настигнут и убит.

С 631 по 639 г. сменился ряд ханов, совершенно невыразительных в своем правлении, поэтому остановимся на Ирбис Ишбар Джабгу-хане, во время правления которого, с помощью китайской дипломатии, началась смута в Западном каганате. Китайский император, пользуясь ситуацией в каганате, потребовал от хана несколько восточных областей. Требование спровоцировало войну.

Началась продолжительная и изнурительная война с превосходящей в силе императорской армией, в которой кроме китайцев участвовали уйгуры и другие тюркские племена Восточного каганата, добровольно признавшие себя вассалами китайцев.

Ишбар-хан мобилизовал всю свою армию, чтобы остановить наступление войск императора, но потерпел поражение и ретировался в Таласскую долину. Следующее сражение состоялось в 657 г., и тюрки Западного каганата вновь были разбиты. Ишбар-хан умер в китайском плену в 659 г. После чего покорение Западного каганата пошло быстро: крупные города Западно-Тюркской державы признали себя вассалами империи.

Беспорядки охватили всю тюркскую державу. Тюрков выбивали из их крепостей, которые затем переходили в руки китайского императора. Военные неудачи тюрков оказались роковыми: армия была разгромлена. Восточно-Тюркская держава перестала существовать. В 660 г. Западно-Тюркская держава как независимое государство погибла и больше никогда не воскресала.

С 630 по 681 гг. Китай осуществлял настоящий протекторат над императорским домом в Орхоне и прочно утвердился в западных уделах.

На этой трагической для западных и восточных тюрков ноте сделаем паузу и обратимся к главным племенным группам, проживающим в евразийских степях, инициатива к которым перешла сразу после смерти Аттилы: булгарам, венграм, печенегам, – и особо остановимся на Хазарском каганате, чья роль в мировой истории была велика.

Булгары. Предполагается, что булгары происходят от гуннов, отступивших на восток, и от различных групп, пришедших еще раньше из Азии. Они сами, или их правящий клан Дуло, считали себя потомками сына Аттилы, Ирника, память о котором они хранили до VIII в. включительно, хотя странным образом забыли о его великом отце. Об этом свидетельствует их имя, деепричастие на «ар» от тюркского слова «булга» («перемешиваться»), что значит «смешанные люди». Тем не менее языковые особенности булгар, как и их потомков – чувашей, указывают на их разрыв с общим тюркским древом.

Впервые они упоминаются в 480 г. в районе между Каспийским морем и Дунаем, где они были союзниками византийца Зенона в борьбе против готов, поддерживавших аваров, которые двигались к Черному морю. Во второй половине VI в. булгары подпали под владычество аваров, ставших новыми завоевателями степей Юго-Восточной Европы. Под предводительством Кубрата, вождя булгар (воспитывался в Византии, принял крещение в 619 г.),

аварское могущество в Причерноморье было сокрушено в 635 г. Возникло новое государство, Великая Булгария, просуществовавшее, однако, только до кончины своего основателя (642 г.). Пять сыновей Кубрата поделили между собой булгарские племена и земли в Предкавказье и Приазовье. Этот раздел облегчил задачу хазар, которые пришли из глубин Азии и в конце концов заставили булгар перегруппироваться в три орды.

Под давлением новых захватчиков первая булгарская орда осталась на месте в качестве вассала, и ей было суждено раствориться в массе других этносов западной части Кавказа.

Вторая орда во главе с Исперихом (644–702) ушла на запад. В 679 г. она перешла Дунай, а в 680 г. обосновалась в стране, которая позже стала называться Болгарией. Она была опасным соседом для Константинополя и не раз осаждала его, в частности в 762 г., затем в 811 г., когда хан Крум (803–814 гг.) разгромил и убил императора Нисефора I, причем по тюркскому обычаю он приказал сделать из его черепа кубок. Смешавшись с южными славянами, эта орда быстро ославянилась. Процесс ассимиляции ускорился, когда Борис I в 864 г. или 865 г. перешел в христианство. С тех пор балканские булгары уже не имели никакого отношения к тюркской истории.

Третья орда поднялась вверх по течению Волги и основала в конце VIII в. хорошо организованное царство на месте слияния Волги и Карды, известное как Великая Булгария, Волжская, или Камская, Булгария. Его столица Булгар, находившаяся в сотне километров от нынешней Казани и пришедшая в упадок, – это одно из самых древних тюркских поселений, где были проведены раскопки.

При наличии богатой волжско-булгарской литературы, состоящей в основном из поздне-исламских погребальных надписей (XIII–XIV вв.), самым важным языковым документом считается «Список булгарских принцев» – это 14 страниц, вставленных в хронику на древнеславянском языке, который относится к концу XIII столетия и вызывает много вопросов. Список содержит две части. В первой приводятся имена принцев, живших по ту сторону Дуная, во второй части перечисляются имена Исперика и его преемников вплоть до Умора, умершего в 763 г. Ирник, сын Аттилы, упомянутый в первой части, прожил, как сказано, 150 лет, а его отец Аттила – 300 лет. Такое мифическое долгожительство потребовалось хронике ру только для того, чтобы локализовать этих персонажей во времени.

Венгры. В первые века христианской эры это кочевое племя было вытеснено с прежней своей территории на Урале и мигрировало через степи на юг, чтобы остановиться в междуречье Дона и Кубани. Так они стали соседями хазар еще до того, как те приобрели значимость. Венгры были союзниками хазар, причем союзниками добровольными, с самого зарождения Хазарской империи.

Примерно с середины VII в. и до конца IX в. они оставались подданными Хазарии. Примечательно, что между венграми и хазарами не было зафиксировано ни одного конфликта, хотя по отдельности они то и дело воевали со своими близкими и дальними соседями: волжскими булгарами, дунайскими болгарами, огузами, печенегами, не говоря об арабах и русах. Из того, что венгры доминировали над соседями-славянами и собирали с них дань, Тойнби делает вывод, что «хазары использовали венгров как своих агентов, хотя венгры, несомненно, умели извлекать из этого пользу для себя».

Приблизительно тогда же, когда был построен Саркел, венгры совершили переход на западный берег Дона. Начиная с 830 г. почти весь народ переселился в район между Доном и Днепром, названный позже Леведией. Почти полвека все было тихо. За это время отношения между венграми и хазарами сделались еще теснее. Кульминацией в их отношениях стали два события: сначала хазары одарили их царем, основавшим первую венгерскую династию, потом несколько хазарских племен примкнули к венграм и глубоко преобразовали их этнический характер. Это привело к целому ряду последствий. По меньшей мере до середины X в. в Венгрии говорили одновременно по-венгерски и по-хазарски. Так Бьюри пишет:

«Результатом этого двуязычия стал смешанный характер современного венгерского языка, что используют в своей аргументации противные стороны в споре об этнической принадлежности венгров». У Маккартни находим: «Все, что мы знаем о происхождении венгров определенно, – это то, что они состояли в родстве с финнами и что их язык принадлежит к так называемой финно-угорской языковой группе, вместе с языками вогулов и остяков, населявших леса Северного Урала».

Тесное взаимодействие хазар и венгров закончилось в 898 г., когда венгры, противившись с евразийскими степями, пересекли Карпатские горы и завоевали территории, ставшие с той поры их родиной.

В X в. они составили вторую волну Великих западных походов, причем одну из наиболее разрушительных.

Таким образом, косвенно, по дьявольской логике истории, хазары способствовали созданию Венгерского государства, а сами исчезли в тумане веков.

Кстати, владычество тюркоязычных народов над венграми ни в коей мере нельзя считать причиной того, что мусульманские или византийские источники, в частности Константин Порфирогенет, классифицируют их как тюрков. Позже мусульмане считали тюрками русских или славян. Похожий образ жизни и восточное местонахождение – вот и все аргументы, достаточные для того, чтобы навесить ярлычки, не заботясь об исторической точности.

Современная Венгрия, в отличие от других малых стран, не имеет языковых связей с соседями: венгры остались этническим анклавом посреди Европы.

Печенеги – тюркские племена, обитавшие в заволжских степях в VIII–IX вв. Зажатые в заволжских степях между значительно более сильными соседями – огузами (гузами), кыпчаками и Хазарским каганатом, печенеги стали двигаться к западным рубежам своих кочевий. Хазары попытались остановить движение печенежских орд. Каган заключил союз с огузами, надеясь силами союзников разгромить неожиданных захватчиков. Однако результат этого соглашения оказался совершенно противоположным. Огузы пошли войной на печенегов, живущих в Заволжье, одержали победу и потеснили их. Тогда, теснимые огузами, печенеги оставили свои земли, и основная часть направилась на запад, круша все на своем пути. Переправившись через Итиль, они стали занимать (донские) степи, разрушив большинство богатых земледельческих поселков степной и лесостепной зон Подонья. Население тюрков-хазар частично уничтожили, а остальные вошли в кочевые подразделения печенегов.

Приблизившись к Днепру, печенеги подошли к владениям венгров, живших тогда в днестро-днепровском степном междуречье, называемом Ателькуза. Воспользовавшись тем, что основные силы венгров отправились в поход, печенеги ворвались в их страну, истребили (как пишет византийский историк и император Константин Багрянородный (913–959 гг.)) их семьи и прогнали воинов, оставленных для охраны кочевий. Вернувшиеся из похода венгры нашли свою землю занятой свирепыми врагами. Убедившись, что им уже не удержаться здесь, венгры повернули на запад и двинулись через Карпаты в Подунавье. Добившись там победы, они поселились на богатых землях Паннонии. Случилось это в 898 г.

Разрушив города и поселения в Восточном Крыму, печенеги заняли степи от Итиля до Дуная.

В последние десятилетия IX в. печенеги, очевидно, доминировали на всей равнине, которую омывает Черное море, от нижней излучины Дона до Молдовы.

Вот что пишет Константин Багрянородный о печенегах, обитавших в восточно-европейских степях в середине X в.: «Восемь тюркских племен, объединившись в один союз, или народ, называются баджанг (свояк). Каждое племя во главе со своим вождем кочует отдельно, в строго очерченных своих границах».

В торговом городе-крепости Саркел селились печенежские наемники. К ним постоянно присоединялись выходцы из огузских орд. Так постепенно вырастала печенежско-огузская орда.

Власть была выборная, и ханы наследовали ее двоюродным братьям или детям двоюродных братьев, чтобы власть не оставалась постоянно в одной ветви рода и чтобы ее получили также и родичи по боковой линии.

Гардизи превосходно описывает их бесчисленные стада и богатства – вазы и пояса, военные трубы в виде голов животных, прекрасное оружие.

Агрессивно настроенные против малейшего намека на цивилизацию и мирное существование, печенеги отказались от мудрой политики своих предшественников, обитавших в этих местах. В 934 г. они заключили союз с венграми, своими вчерашними врагами, дабы захватить Фракию; в 944 г., чтобы вести борьбу против Византии, они стали союзниками князя Игоря, который был русским в очень малой степени и сделался таковым позже, в памяти поколений.

Когда хазары исчезли по причине того, что Киевское княжество достаточно усилилось, чтобы помешать им продвигаться на север, либо потому, что северные земли не интересовали их, печенеги предприняли бешеный натиск на Византийскую империю, в войсках которой, между прочим, было немало их соплеменников-наемников. Они нападали на Византию в 1026, 1061, 1064, 1087, 1088—89 и 1090 гг.

Это были тяжкие времена для Второго Рима. Его постоянно атаковали тюрки-варвары, тюрки-мусульмане, т. е. тюрки, вышедшие из недр самой высокой цивилизации той эпохи. Базилеус Диоген был вынужден выступить против них и на восточной окраине своей империи в 1071 г. потерпел поражение и попал в плен в битве при Манцикерте. Печенеги, также бывшие у него на службе, перешли на сторону противника, т. е. своих братьев по расе, что, впрочем, очень часто случается в истории.

Итак, в результате цепной реакции, начавшейся на Урале – огузы потеснили печенегов, печенеги – венгров, венгры – болгар и моравов, – карта Центральной Европы стала приобретать свой сегодняшний облик.

Хазарский каганат. В те времена, когда Карл Великий носил корону императора Запада, на восточной окраине Европы, между Кавказом и Волгой, властвовало иудейское государство, известное как Хазарская империя. На пике своего могущества, с VII по X в., оно играло важную роль в судьбах средневековой Европы. Константин Багрянородный, должно быть, хорошо знал положение дел, когда отметил в «Книге о церемониях византийского двора», что на посланиях папе Римскому и императору Запада золотая печать должна быть достоинством в два солида, тогда как печать на посланиях правителю хазар – в три солида. Дж. Бьюри писал: «Вероятно, хазарский хан значил для византийской внешней политики никак не меньше, чем Карл Великий и его преемники».

Страна хазар занимала стратегическое положение между Черным и Каспийским морями, где в те времена сталкивались интересы крупнейших восточных держав. Она играла роль буфера, защищавшего Византию от вторжения сильных варварских племен из северных степей – булгар, венгров, печенегов и др., а позднее викингов и русских.

Однако более важен с точки зрения византийской дипломатии и европейской истории тот факт, что хазарские армии реально воспрепятствовали арабскому нашествию на раннем, самом разрушительном этапе и тем помешали арабскому завоеванию Восточной Европы. У Данлопа мы находим: «Земли тюрков-хазар… лежали на пути естественного продвижения арабов. За считаные годы после смерти Магомета (632 г.) армии Халифата, прорываясь на север и круша две империи, достигли великой горной преграды – Кавказских гор. Стоило преодолеть этот барьер – и перед ними открылся бы путь в Восточную Европу. Но как раз на кавказском рубеже арабы столкнулись с организованной военной силой, поме-

шавшей им продолжить завоевание в этом направлении. Войны арабов и хазар, продолжавшиеся более столетия, но ныне почти неизвестные, имели большое историческое значение. Франки под предводительством Карла Мартелла отразили арабское вторжение в битве при Пуатье (732 г.). Одновременно Европе грозила не менее серьезная опасность с востока… Победоносные мусульмане были остановлены силами Хазарского царства… Вряд ли можно сомневаться, что если бы не хазары, населявшие области к северу от Кавказа, то Византия, оплот европейской цивилизации на востоке, была бы обойдена арабами с флангов, и тогда история христианства и ислама сильно отличалась бы от известной нам сегодня».

Учитывая эти обстоятельства, не приходится удивляться, что в 732 г., после громкой хазарской победы над арабами, будущий император Константин V (741–775 гг.) женился на хазарской принцессе. Со временем их сын стал императором Львом IV (775–780 гг.), известным под именем Лев Хазар.

Союз был выгоден обеим сторонам – одним он дал могучего союзника, другим – важный торговый путь для товаров из Дальнего Востока и экспорта развитой культуры, – поэтому он был почти безоблачным и зиждился на взаимовыгодных интересах, по крайней мере в течение первых столетий.

Так кто же были эти удивительные люди, удивительные как своим могуществом и достижениями, так и переходом в религию иудеев?

В некоторых персидских и арабских хрониках можно найти занятное сочетание легенд и слухов. Начинаться они могут с Сотворения мира. Так, арабский историк IX в. Якуби прослеживает историю хазар до библейского Яфета, третьего сына Ноя. Возведение родословной того или иного народа к потомкам Ноя – традиционная тема в средневековой литературе, хотя встречаются и другие легенды, связывающие хазар то с Авраамом, то с Александром Македонским.

Одно из наиболее ранних фактических свидетельств о хазарах содержится у сирийского хрониста VI в. Захарии Ритора, упоминавшего хазар в списке народов, населявших Кавказ. Судя по другим источникам, хазары заявили о себе столетием раньше, причем в тесной связи с гуннами. В 448 г. византийский император Феодосий II направил к Аттиле посольство, включив в него знаменитого ритора по имени Приск (см. «Империя Аттилы»). Тот подробно записывал не только дипломатические переговоры, но и все, что касалось придворных интриг и событий на пышном приеме у Аттилы; оказавшись превосходным эклектиком, он оставил нам один из главных источников сведений об обычаях и привычках гуннов. Приск писал и об одной народности, покоренной гуннами, которую называет «акатцирами» – скорее всего, речь идет об «ак-хазарах», или «белых хазарах» (в отличие от «черных» кара-хазар). Приск свидетельствует, что византийский император пытался переманить этот воинственный народ на свою сторону, но хазарский вождь по имени Каридах счел посулы недостаточными и примкнул к гуннам. Аттила нанес поражение вождям, враждовавшим с Каридахом, сделал его полновластным правителем акатциров и пригласил к себе в гости. Каридах поблагодарил за приглашение, но заявил, что «трудно смертному смотреть в лицо богу. Нельзя смотреть на солнечный диск, тем более в лицо величайшему из богов, не рискуя обжечься». Аттила был, видимо, польщен, ибо не отнял у Каридаха право на власть.

Крушение империи гуннов после смерти Аттилы образовало в Восточной Европе вакуум власти, куда волнами устремились с востока орды кочевников, среди которых выделялись уйгуры и авары. Хазары в то время как будто довольствовались набегами на закавказские земли Грузии и Армении, захватывая богатую добычу. Во второй половине VI в. они стали доминирующей силой среди северокавказских племен. Многие из этих племен – сабиры, сарагуры, самандары, баланжары и другие – перестают с той поры упоминаться в источниках: их либо подчинили, либо поглотили хазары.

Прежде чем образовать суверенное государство, хазарам пришлось побывать под властью еще одной державы – Западно-Тюркской империи.

В первые десятилетия VII в., до того как из Аравии нагрянул мусульманский смерч, на Среднем Востоке властвовал триумвират держав: Византия, Иран, Западно-Тюркский каганат. Первые две непрерывно воевали друг с другом на протяжении столетия и стояли на краю краха; Византия впоследствии оправилась, но Иранское царство было обречено, и хазары фактически привели приговор в исполнение.

Номинально они еще оставались под властью Западно-Тюркского каганата, в рамках которого представляли наибольшую силу. Поэтому император Ираклий заключил в 627 г. военный договор с хазарами – первый в череде нескольких таких договоров, – готовясь к решающей войне с Ираном. Хазары поставили под знамена Ираклия 40 тыс. всадников под командой вождя Зиевила, но вскоре, устав, видимо, от чрезмерно осторожной стратегии греков, развернули коней и осадили Тифлис. Осада успеха не принесла, и на следующий год они снова объединили силы с Ираклием, захватили грузинскую столицу и вернулись с богатой добычей.

После заката восточных и западных тюрков в середине VII в. пришел черед хазар править Северным царством, как оно именовалось персами и византийцами. По одной из легенд, во дворце великого персидского шаха Хосрова Ануширвана (Благословенного) стояло три золотых гостевых трона специально для императоров Византии, Китая и Хазарии. Ни тот, ни другой, ни третий так и не посетили Иран с государственным визитом, так что золотые троны – если они существовали – играли, видимо, чисто символическую роль.

Примерно в то время, когда Западно-Тюркская конфедерация распалась на племенные тюркские союзы, прежний треугольник держав сменился другим: исламский Халифат – христианская Византия – новообразованное Хазарское царство на севере.

Таким образом, Хазария была первым феодальным государством Восточной Европы, стоявшим в одном ряду с Византийской империей и Арабским халифатом. Лишь благодаря мощным набегам хазар, отвлекавшим арабские армии на Кавказе, выстояла Византия. Важно отметить, что основной вклад хазар в мировую историю заключался в успешном отстаивании кавказского рубежа от рвавшихся на север арабов.

Хазарский каганат отличался веротерпимостью. Основной религией было тэнгрианство. Чтобы усилить свое влияние в Хазарском каганате, Византия старалась через купцов и миссионеров внедрять христианство. Так в хазарских городах для купцов были построены церкви. Арабский халифат для распространения в каганате ислама затрачивал энергию не меньшую, чем Византия.

В начале VIII в. мир был строго разделен между двумя сверхдержавами, олицетворявшими христианство и ислам. Их идеологические доктрины находили выражение в силовой политике, осуществлявшейся классическими методами пропаганды, силового давления и военных захватов. Хазарская империя представляла собой третью силу, доказавшую свое равенство двум другим и в роли противника, и в роли союзника. Но сохранить независимость Хазария могла, лишь избежав принятия христианства или ислама, в противном случае она оказалась бы подчинена власти византийского императора либо багдадского халифа.

Обе силы упорно старались обратить хазар в христианство или в ислам, однако старания эти приводили лишь к обмену дипломатическими любезностями, основанными на взаимных интересах. Полагаясь на свое военное могущество, Хазарский каганат, имея в тылу вассальные племена, решительно отстаивал свое положение третьей силы, возглавляющей независимые степные народы.

Обращение в одну из этих религий означало бы подчинение, конец независимости и потому было неприемлемо. Разве не логичнее в этой ситуации было перейти в третью веру,

не связанную с другими двумя, но в то же время послужившую той и другой древней основой?

И этой третьей верой стал иудаизм.

Обращение хазарского двора имело, несомненно, политические мотивы, но было бы ошибкой полагать, что эти люди слепо перешли к исповеданию религии с неведомыми догматами. Напротив, перед обращением они, как минимум, столетие знакомились с евреями и их религиозной практикой благодаря многочисленным беглецам, спасавшимся от религиозного преследования в Византии и, хоть и в меньшей степени, в завоеванной арабами Малой Азии. Известно, что среди варваров севера Хазария выделялась как относительно цивилизованная страна, еще не склонившаяся ни к одной из противоборствующих религий, превратившаяся потому в естественное убежище для евреев, спасающихся от византийского ига, насильственного обращения в другую веру и других притеснений.

Вспомним историю проникновения иудаизма в Хазарский каганат.

В 724 г. до н. э. Салманасар IV, ассирийский царь, захватил и разграбил Израильское государство. Около 30 тыс. человек были уведены и расселены в ассирийских и мидийских городах. В 597 г. до н. э. Иерусалим был осажден вавилонским царем Навуходоносором. Город разграбили, а аристократов, военных и богатых горожан (около 10 тыс. человек) увели в Ассирию и Вавилонию.

В 538 г. до н. э. Вавилон был взят персами, и через год персидский царь Кир позволил иудеям вернуться на родину. Но вернулись немногие. Оставшиеся создали еврейскую диаспору в Иране.

В I–II вв. н. э. значительные иудейские колонии разместились на территории Ирана – великой восточной державы. Иудаизм нашел здесь более благоприятную почву для сохранения своей обособленности и самобытности. Было построено много синагог, и раввины проповедовали учения Талмуда и бога Яхве. Шахи Ирана благосклонно относились к евреям и позволили им создать колонии в столице Ктесифоне и Исфагане.

В 491 г. Иран постигли засуха и связанный с нею недород и налет саранчи. Шах Кавад открыл государственные амбары с зерном, но это не предотвратило народных волнений. И тогда один из вельмож, Маздак, предложил шаху свою концепцию спасения государства. Она была дуалистична, но в ней, в отличие от манихейства, «Царство Света» наделялось качеством воли и разума, а «царство тьмы» – качеством неразумной стихии. Отсюда вытекало, что существующая в мире несправедливость – следствие неразумности и исправить ее можно средствами разума: введением равенства, уравнением благ (т. е. конфискацией имущества богатых и разделом его между маздакитами) и казнями «сторонников зла», т. е. тех, кто с Маздаком не согласен. Система подкупала безукоризненной логикой, и шах поддержал Маздака. Маздакиты, взяв власть в свои руки, развернули массовый террор, а шах стал в их руках марионеткой. В 496 г. шах Кавад бежал от своих министров к эфталитам, вернулся с войском и занял престол, но маздакиты продолжали занимать должности вокруг престола и расправлялись с неугодными людьми. Только в 529 г. царевич Хосрой собрал войско из людей, обиженных маздакитами, и приказал повесить Маздака, а его сторонников закопать в землю живыми. В этих событиях, в лагере сторонников Маздака, активное участие принимали и евреи. Когда начались расправы с маздакитами, то и примкнувшим к ним евреям пришлось плохо. Уцелевшие евреи бежали в Закавказье (Азербайджан и Грузию) и на Кавказ, часть очутилась на широких равнинах между Тереком и Сулаком. Там они стали обживаться, избегая конфликтов с соседями. Тюркские ханы по простоте своей пожалели евреев и разрешили им поселиться в Хазарском каганате. Они считали, что держава приобретет работящих и интеллигентных подданных, которых можно использовать для дипломатических и экономических поручений. Богатые евреи подносили хазарским ханам и бекам роскошные подарки, а красавицы-еврейки пополняли ханские гаремы. Основными заняти-

ями евреев были торговля и ростовщичество. Еврейские купцы быстро освоили не только восточный путь, по которому шел шелк в обмен на золото, но и северный – из Ирана на Каму, по которому текло серебро в обмен на меха. Постепенно еврейские поселения объединялись в общины.

Иудейская община, жившая в Хазарском каганате и состоявшая в основном из купцов, ростовщиков и менял, не только накопила огромные богатства, но и включила в свой состав ханов тюркской династии Амина. Тюрки, сохраняя обычай многоженства, женились на прекрасных еврейках, а сыновья их, оставаясь тюркскими царевичами, становились членами иудейской общины (у евреев продолжение рода идет по материнской линии). Они изучали Тору и Талмуд, общались с родственниками своих матерей и женились по их совету на соплеменницах из числа богатых невест.

По истечении 200 лет в Хазарском каганате уже никто не помнил о событиях, произошедших в Иране.

Таким образом, милость Истории к беглецам евреям заключалась в существовании Хазарии – и до, и после ее обращения. До обращения она служила убежищем для беглецов, а после превратилась в подобие национального гнезда. Беглецы были представителями более высокой культуры и стали, несомненно, важным фактором формирования космополитизма и терпимости. Их влияние и, наверное, их миссионерский пыл первыми должны были ощутить придворные и знать. Видимо, евреи умело сочетали теологическую аргументацию, мессианские пророчества и разумные соображения по поводу преимуществ, которые получили бы хазары от перехода в «нейтральное» вероисповедание.

Изгнанники принесли с собой византийское искусство и ремесла, прогрессивные методы земледелия и торговли, а также еврейскую азбуку.

Добровольное обращение хазар в иудаизм в 790 г. привело к глубоким и долговременным последствиям.

Таким образом, не только воинские подвиги составляют основу хазарской истории, но напротив – мир и религиозная политика в сотрудничестве с Византией.

Земля, часть которой позже стала российским Черноземьем, была еще нетронутой, и все историки сходятся на том, что на ней ничего не выращивалось. Но, несмотря на это, страна была богатой. Это богатство зиждилось на предприимчивости населения, на импорте и экспорте или, если хотите, на посредничестве. В их города и селения съезжались путешественники и торговцы со всего Ближнего Востока. Они привозили с собой чужеземные привычки, вкусы, идеи. Отношения с Византией в какой-то мере приобщили хазар к византийской школе, но византийское влияние уравновешивалось влиянием ислама, который очень скоро достиг высокого уровня цивилизации и имел большой авторитет. Подобно всем другим тюркским империям, Хазарская держава оказалась способной к усвоению чужого образа жизни, но в отличие от многих она сформировалась на почве сильных традиций. Поэтому она не утратила своей идентичности: язык остался тюркским, не изменился и кочевой образ жизни. Не стоит питать иллюзий в отношении хазарских городов: это всего лишь крупные поселения, благоустроенные биваки, даже если к ним приложили руку византийцы, поскольку люди там не жили круглый год, а чаще всего зимовали. Хазары отказались лишь от традиционной религии и приобрели налет цивилизованности, но это типично для тюрков, которые до принятия ислама всегда тяготели к новым религиям.

Как отмечал арабский географ Идриси (около 1166 г.), никогда не существовало государственной религии – иудейской или какой-либо иной – в этом толерантном обществе, где каждый человек мог свободно высказаться по любым вопросам.

Если верить Ибн-Рустеку (X в.), царь был иудеем, а его народ все еще исповедовал религию остальных тюрков. И вполне вероятно, что массы никогда не забывали эту религию. По мнению Масуди (примерно 956–957 гг.), иудаизм был главной религией, но судей было

семеро: два – для мусульман, два – для евреев, два – для христиан и один – для язычников – русских, славян и других. Но было ли такое равенство всех трех религий чисто формальным или оно осуществлялось на практике? Однако следует отметить, что в Матарке находился епископ, а в Самарканде были церкви, мечети и храмы, в Итиле существовали отдельные кварталы для евреев, христиан, мусульман и язычников. Тем не менее ислам продвинулся в своем развитии дальше, чем его соперники, в частности, в IX в., а еще более – в X в. Есть упоминание об одном кагане, который принял ислам из политических соображений. В такой ситуации могла сформироваться религиозная индифферентность или, скорее, религиозный синкретизм, поскольку тогдашние религиозные чувства нельзя назвать пылкими. В качестве иллюстрации можно привести одного хазарского принца Дагестана, который исповедовал одновременно все три основные религии.

И все-таки выбор хазар кажется удивительным – иудаизм. Долгое время ученые, не обращая внимания на арабские тексты, пытались сделать из хазар иудейский народ. «История еврейских хазар» – так назвал свою книгу Данлоп. Однако он сделал оговорку, что только правящий класс принял эту религию в эпоху, о которой идет речь. Еврейские источники датировали это событие первыми десятилетиями VIII столетия. Великий историк Масуди утверждал, что это случилось во времена халифа Гарун аль-Рашида, и это кажется более правдоподобным. Но в середине IX в. апостолы всех конфессий имели широкие возможности, и византийцы послали (851–863 гг.) святого Кирилла проповедовать среди них Евангелие. Он был принят со всем почтением, какое тюрки традиционно оказывали духовенству, и получил возможность вести теологические дискуссии с раввинами за императорским столом. Этот факт заслуживает уважения, но это никак нельзя считать прообразом спонтанных или организованных дебатов между представителями различных церквей, примеров которых немало насчитывается в истории. Намного раньше и гораздо дальше к востоку этот процесс уже шел полным ходом.

Как бы то ни было, но в первой половине VIII в. первым каганом полуевреем стал Булан, проводивший центристскую политику между хазарами и еврейской общиной. После него с помощью еврейской общины произошел «переворот», и к власти пришел иудей Обадий. Это означало, что он возглавил правительство при номинальном кагане. В каганате начался период двоевластия. Обадий был человеком интеллигентным и имевшим связи с еврейской диаспорой. Для «мудрецов израильских» он не пожалел хазарского серебра и золота, чтобы только эти мудрецы согласились пожаловать в Итиль.

Для хазарского народа значение переворота определил царь Иосиф, глава иудейской общины Итиля, написав: «И с того дня, как наши предки вступили под покров Шехины (присутствие божества), он нам всех наших врагов и ниспроверг. Все они служат и платят нам дань. Да, дело было выгодное».

После принятия иудаизма государственной религией в Хазарский каганат стали стекаться иудеи из разных стран. Вновь прибывшие евреи, гонимые в христианских и мусульманских странах, быстро заселили целые кварталы хазарских городов, особенно крымских. Почти на все ключевые государственные должности были назначены евреи. Сюда устремились работорговцы – евреи из Ирана и Византии. Евреи стали строить для себя синагоги. Кроме иудаизма из Ирана пришло новое религиозное течение, названное «карай», а тюркское племя, принявшее эту религию, стало называться «караитами». Таким образом, каганат превратился из тюркского в еврейско-тюркский. Основную массу составляли тюрки, а правили ими, по сути дела, евреи.

Л. Гумилев писал, что «двоевластие» в Хазарском каганате было грандиозным обманом народа, которому, как куклу, показывали законного хана, уже ставшего иудеем, для того, чтобы глава иудейской общины мог выжимать из тюрков-хазар и окрестных народов сред-

ства на наемников, которые должны были этих же хазар подавлять. И хазары платили… Так продолжалось более 150 лет.

Все это привело к тому, что к концу IX в. каганат стал слабеть. Государство было большим, для его защиты требовалось много воинов. Армия была наемной, во главе ее стояли евреи. Народ утратил единство духа. В стране было неспокойно, доходы в казну уменьшились. Государство теряло былую мощь.

Ненависть тюрков-хазар была направлена на тюрков-аристократов, живших в столице и поддерживающих политику иудеев. Политика столичной знати оторвала их от остальной хазарской аристократии, проживающей в дальних провинциях и мало связанной со столицей, но обладающей весьма значительным влиянием в своих кочевьях и аулах. Началась национально-освободительная война тюрков-хазар против оккупационного правительства. Ее возглавила провинциальная аристократия. Между столичной и провинциальной аристократией началась борьба за власть и влияние в каганате. Народ встал на сторону провинциальной аристократии. Борьба началась беспощадная, в ней гибли не только тюрки-хазары, но и виднейшие представители иудейской знати.

Когда в эпоху политического заката каганата хазары столкнулись с агрессивными действиями Руси, чье могущество выросло при Святославе Киевском, византийцы решили, что настал момент предать своих верных союзников, и в царствование Василия II они направили против них флот с целью поддержки русской армии (1016 г.). Это было началом конца хазар. Но эпоха походов на Константинополь была уже не за горами.

Какой бы ни была политическая роль хазар в степях, которые они долго и надежно охраняли от менее цивилизованных тюркских кочевников, надо признать, вслед за ведущим западным историком Данлопом, что Запад часто недооценивал их вклад в борьбу против ислама во времени, когда эта религия находилась в расцвете сил и молодости.

Значительно укрепив мощь византийцев, они позволили им выстоять и в конце концов спасти Константинополь и христианство. Если забыть о том, что в истории нет сослагательного наклонения, тогда стоит задуматься, что бы произошло, если бы хазары проводили обычную тюркскую агрессивную политику в отношении Византии и стали бы союзниками ислама. Но они были врагами.

И все-таки не воинские подвиги составляют основу хазарской истории, но напротив – мир и религиозная политика в сотрудничестве с Византией.

Второй Тюркский каганат

Обратимся вновь к истории Тюркского каганата.

За год-полтора восточные тюркюты из степных господ превратились в беглецов, стремившихся сдаться китайцам.

Количество тюрков, подчинившихся китайскому императору, достигло 190 тыс. Император счел целесообразным поселить их вдоль границы в степях Ордоса и Алашаня и использовать как вспомогательные войска для дальних походов, а в мирное время – как охранников границы.

Любопытно, что за 50 лет, с 630 по 679 гг., с кочевниками, поселившимися в Ордосе, произошли такие изменения, что они стали называться голубыми или небесными тюрками и слились в единый народ.

Традиционное уважение к роду Ашина, поддерживавшее династию в середине VII в., сменилось полным безразличием после того, как последние каганы показали себя верными слугами китайцев и врагами своего народа.

Западные тюрки перестали видеть смысл в объединении, подчинившем их Китаю.

Именно период тотального влияния Китая на страну Отюкен выбрали тюрки, дабы восстановить или, скорее, заново создать свою империю. В 679 г. было положено начало распаду империи Тан.

Восстание 679–693 гг. изначально было истинно народным. Об этом свидетельствуют царские надписи, в которых встречается фраза о «подлом в своей совокупности тюркском народе», а также такое обвинение: «…невежественные катаны (которые) царствуют… злые каганы (и) их чиновники, тупые и бесчестные», или еще сильнее: «…тюркские аристократы (которые) забыли свое тюркское имя, аристократы (которые) взяли себе китайские имена и подчинились китайскому императору». Но этот процесс все-таки мог иметь место только через новый союз династии и народных масс – союз, который, как это ни покажется странным, как и сама революция, нашел поддержку в лице крупного феодала, выдающейся личности Тонюкука, в свою очередь, китаизированного, хотя и ненавидевшего все китайское.

Нет сомнений в том, что все это происходило из чувства глубокого национализма. Все факты говорят об этом: неожиданное отторжение буддизма как чуждой религии, бывшей на вершине почета в первые десятилетия существования империи, которой оставались верными только правители; возрождение традиционной религии; восстановление культа великого Бога Тенгри и великих предков Бумына и Истеми; возврат к национальному языку, впервые употребленному вместо согдийского в официальных текстах и царских надписях, так называемых «орхонских надписях» на стелах в честь Бильге-кагана, его брата Кюльтегина и их мудрого советника Тонюкука в 724–726 гг., а также в 732 и 734 гг.

Крупные рунические памятники, обнаруженные на территории нынешнего Казахстана, отражают период так называемого Второго Тюркского каганата и начало Уйгурского каганата; надписей Первого Тюркского каганата не найдено.

В тюркской истории редко случалось, чтобы единственным чувством народов была племенная верность и уважение к далекому предку, чье дело начинало возрождаться. По-видимому, это чувство восходит к новым временам.

«Я был народом со своей империей… Где теперь моя империя? Я был народом со своим каганом… Где теперь мой каган? Так я сказал».

Восстание было массовым, по сути своей народным, но его постигла судьба всех аналогичных движений. Восстание было обречено, поскольку враги были повсюду, зато оно имело продолжение в новой форме: почти через год после разгрома тюрок война под руко-

водством новых вождей приняла иной оборот. На этот раз выступили осколки аристократии, просвещенные тюрки, получившие китайское образование.

Горстка тюрков – семнадцать, затем семьдесят, затем шестьсот человек, как гласит исторический текст (его, разумеется, нельзя понимать буквально, так как числа имеют мистический смысл), – ушла в партизаны во главе с Кутлугом, который имел достоинство тугуна (офицерский чин).

Следует уточнить, что Кутлуг не имел прямого права на престол, т. е. это была не борьба отстраненных от власти царевичей, а народное движение.

Во время восстания Кутлуг, вместо того чтобы толкать необученные толпы на копья латников, напал на ничего не подозревавших уйгуров (в те годы они были верными слугами китайского императора) и отбил у них косяк коней, необходимых для партизанской войны. Кутлуг восстановил старую систему чинов и, следовательно, ввел дисциплину. Это была не мобилизация толп, а создание отряда из старой знати, не отвыкшей от военного дела, что сделало возможным вести партизанскую войну. Кроме того, Кутлуг привлек людей, получивших китайское образование. И один из таких людей был Тонюкук – весьма яркая, неординарная личность. Это был образованный тюрк, который сыграл немалую роль в восстании.

Ход войны вскоре изменился.

Успехам тюрков способствовал происшедший в Китае переворот: вдовствующая императрица У-хоу арестовала своего сына и сослала в Центральный Китай. Начались внутренние распри, что, безусловно, ослабило китайскую армию. В кровопролитном бою в провинции Шэньси китайцы были разбиты. Их потери, по сведению китайских источников, исчислялись в 5 тыс. человек.

Воля в борьбе за независимость привела к восстановлению Тюркского каганата.

Любопытно, что совершенно аналогичное восстание произошло у западных тюрков: дело освобождения тюрок вступило в новую фазу.

По существу восстания западных и восточных тюрок однотипны, но у первых оно было немедленно подавлено, а у вторых имело поистине грандиозный успех.

Императорские войска не сложили оружия, но стали сражаться вяло и неохотно. В 689 г. династия Тан была упразднена, и императрица приняла титул императора. Буддисты немедленно создали сочинение, доказывающее, что У-хоу – дочь Будды и наследница династии Тан. В благодарность императрица издала указ строить по всей стране храмы Будды.

Внимание китайского общества занимали произведенный переворот, казни, пропаганда буддизма, что в значительной мере предопределило возможность воссоздания Тюркского каганата.

Как гласит источник, Кутлуг совершил 47 походов и дал 20 сражений, «врагов он принудил к миру, имевших колени он заставил их преклонить, а имевших головы – склониться». В 693 г. Кутлуг умер.

Итак, орда небесных тюрок поддерживалась главным образом железной волей своих основателей и их военными талантами, стоявшими на принципах военной демократии.

Безусловно, тюрки Второго каганата еще в большей степени, чем в период Первого, находились в состоянии военной демократии. Внутри армии иерархия не исключала равенства, но для окружающих это была не демократия, а живодерня. Поэтому основным противоречием в таком обществе было противоречие между господствующими и покоренными племенами.

Примерно за 60 лет (681–744 гг.) сформировалась, расцвела, затем исчезла необычная держава, настоящее государство, стремившееся к «порядку и организации». Ее прославили три кагана, при которых находился все тот же Тонюкук (ему было чуть более тридцати лет (681–693 гг.), когда началось это движение, а умер он в восемьдесят): сначала Кутлуг, кото-

рый заложил ее основы, затем Капаган-каган (693–716 гг.), который привел ее к расцвету, наконец, Бильге-каган (716–734 гг.) – самый знаменитый, судя по памятной надписи, выбитой на камне в его честь и с его именем, – одной из самых древних и красивых надписей, сделанных на тюркском языке.

У небесных тюрков Второго каганата был грандиозный план, можно сказать, их главное дело: собрать воедино всех тюрков, сбросить китайское иго, подчинить сначала тогуз-огузов как залог политической надежности системы, затем остальные племена, включая тюргешей, кыргызов; дать отпор киданям, протомонголам, которые в ту пору были еще мало известны в истории, но которым суждено было большое будущее; привести армии до самых Железных Ворот, т. е. до Ирана и Византии, а оттуда вернуться с «желтым золотом, белым серебром, девственницами и женщинами, горбатыми верблюдами и шелковыми тканями, наконец, повернуть оружие против Китая и за один поход разрушить двадцать три его города; дойти до Реки-Океана (несомненно, речь идет о Тихом океане)».

Конечно, план был грандиозен, но не весь реализован. Остается неизвестным, шла ли речь о захвате земель или об их разграблении, о подчинении или истреблении врагов. Судя по надписям, создается впечатление, что одни и те же события повторяются с упрямой периодичностью. Частично так оно и есть. Походы в Китай начинаются в 683 г., затем повторяются в 685, 687, 694, 698, 699 и 702 гг. Первая кампания в Согдиану имела место в 700–701 гг.; вторая, по призыву жителей Бухары, в 707 г.; по сведениям арабских историков, третья произошла в 712–713 гг. Она привела к покорению всей страны, кроме Самарканда. Что касается конфликтов между племенами, они остаются необъяснимыми. Кыргызы, к примеру, терпят поражение только для того, чтобы вновь подняться, или, по крайней мере, отличаются редким даром сопротивления. Между прочим, именно на добровольном или вынужденном сотрудничестве различных племен держалась Тюркская империя, как и любая империя степей. Империя тогуз-огузов особенно показательна в этом отношении. Присоединение этой группы племен к Кутлугу в 681 г. оказалось решающим фактором, а ее раскол, начиная с 716 г., ознаменовал закат Бильге-кагана. Хотя именно Бильге-каган гибкостью своей политики обеспечил двадцатилетний мир (722–742 гг.) всему Тюркскому каганату.

Благодаря его советнику Тонюкуку впервые в истории империи тюрков была принята политика, ориентированная на развитие собственной тюркской культуры. До того господствовало китайское влияние. Этот момент чрезвычайно важен, здесь была не только борьба государств, но и борьба культур, борьба мировоззрений. Великая степь манифестом заявила свое право не быть ни Китаем, ни другим государством, а быть только собой. Борьба за это велась еще со времен хуннского Модэ-шаньюя.

Тонюкук наметил новую мирную и военную программу действий: победами вынудить врага согласиться на приемлемый мир, не доводя противника до отчаянного сопротивления, и объединить тюркский мир в единый народ.

Тюркскому каганату от агрессивного Китая нужны были мир и независимость. И эти задачи решал Бильге-каган.

Тем временем в каганате усиливались центробежные силы.

Капаган-каган, «Кровавый», или точнее, «Каган, который берет силой», был убит в засаде, устроенной «байырку», а его голову отправили в Китай. Поистине славный конец! Его брат, Кюльтегин, который постоянно помогал Бильге-кагану, исчез в феврале 731 г. Великий старец Тонюкук умер около 725 г. Несмотря на все усилия и таланты каганов, Второй каганат был только тенью Первого.

Китайцы уже снова прибрали к рутам Джунгарию (714 г.), а ханство тюргешей во главе с ханом Су-Лу (717–748 гг.) опять захватил Тарим.

Второй Тюркский каганат просуществовал до 744 г. под властью честолюбивого принца, назвавшего себя Тенгри-каган, «Император Неба», затем его сменил узурпатор Озмиш-каган.

События этого периода в китайских хрониках изложены крайне лаконично, но этот пробел заполняет надпись «Селенгинского камня», увековечившая подвиги уйгурского хана Маянчура. Источник ценен тем, что отражает уйгурскую точку зрения на события этого периода. Согласно этой надписи, хан начал с тюрками освободительную войну. Господство тюрок над уйгурами определяется в 50 с лишним лет (с 688 по 741 гг.). Уйгурский вождь, получив от своего отца титул шада, в 742 г. собрал и объединил свой народ – тогуз-огузов.

В 742 г. одновременно восстали уйгуры, басмалы и карлуки. Тюрки должны были расплачиваться за свои прошлые кровавые успехи. В 744 г. басмалы убили Озмиш-кагана и голову его отправили в Чанъань.

Китайский корпус из Ордоса окончательно разбил тюрок. Тюрок ловили и убивали всюду, как волков, и знамя с золотой волчьей головой больше никогда не развивалось над степью. Так распалась просуществовавшая почти 200 лет (552–743 гг.) Великая Тюркская империя.

На равнинах тюркской державы выросла уйгурская, а тюрки, не пожелавшие подчиниться уйгурам, откочевали на юг и подчинились Китаю. Держава рода Ашина перестала существовать. Но тюркский мир получил мощный толчок на будущие столетия.

Арабское вторжение. Арабский мир и тюркский мир

Как только Тюркская империя получила смертельный удар, Китай столкнулся с арабами.

В начале VII в. на Аравийском полуострове возникает ислам. Вскоре же он становится знаменем, под которым были совершены значительные завоевания на средневековом Востоке и Западе. Его основоположник – Мухаммед, призывая арабские племена к единобожию, тем самым заложил идею объединения разрозненных враждующих арабских племен под единым идеологическим началом. С самого начала своего зарождения ислам набирал силу и укреплялся вследствие завоеваний. Сперва мусульманская община в Медине во главе с Мухаммедом покорила одно за другим основные арабские и еврейские племена, а после смерти Мухаммеда его преемники продолжили завоевательную деятельность. Объединенные арабские племена составили войско мусульманской общины, и под предлогом распространения ислама оно начало захваты далеко за пределами Аравии.

До появления у границ Центральной Азии в Хорасане арабы одержали верх над двумя могущественными империями того времени: Византийской и Сасанидской. В решающей битве при Кадисии в 636 г. они разгромили сасанидское войско, а несколько недель спустя захватили столицу Сасанидов – Мадаин. В 638 г. пал Иерусалим, в 640–642 гг. завоеван Египет. На западе арабские отряды захватили в 642 г. Барку, а через год – Триполи. На северо-востоке ими также были достигнуты большие успехи: в 640 г. завладели Двином, в 641 г. – Мосулом и выиграли второе, решающее, сражение с сасанидами при Нихавенде. После этого арабы, не встречая сколь-нибудь серьезного сопротивления, вступили в пределы Хорасана.

Так, арабы и тюрки, обуреваемые одинаковыми стремлениями к экспансии, правда направленной в противоположные стороны, сошлись лицом к лицу. Начальный этап арабского завоевания в Хорасане и Мавераннахре продолжался 60 лет. Однако полному подчинению захваченных центральноазиатских владений на начальном этапе завоевания препятствовало несколько обстоятельств. Во-первых, упорное сопротивление народов Центральной Азии арабскому проникновению в этот регион; во-вторых, недостаточное развитие государственного аппарата арабов; в-третьих, нестабильность положения в арабском мире (борьба за власть между претендентами, межплеменная борьба, отделение некоторых военачальников с крупными контингентами войск, выступление различных социальных групп, недовольных местной или центральной властью).

К началу VIII в. мусульманские арабы захватили огромные территории от южных районов Франции до берегов Инда и Окса и, отяжелев от такой добычи, были не в состоянии наступать дальше. Начиная с 705 г. их походы при Омейадском халифате уже не напоминали прежние молниеносные войны: речь идет о вторжении в Тохаристан, древнюю Бактрию, находившуюся в то время под властью Кундуза, т. е. обращенных в буддизм тюркских царей, в Хорезм и Согдиану, где они столкнулись с местными принцами, тюрками и иранцами, с переменным успехом несколько раз вступали в сражение с тюрками Орхона и, наконец, с тюргешами, которые оказались самыми опасными врагами. Что касается Китая, он пребывал в полной нерешительности и избегал вмешательства.

В 750 г. китайцев к действию побудил один незначительный инцидент: смерть тюркского царя Ташкента от руки китайского губернатора провинции. Сын погибшего обратился за помощью к карлукам, жившим в верховье Иртыша, самой восточной точке озера Балхаш, и к арабским гарнизонам в Согдиане. К несчастью для Китая, и те и другие ответили согласием.

Столкновение востока и запада произошло летом 751 г. в Таласской долине. Это было вторым столкновением (вспомним, что первое произошло в Таласской долине в 36 г. до н. э., в результате чего китайцы не добрались до Европы на рубеже нашей эры).

Итак, китайское войско явилось туда по мольбе жителей Согдианы, жестоко терроризируемых арабами.

Бой на равнине шел три дня и был окончательно решен тюрками-карлуками, стоявшими неподалеку и державшими нейтралитет, следующим образом: китайцы, по их мнению, были все же хуже арабов, посему нанесли удар по их флангу – китайцы бежали.

По иронии судьбы китайский полководец Гао Сяньчжи не понес наказания за проигранное сражение и потерю Согдианы. Он остался при дворе и служил империи Тан в последующих войнах, а араб, победитель и герой Зияд ибн Салих, был вскоре казнен как политически неблагонадежный.

В результате победы арабов Центральная Азия стала мусульманской провинцией, т. е. повернулась лицом к исламу: происходило насаждение ислама и мусульманской культуры (по-видимому, исламизация части местного населения на левобережье Амударьи происходила еще до начала VIII в.). Центральная Азия, оккупированная Китаем при династии Тан, истребившей тюрков, сбросила китайский гнет – там возник Уйгурский каганат.

Китай же, несмотря на возможности для контрнаступления, погрузился в пучину восьмилетней гражданской войны (755–763 гг.).

Итак, в тот момент, когда Китай обладал силой и мощью для завоевания Азии, всегда именно тюрки останавливали агрессию Китая на запад. И в этом – заслуга тюрков перед человечеством.

Военная экспансия арабов, которая началась в 635 г., достигла кульминации и захлебнулась. Огромная империя халифов простиралась от южной оконечности Пиренеев до Инда и Окса, порождая внутренние проблемы, которые вскоре привели к ее расчленению и яростным идеологическим схваткам. Ее сказочно богатые правители утратили вкус к войне и предпочитали наслаждаться своими богатствами, казавшимися неистощимыми, и не мечтали о новых. Вместе с ними перестал быть агрессивным ислам, сделавшись благодаря этому более притягательным. Он породил великолепную цивилизацию, самую высокую в ту эпоху, используя богатые греческие и иранские традиции; он предлагал ее соседям, в частности северным варварам, которые сразу возлюбили ее. Чтобы охранить себя от их притязаний, арабы проводили главным образом оборонительную политику, возводя стену на границах со степью, своего рода плотину, о которую море бессильно будет бить своими волнами. О степени их амбиций и мощи их средств свидетельствует тот факт, что ислам почти не воспользовался плодами своей победы в борьбе против Китая, довольствуясь районом у подножья Тянь-Шаня.

Итак, сложилась следующая ситуация: у границ империи, от Черного моря до Памира, находился тюркский мир или, по меньшей мере, мир в стадии тюркизации. Индоевропейцы отступают по всем фронтам. Степи Южной Украины подвергаются уже не просто нерегулярным набегам тюрков, но настоящему массовому нашествию. Скифы ушли, как ушли и их наследники сарматы и другие племена, а также германцы, между тем как славяне еще не нашли свою нишу. Оазисы Согдианы еще принадлежат согдийцам, но уже начинают входить в орбиту монгольских племен, которые готовят свою будущую полную аннексию. Все происходит так, будто по мере того, как Согдиана все активнее противостоит натиску тюрков, они все упорнее проникают в нее и все сильнее сжимают ее в своих объятьях, от которых рождаются метисы. Разумеется, еще в течение некоторого времени тюрки продолжали поглядывать в сторону Китая, но уже не так жадно, поскольку их взоры были устремлены за другие горизонты. Конечно, у них еще на одно столетие останется мощная цитадель в священной земле Отюкен, но всего лишь на сто лет! Обстоятельства толкают их на запад.

Там все привлекает их с тех пор, как тюркюты дали им фантастически сильный толчок в этом направлении. Теперь там их судьба.

Массовому движению арабов на восток противостоит стремление тюрков на запад. Это напоминает столкновение двух больших противоположных ветров. И из этого рождаются настоящие ураганы. Но дело в том, что эти две силы, равные по динамизму, имеют разную природу. Одна превратилась в духовную и культурную, а другая остается преимущественно военной. Ислам дал тюркам свою религию и свою цивилизацию, а тюрки взамен дали исламу свои армии.

Мировая обстановка в середине VIII в.

Разомкнулись железные клещи империи Тан.

Народы, полтораста лет скованные Китаем, разошлись, и каждый стал на свой путь развития.

Тибет осваивал восторжествовавший буддизм.

В Согдиане камня на камне не было оставлено от ее неповторимой культуры, но на пепле начал складываться таджикский народ, которого ожидало великое будущее.

Западные степи склонились под натиском кыпчакских и карлукских мечей.

На Волге потомки западнотюркских ханов создали могучее Хазарское царство.

Хазары и карлуки остановили натиск ислама, храня традиции степной культуры.

Обрел силы халифат, и персы, получив доступ к власти, открыли новые перспективы развития культуры Багдадского халифата.

Централизованная система объединяла земли от Гибралтара до Памира.

Византия, остановив арабский натиск, была охвачена лихорадкой иконотворчества.

Поднималась Западная Европа. Карл Великий, вступив на престол в 768 г., предпринял создание разноплеменной империи. Этот шаг ознаменовал выход Европы из варварства к оригинальной культуре.

В дремучих лесах от Лабы до Днепра и Оки копили силы славянские племена: у них было еще все впереди.

Великая степь начала наслаждаться покоем и относительной свободой.

Уйгурский каганат

Уйгуры хорошо известны в китайской истории. Это – потомки гаоцзюй, которые сами были выходцами из группы хуннов. Они издавна имели сношения с царским двором Поднебесной империи, который не раз оказывал им помощь в борьбе против тюркютов и поручал им управлять «дикими северными землями».

Историки описывают новый варварский народ как людей «низкого роста, гордых и жестоких, превосходных всадников и лучников, более алчных, чем все остальные степные племена».

В 742 г. уйгуры, карлуки и басмалы восстали против тюрок Второго каганата и разбили их. К тому времени они уже испытали влияние Китая, заимствовали китайскую административную систему и стали верными союзниками китайцев.

Уйгуры пришли к власти в лице кланового вождя Бильге из рода Яглакар, и 745 г. можно считать годом основания Уйгурского каганата.

Они построили свою державу на иных принципах, чем тюрки. Десять родов составляли племя тогуз-огузов, которое было ведущим, но не господствующим. Уйгуры подчинили себе басмалов и карлуков и приняли их в свою среду как равных; шесть телеских племен – буту, хунь, тайырку, тонгра, сыче и киби – в правах и обязанностях были приравнены к тогуз-огузам.

Ставка хана находилась между Хангаем и Орхоном. На востоке границы охватывали Западную Маньчжурию, на западе – Джунгарию. После разгрома карлуков их восточные кочевья на Черном Иртыше оказались в составе Уйгурского каганата. Уйгуры не стремились к территориальным приобретениям: они устали от потрясений.

Каган Бильге признал себя вассалом империи. Его сын Маянчур, пришедший к власти в 747 г. через сопротивление народа, обратившегося за помощью к киданям и татарам, подавил восстание и смял противника. В целом Маянчур стремился к компромиссам, и этим, наверное, объясняется его успешное завершение гражданской войны.

Маянчур сформировал мобильную, хорошо обученную армию. Арабский историк Кужама писал, что десять уйгуров могли справиться с сотней карлуков. Маянчур с присущей ему энергией обустраивал свою державу: весной 750 г. он нанес поражение чикам в верховьях Енисея; осенью – татарам в Северо-Западной Маньчжурии; на следующий год – на северо-западе кыргызам. При этом некоторые представители побежденных племен присоединялись к уйгурам, и те называли их «гостями».

Кыргызы, граничившие с Уйгурским каганатом на севере и о которых речь пойдет далее, сопротивлялись до 758 г. И хотя они потерпели поражение и покорились, платя уйгурам дань соболями, зато не утратили самоуправление. Западные границы не позволили расширить уйгурам печенеги, кочевья которых в это время распространились до Нижней Волги.

В 755 г. один из военачальников китайской армии Ань-Лушань, выходец из благородной тюркской семьи, воспитанный на согдийской культуре, один из самых известных кондотьеров Азии, во главе сильного отряда, состоявшего в основном из тюрков, поднял мятеж против императорской власти и захватил обе столицы – Лоян и Чанъань. Сыну Неба ничего не оставалось, кроме как обратиться к уйгурам.

Маянчур послал в Китай своего сына, Ябгу. Тот одержал победу над узурпатором и вернулся в свою страну для участия в походе на кыргызов (758 г.). Но в 761 г. в Северном Китае снова вспыхнула гражданская война. Танская династия, опередив своих противников, которые также собирались обратиться к уйгурам, заручилась поддержкой последних, заплатив золотом. Каган Идигань лично, во главе четырех тысяч профессиональных и десяти тысяч вспомогательных воинов, вступил на территорию империи и за период с 762 по 770 г. вос-

становил порядок и спас династию. За это пришлось платить. Еще больше китайцы заплатили за то, чтобы спасители ушли. Тюрки всегда неохотно уходили с захваченных китайских земель. Но уйгуры ушли. И возвращались еще только один раз – в 790–791 гг. Важная страница истории оказалась перевернутой.

Открылась новая страница. В 762 г. Идигань встретил в Лояне манихейских проповедников, говоривших на согдийском языке, обратился в их веру и широко распахнул для них двери своего царства. Он увел их с собой и сделал из своей столицы роскошный, окруженный стенами город. Город, построенный уйгурами на берегах Орхона, «город царского лагеря», тогда он назывался Орду-Балик.

Следует отметить, что после падения Второго каганата Азия вступила в эпоху смены веры: кочевники начали заимствовать культуру и мировоззрения с Запада, а вовсе не из Китая. Из Ирана уйгуры позаимствовали манихейство, из Сирии кочевники приняли несторианство, из Аравии – ислам, из Тибета – теистический буддизм. Правда, буддизм был воспринят позже, но принцип заимствования остался прежним – «антикитайским».

Напомним, что религия Мани, манихейство, опирающаяся на противопоставление и сосуществование доброго, светлого принципа и злого, темного принципа (оба созидательные), родилась в Вавилоне в III в. и распространилась по всему миру, включая даже Северную Африку, где ее проповедовал будущий святой Августин до своего обращения в христианство. Оно пришло в Европу, породив альбигойскую ересь, и в иранский мир, который продвинул его еще дальше, до Дальнего Востока. Уйгуры сделали манихейство своей государственной религией, и она оказала на них сильное цивилизующее воздействие. Необходимо подчеркнуть, что в некотором отношении Азия опередила Европу на триста лет: Тибет уже в VII в. стал теократической державой, а Уйгурия сделалась ею во второй половине VIII в. Манихейство было тесно связано с согдийской культурой, и согдийский язык стал вторым официальным языком империи наравне с тюркским, начиная с надписи в Севрее (762 г.), которая прославляет счастливый исход китайской кампании и не менее счастливое обращение.

Постепенно входила в употребление новая письменность, менее приспособленная к их языку, чем старая система, используемая тюрками, зато передающая много гласных. Она произошла из согдийской графики и долго существовала параллельно с тюркской руническое письменностью, к которой тяготела национальная религия, – именно рунические знаками, при помощи кисти, будут сделаны в середине VIII столетия надписи на опасном перевале, который ведет в долину Хойту Тамир, а позже будут написаны несколько манускриптов в оазисах Тарима. Но в конце концов ее вытеснил новый алфавит и в течение нескольких веков был основой первой великой национальной литературы на тюркском языке. Еще позже эту письменность, которая получила название уйгурской, взяли на вооружение монголы и передали маньчжурам.

Благодаря согдийскому языку этот, еще дикий народ вступил в тесные контакты с утонченной мыслью Ирана, а через нее – со всем миром Средиземноморья. Конечно, преувеличением является то, что сказано в надписи в Кара Балгассуне (около 810 г.): «Эта страна варварских нравов, полная запаха крови, превратилась в страну, где выращивали овощи; эта страна, где убивали, стала страной, где учились творить добро».

Никакая религия никогда не могла полностью отвратить своих адептов от их природных наклонностей, в частности от насилия. Историю Уйгурского каганата никак не назовешь мирной и спокойной. По меньшей мере два кагана пали от рук убийц, пятый – в 790 г., одиннадцатый – в 832 г., двенадцатый покончил жизнь самоубийством в 839 г. в результате бунта, организованного своим министром. Но медитация и религиозная жизнь отвлекали часть людей от агрессивности или ослабляли ее, и за большими захватническими походами следовал расцвет сельского хозяйства и торговли.

К 800 г. – исключительно важная веха для уйгуров: были основаны колонии в Серинде, Карачаре, Бешбалыке, Турфане, т. е. в богатых оазисах Тарима, которые были своего рода залогом будущего.

Что касается отношений с Китаем, хотя они и были мирными, плодотворными назвать их никак нельзя. После похода 762–770 гг. уйгуры начали общаться на равных со своим могучим соседом и даже относиться к нему свысока. Если они оказывали китайцам неоценимые услуги, например в борьбе против тибетцев, то за них приходилось расплачиваться ценой жесткого уйгурского протектората, который с трудом переносили китайские националисты, священники и консерваторы. Уйгуры требовали – и получали – в жены принцесс, насаждали манихейство и, что еще хуже, ввели систему обмена скота на шелк по такому курсу, что лошадь, в сущности, не нужная китайцам, стоила в два раза больше своей настоящей цены, другими словами, это было не что иное, как требование платить дань. Интенсивное коневодство в Уйгурии предполагало либо войну, либо экспорт лошадей. Китай предпочитал мир, и министру, который жаловался на безвыходное положение в стране, император однажды ответил: «Народ постоянно страдает от отсутствия лошадей…» Поистине царский ответ!

Как бы искренне ни было обращение каганов в новую веру, как бы ни было сильно их убеждение, манихейство отвратило массы от своих древних верований не в большей степени, чем буддизм в начале эпохи Тюркской империи. Отношения между манихейством и шаманством оставались загадочными, хотя в них присутствовали и терпимость, и сотрудничество, несмотря на то что эти две религии вдохновлялись совершенно разными идеалами. Возможно, дихотомия древнего шаманства, со всеми его параллелями типа «небо—земля», «восток—запад», «синее—черное», только усиливалась манихейством, что может объяснить определенную тенденцию к дуализму в некоторых последующих религиозных представлениях тюрков. Как бы то ни было, именно в манихейском монастыре в X в. будет написана похожими на рунические знаки книга пророчеств «Ирик Битиг», которая восходит целиком к традициям кочевников; а чего стоит созданная примерно в 1300 г. великолепная огузская эпопея «Огуз-намэ», которая хранится в Национальной библиотеке в Париже и прославляет тюркское язычество. Наконец, немаловажный в этой связи великий уйгурский миф о происхождении, который появился в манихейской среде, но отражал традиционные религиозные представления, получил столь широкую популярность, что его не раз упоминали китайцы, мусульманин Джувайни в монгольскую эпоху, а также другой великий иранский историк – Рашид-ад-Дин, Марко Поло; этот миф оказал влияние на огузов, кайманов, онгутов, калмыкских и ойратских монголов и многих других. Согласно этому мифу, Идиган-каган родился от дерева, оплодотворенного лучом света. Это наводит на мысль о том, что речь идет не о первобытном мифе уйгуров, предводительствуемых кланом яглакаров, верных тюркским традициям, но о более позднем мифе, который окончательно сформировался в начале IX в., во время смены династии и восхождения на трон племени эдизов.

Обратимся к политическим отношениям между Уйгурией и ее мощным соседом Китаем.

В 778 г. в Китае на престол вступил Дэцзун, который не был расположен к уйгурам.

Идиган-каган, зная это, решил принудить нового императора к покорности, и в том же году напал на Северный Китай, но война закончилась отступлением уйгуров. Этот проигрыш был следствием того, что за 15 лет, т. е. за период с 764 по 780 г. население Китая выросло на полмиллиона душ, что позволило создать армию в 768 тыс. человек.

После поражения уйгуры получили разрешение жить в столице как «гости», но в 780 г. Дэцзун выслал их из Китая. Однако на границе обнаружилось, что уйгуры в дорожных мешках увозили китайских девочек. Пограничные войска оцепили табор уйгуров, отобрали девочек, а «гостей» казнили.

Император, понимая, что уйгурский каган потребует китайской крови, направил посла с объяснениями и извинениями.

В это время в Уйгурии власть была узурпирована Кутлугом, и уже новый каган (из вельмож) в 781 г. взял выкуп за смерть «гостей», а в 783 г. был заключен мирный договор на следующих условиях: 1) каган назывался вассалом Китая; 2) посольство Уйгурии не должно превышать 200 человек; 3) для принудительного торга приводилось не более тысячи лошадей; 4) запрещено уводить китайцев за границу. Договор был скреплен в 788 г. через брак и союз против Тибета.

В 789 г. Уйгурия стала выборной монархией, и фактически получалось, что не уйгуры зависели от китайцев, а китайцы – от уйгуров.

Уйгуры вступили в войну с Тибетом, и в течение трех лет мешали наступлению Тибета на север Китая. Уйгуры выиграли трехлетнюю кампанию, но когда они возвратились в родные степи, им было необходимо подавлять протибетские настроения среди карлуков, тюргешей, входивших в состав Уйгурского каганата. Кроме того, в тылу у уйгуров восстали кыргызы, сохранившие при подчинении в 758 г. автономию. В китайских источниках отмечается: «Кутлуг сумел подавить кыргызов, подверг их страну разгрому, и их государственные дела прекратились, на земле их не стало живых людей». Это, очевидно, значительно преувеличено, но, тем не менее, после разгрома целых 20 лет, т. е. пока не выросло новое поколение, о кыргызах не было слышно.

И вновь уйгуры включились в войну с Тибетом. Они остались победителями, и снова им перешел город Бешбалык, затем уйгуры перебили корпус тибетский под Кучей. Однако кучийские китайцы оказались неблагодарны и стали торговаться о размере дани за освобождение. Каган пошел против скупых союзников, которые были разбиты и бежали до самой Ферганы. На берегах Нарына уйгуры настигли беглецов и ограбили их дочиста. Уцелевшие «слезно просили и молили» принять от них дань, на что уйгурский каган милостиво согласился.

Таким образом, остатки китайских владений на западе вошли в состав Уйгурского каганата.

Далее уйгуры разгромили западных и восточных карлуков и поддерживающую их тибетскую армию. Все эти события произошли с 795 по 805 г.

Таким образом, тибетская армия не смогла сокрушить уйгуро-китайскую коалицию. В 816 г. тибетцы бросили армию на уйгурскую столицу Каракорум. Они удачно подрассчитали время: в тылу у уйгуров вспыхнуло восстание кыргызов, на этот раз удачное для последних.

В Китае воспользовались унижением Уйгурии и в 817 г. выслали уйгурское посольство, состоящее из манихейского духовенства. Конфуцианцы вели активную борьбу и с мистикой и с кочевой культурой, а тут были налицо и то и другое. Высылка посольства означала разрыв китайско-уйгурского союза. Но поскольку Тибет продолжал оставаться грозным врагом, в 821 г. союз Китая и Уйгурии был восстановлен и скреплен браком. В том же году тибетцы запросили мира, и был заключен договор с некоторыми для Тибета потерями.

Тем временем Уйгурия была связана по рукам и ногам войной с кыргызами, вождь которых Ажо объявил себя ханом и заявил уйгурскому кагану: «Твоя судьба кончилась. Я скоро возьму твою золотую орду, поставлю перед ней моего коня, водружу свое знамя. Если можешь состязаться со мной, то немедленно приходи, если не можешь, то немедленно уходи».

Возникает вопрос: почему уйгуры встречали гораздо более сильное сопротивление племен, входивших в состав каганата, нежели все прочие тюрки? Совершенно очевидно, что не только в Тибете и Арабском халифате, но и в Индии, Китае и Уйгурии религиозная нетерпимость стала знамением эпохи.

Китайские учения: даосизм, конфуцианство и даже чан – созерцательный буддизм – кочевниками не усваивались. Ислам был религией их врагов арабов. Культ Митры – бон – в это время переживал жестокие гонения в Тибете и отнюдь не отвечал настроениям уйгуров. Зато христианство и манихейство понравились степнякам.

В свое время тюрки просто требовали покорности и дани, а эти государства заставляли побежденных ломать весь строй своей психики и весь уклад своей жизни; они навязывали кочевникам такие представления, которые те не могли ни понять, ни принять. Поэтому Уйгурия была окружена врагами, и примирение было невозможно.

К примеру, манихейство считало высшей добродетелью неудовлетворенность и даже неприятие жизни, непримиримость ко всему плотскому, совмещение аскетизма и распутства, в результате чего семья не была благословенна. Как можно было это втолковать простому люду? Поэтому подлинными манихеями могли быть только аристократы, остальные же ими только назывались. Как следствие – шел разрыв между народом и знатью.

Войны с тибетцами, карлуками и кыргызами сделались борьбой за веру.

Но самым губительным последствием манихейства было разрушение семьи: семья стала вырождаться.

Процесс вырождения не быстр – нужно не менее трех поколений, т. е. лет 80. Именно столько и продержалась манихейская Уйгурия. Однако в манихействе были и положительные стороны – приобщение к западной культуре. Историки, в частности Ибн Хордадбег, описывают Уйгурию как самую обширную и культурную из тюркских стран. На ослабление мощи Уйгурской державы косвенно указывает тот факт, что до 839 г. никаких крупных событий там не происходило.

Итак, к середине IX в. сила Уйгурии была уже в прошлом. Племена отпадали от Уйгурии: в 794 г. отошло племя шато, в 835 г. – татабы. И конечно, самым страшным для уйгур было восстание кыргызов.

Уже в 841 г. вся Халха, Каракорум, а также все сокровища уйгуров были в руках кыргызов, и только воинственный дух уйгуров толкал их на дальнейшее сопротивление.

Здесь важно подчеркнуть, что разгром Каракорума – событие такого же масштаба, как падение Константинополя в 1453 г., а уйгуры по талантам, восприимчивости, героизму не уступали византийцам эпохи Палеологов.

Итак, в 842 г. Китай мобилизовал против уйгуров армию, и те были разбиты и отброшены от Ордоса в Маньчжурию, однако кыргызский хан, узнав, что уйгуров приютили татары, пришел в Маньчжурию и уничтожил беглецов.

Уничтожение Уйгурской державы – это была акция не только военно-политическая: после ее разгрома китайцы предали огню все «книги мониев», а их имущество взяли в казну. Разгром манихейства в дальнейшем открыл дорогу буддизму.

И все-таки в 861 г. было создано небольшое уйгурское княжество. В конце концов, они обосновались на северо-западе Китая, в нынешней провинции Ганьсу, главным образом в районе сегодняшнего Турфана, где и основали два независимых небольших удельных княжества; во главе первого, по всей вероятности, стояла старая императорская династия Орхона – Яглакар.

Вслед за падением Уйгурской империи, истреблением большой части племен, миграцией в оазисы произошла длительная конфронтация с тибетцами. Последние оказывали сильное давление на весь бассейн Тарима после битвы при Тафей-Чуане (679 г.). Теперь же уйгуры могли позволить себе содержать лишь небольшую армию для сдерживания нападения соседей: с севера им угрожали карлуки, хозяева нынешней Джунгарии, с запада – племена ягма и чигили, о которых сохранились обрывочные сведения, оставленные мусульманскими авторами.

Китай поддерживал мирные отношения с уйгурским княжеством Ганьсу и долгое время относился к нему с уважением, тем более что уйгуры исправно платили дань и официально находились в зависимости от Китая благодаря китайскому укрепрайону с центром в Дуньхуане. Однако постепенно эти связи ослабли. Китайцы обвиняли уйгуров в мятежах, разбоях, в тысячах других всевозможных прегрешениях. Наконец, в 1028 г. тангуты, близкие к тибетцам, самым жестоким образом овладели землями уйгуров и тем самым положили конец существования их княжества. Однако часть населения осталась на месте, хотя и перестав играть политическую роль, но сохранив свой язык и некоторые культурные традиции. Другая нашла убежище неподалеку – на юге у ван-шаней – и поселилась среди них.

Уйгуров Ганьчжу иногда называли сары-уйгуры (желтые уйгуры), или еще «уйгуры с желтой головой». Это имя, которое сохранилось за ними, они получили «по причине своей буддийской веры». Однако следует отметить, что некоторые тюркские народы специально уточняли свое название «цветовым признаком»: синий, красный, черный, желтый, причем эти определения всегда имели мифические или мистические значения в шаманстве, по связи с солнцем и луной. В действительности, сары-уйгуры – это тюрки, принявшие буддийскую веру, – племена, скорее «уйгуризированные», нежели настоящие уйгуры; это выходцы из бассейна Среднего Тарима, постепенно вытесненные на восток в результате продвижения ислама и смешавшиеся с истинными уйгурами Ганьсу после того, как тангуты уничтожили их княжество. В XI в. они жили в районе Хотана; в XIV в. – между Цайдамом и Черченом; только в XVII или XVIII столетии они обосновались к югу от пути, ведущего из Си-Чеу в Ганьчжеу.

Уйгурское княжество Синь-Кянь осталось в большой изоляции от Китая, от которого его отделяло уйгурское Ганьсу, затем ставшее тангутским государством Ганьсу. Китайские хроники упоминают только большое посольство, отправленное оттуда в 951 г., но подробности этого предприятия неизвестны. Однако судьба Синь-Кяня оказалась более счастливой. Оно процветало вплоть до эпохи Монгольской империи, к которой оно присоединилось, причем Монголы не только пощадили его, но и проявляли к нему большую благосклонность. Когда-то это княжество находилось под влиянием киданей, а потом, напротив, оно закладывало основы культуры Монгольской империи и поставляло ей административные кадры. В итоге оно на долгие годы пережило саму империю.

Дело в том, что культурный уровень уйгуров был намного выше в оазисах в конце IX в., чем в Северной Монголии, выше, чем в более поздние времена. Уже в первой половине IX в. они в полной мере испытали на себе благотворное влияние цивилизации. Нет оснований полагать, что они предпринимали какие-то попытки уменьшить ее воздействие или вообще трансформировать цивилизацию. Они оказались хорошими учениками и в чем-то даже стали наставниками. По крайней мере, знаменитая художественная школа Центральной Азии продолжала существовать, как существовала и прежде, до их появления. Они ее унаследовали. Взяли ее на свое попечение. В Южной Кашгарии такие центры, как Тумшук, Кызыл, Кумтура, Шортук, Бешбалык, Муртук, когда-то были вехами на пути продвижения буддизма на восток. В Дуньхуане, провинция Ганьсу, где достижений было больше и где не было признаков упадка за долгий период между V и XIII вв., китайцы не привнесли ничего нового, и когда уйгуры заселили город и всю провинцию вновь, они не обнаружили ничего нового. Так же обстояло дело и с искусством.

Ситуация в литературе складывалась аналогично. Оригинальных произведений почти не было, зато было изобилие переводов. Они занимали весьма почтенное место в трудах писателей Турфана, а самые древние произведения восходят, возможно, к VIII в. Более поздние, датируемые X в., представляют собой первые тексты Дуньхуаня, что объясняется тибетской оккупацией оазиса, которая продолжалась до IX в., а также отсутствием тюркской колонизации.

Тангутскому нашествию в 1028 г. мы обязаны богатым собранием полотен и многоязычных манускриптов, преимущественно китайских, а также тюркских, хранившихся в архивах одного монастыря в пещере, служившей убежищем в Дуньхуане, и обнаруженных в 1900 г.

В 1907 г. здесь побывал сэр Орэл Штайн, а в 1908 г. – Пеллио; сегодня в Британском музее и Национальной библиотеке хранятся тысячи страниц, большая часть которых еще не опубликована. Они относятся к самим разным жанрам, зачастую написаны в форме личных заметок, упражнений или деловых писем; однако среди них есть и назидательные сказки, религиозные трактаты, в большинстве своем переведенные с иностранных языков – китайского или санскрита.

Пластические искусства и литература свидетельствуют о жизнеспособности буддизма. Есть основания полагать, что манихейство уйгуров постепенно уступало место буддизму, хотя все-таки сохранилось. Мы обязаны ему значительной коллекцией религиозных текстов, найденных во время немецких раскопок в Турфане и в Дуньхуане, а также так называемым «Сборником покаянных молитв», написанным, как это было принято в ту эпоху, простым и ясным языком.

Что касается буддизма, он также подарил нам много манускриптов на тюркском, уйгурском графическом, согдийском и индийском (брахми) языках. Среди них можно выделить «Сказку о добром и злом принцах», навеянную китайскими сказаниями: она была изучена уже в 1914 г.

Наряду с буддизмом, манихейством и шаманством (при этом следует помнить, что все они существовали одновременно и независимо друг от друга) в Синьцзяне и уйгурском Ганьсу были распространены и другие религии, в частности несторианское христианство. Известно, что несторианство, доктрина Нестора, патриарха Константинополя, утверждает, что в Христе жили два человека, соответствующие его двойственной природе или двум разным природам. После того как эта вера была осуждена церковным собором в Эфесе в 431 г. и после преследований, которые она пережила в странах Средиземноморья, несторианство нашло пристанище в сасанидском Иране и направило свои миссионерские усилия на восток. Мы не знаем, когда оно проникло в Центральную Азию, но в Китае оно появилось в 635 г. и продержалось недолго. Зато оно прочно закрепилось в Тариме, который стал его апостольским центром, нацеленным на крупные государства кочевников: очевиден его успех в Монголии. В мусульманских источниках упоминается о существовании христианских общин в X в. в Синьцзяне, а немецкие экспедиции собрали много несторианских текстов в районе Турфана, которые напоминают тексты, обнаруженные Пеллио в пещере Дуньхуаня, например «Похвала Святой Троице».

Маздейство и иудаизм оставили меньше следов в Центральной Азии. Присутствие первого в Турфане подтверждается мусульманскими источниками, а китайцы упоминают Заратустру и существование жертвенных алтарей, посвященных огню. Присутствие второго более достоверно, что доказывают иудейско-персидские документы Кашгарии и рукопись на иврите примерно 800 г., которую Пеллио нашел в Дуньхуане. Тем не менее их активность была ограниченной. Наконец, ислам, призванный торжествовать победу в этих регионах, в ту пору был еще слабо представлен, хотя мусульманские торговцы, посланники и суфии давно бродили по стране.

Одним словом, это было удивительное общество! В одном и том же городе, который вовсе не был мегаполисом, бок о бок жили приверженцы по меньшей мере трех великих мировых религий – манихейства, буддизма и христианства, не считая анималистский культ – древнюю национальную религию тюрков; на улицах и площадях свободно проповедовали евреи, мусульмане и зороастрийцы, одновременно занимаясь торговлей. Можно лишь восхищаться тем, что терпимость и экуменизм, проникнутые неизбежным скептицизмом

или релятивизмом, были более популярны, чем строгое и несгибаемое сектантство. Нам не известно ни единого примера, сравнимого с тем, что являют собой уйгуры, и, очевидно, такое можно встретить только в других тюркских или монгольских обществах, родственных уйгурскому.

Кыргызы

В начале главы мы уже упоминали об этом древнем народе.

Итак, Великая степь словно полуостровами проникает и на север, где наибольшим по своему значению был в VII–VIII вв. район верховьев Енисея. Там создавалась культура кыргызов, равно не похожая ни на тюркскую, ни на уйгурскую.

Несмотря на сходство языка и письменности, кыргызы по некоторым своим особенностям были далеки и от тюрок, и от уйгуров. Они как бы занимали третью вершину равностороннего треугольника, представлявшего, тем не менее, единую тюркскую целостность, гармоническую напряженность непрекращающейся борьбы, обусловливающей общее развитие.

Кыргызы на севере, востоке и северо-западе граничили с племенами, не имевшими ничего общего со Срединной Азией: древние сибиряки не составляли никакой целостности. Однако непосредственная близость кыргызской территории к племенам сибирской тайги наряду с природными условиями определила возможности и направление развития кыргызской державы.

Кыргызское ханство было объединением нескольких племен, во главе которого стоял хан.

Северная граница Кыргызского ханства, согласно источникам, проходила несколько севернее нынешнего Красноярска. Что же касается восточной границы, то их было две: основная, первая, проходила по подножию Восточных Саян, а вторая – по водоразделу Оки и Ангары. В промежутке между этими двумя границами жили три племени: дубо, т. е. тувинцы, милигэ, т. е. меркиты, и эчжи. На эти лесные племена кыргызы совершали набеги, а пленников обращали в рабство. Зато мощный отпор кыргызы получали от куракан, живших на Ангаре. Именно на второй границе шла напряженная непрекращавшаяся война.

Следует отметить, что в Хакасии, составлявшей тогда ядро Кыргызского ханства, во многих местах добывалось железо, почти во всех сосновых лесах встречаются остатки древних железоплавилен. Здесь изготавливались орудия труда и оружие – мечи и кинжалы, а также детали конной сбруи. Развитие металлургии позволяло ханам создавать отборные ударные части из латной кавалерии.

Итак, древний народ – кыргызы, им предстояло восстановить степную империю, что не смогло сделать уйгурское манихейство. Впрочем, этого не удалось сделать и им.

Наследники Великого Тюркского каганата, уйгуры и кыргызы, крупных государств не создали, а потому не имели нужды в применении удельно-лествичной системы.

Древние тюркизированные индоевропейцы – кыргызы – остались прочно привязанными к своей реке, Енисею, в районе нынешнего города Минусинска, где тюркюты покоряли их и несколько раз подвергали репрессиям. В глазах последних они были грубыми варварами, хотя кыргызы усвоили зачаточные понятия о цивилизации от своих соседей по Монголии. Они умели писать, правда на примитивном уровне, недостаточном для появления литературы. Но они часто писали небольшие надгробные тексты, сильно напоминавшие надписи их соседей. Долгое время эти тексты считались древними, между тем это – всего лишь результат архаизма, обусловленного посредственной культурой и практикой шаманства. В противоположность тому, что гласит плохо поддающаяся расшифровке надпись в Суджи, манихейство уйгуров нисколько кыргызов не затронуло. Самая древняя их надпись датируется, скорее всего, VIII в., а самые последние могут относиться к IX в. или началу X в. Они представляют ценность для истории цивилизаций. Однако эти тексты малоинтересны для истории событий, поскольку их трудно прочитать: они изобилуют пробелами. Поэтому

мы обойдем молчанием то, что кыргызы делали на покоренных землях, если только это не толкало их назад к варварству.

Отношения кыргызов с уйгурами изначально складывались однозначно: это был язык мятежей, восстаний и войн: 758, 795, 818, 840, 861–870 гг. Великая степь стала театром войны между уйгурами и енисейскими кыргызами, которые вышли победителями и образовали Кыргызский каганат, но впоследствии не сумели на этой земле закрепиться. Впрочем, по-видимому, они не очень к этому стремились. Привыкшие к оседлому быту в благодатной Минусинской котловине, кыргызы видели в степях только поприще для боевых подвигов, целью которых была военная добыча. Когда же между кыргызскими войсками и становищами уйгуров легла пустыня, а уйгурские женщины и дети попрятались в крепостях, унаследованных ими от китайских военнопоселенцев, война стала невыгодной для кыргызов и постепенно затухла.

В 924 г. кыргызов изгнали новые пришельцы, на этот раз кидани. Кыргызы мирно вернулись в долину, откуда пришли.

Кидани

Экспансия киданей, как правило, сдерживалась мощью тюркютов и уйгуров. Ослабление кыргызов дало киданям толчок. В период между 907 и 926 гг. их вождь Апао-Ки объединил киданей и после вторжения в Монголию открыл своим преемникам путь в Северный Китай. Китайский император ретировался с земель, расположенных к северу от Хуанхэ, и кидани образовали династию под именем Ляо. Когда-то они были учениками уйгуров, затем китаизировались. В ходе смены нескольких поколений они утратили свою силу. Удар им нанесли чжурчжени из Маньчжурии, которые вошли в Китай и довершили крах Великого Ляо в 1125 г. Осталось только их имя в истории Китая: «каракитаи» (каракидани), которые, с подачи Марко Поло, долго были вожделенным предметом поисков западных ученых!

Они не имеют отношения к тюркам, они – протомонголы, и упоминаются здесь, во-первых, потому что кидани – предвестники скорого появления монгольского могущества, а этот момент чрезвычайно важен для тюркской истории, а с другой стороны, потому, что они сыграли определенную роль в тюркском мире. Когда в 1125 г. их изгнали из Китая, произошел фантастический энергетический взрыв, который вернул их к кочевой жизни. Они прошли через всю Центральную Азию, чтобы основать (1130–1135 гг.) в северовосточной части Туркестана буддийское государство, известное под названием Каракитай.

Шато

Согласно китайским хроникам, племена шато сформировались после исчезновения Западной-Тюркской империи к западу от Баркола (озеро Бар), откуда тибетцы вытеснили их на восток (?), где они попросили покровительства Китая (800 г.).

Китайцы включили их в свой состав в качестве члена федерации, как они обычно поступали со всеми «варварами», которые приходили в Китай, «униженно преклонив колени и склонив голову». Им дали территорию на севере Ордоса. В течение 70 лет шато жили там в мире и спокойствии. Затем, в 878 г., они проникли в Шэньси и даже приняли участие в бесконечных распрях китайцев.

Империя Тан в те времена воевала с мятежниками, которые отобрали столицу Чанъань. Тогда китайцы призвали на помощь своих федератов. Шато откликнулись без промедления. Их предводитель Ли-Ко-Юнь прогнал мятежников из Чанъаня (883 г.), получил в виде вознаграждения титул министра и был назначен губернатором захваченного им Шэньси. Племена шато были верными вассалами. Но с исчезновением Тан (907 г.) они посчитали себя свободными от всяческих вассальных обязательств и провозгласили себя императорской династией в Лояне.

Шато основали две династии, которые просуществовали совсем недолго: одна – с 923 по 936 г., другая – с 936 по 946 г. Подобно кыргызам, они не смогли противостоять киданям. Так в середине X в. наступил конец последнему тюркскому царству в Китае.

Глава 4
Тюрки в мусульманском мире

Исламизация тюркских государств

С появлением ислама начинается новая эпоха, которая называется эпохой хиджры (622 г. – бегство Мухаммеда из Мекки в Медину, от которого мусульманство ведет свое летоисчисление).

Ислам в Центральной Азии проповедовали тюркам люди, убежденные в превосходстве этой религии и не сомневающиеся в том, что она будет горячо принята. Начиная с царствования омейадского халифа Хишама (722–743 гг.), если верить историку Якуту, миссионеры добирались до тюркских правителей и предлагали им обратиться в ислам. Такие миссии посылались неоднократно и позже; к этому массовому движении примыкали также торговцы и дервиши, бродившие по степям.

Арабские коммерсанты, очень активные в первые столетия хиджры, в основном занимались пропагандой ислама, предлагая следовать их примеру «на всех путях и во всех царствах». Они пользовались покровительством первой экономической державы мира и являлись представителями самой высокой цивилизации. Мистики, суфии составляли довольно разнородную группу, состоявшую из бедняков и просвещенных бродяг, в которой встречались и настоящие умы, вдохновленные верой и любовью к Аллаху.

Теоретически, конечно, можно говорить о том, что ислам, предлагаемый кочевникам, в корне отличался от учения теологов в городах. Естественно, что к безграмотным массам обращались малограмотные, но искренне верящее проповедники, что их часто путали со старыми шаманами. Но существовала тюркская элита, состоявшая из уйгурской верхушки, которой не были чужды миссионерские порывы. Гардизи упоминает о мусульманском кладбище в буддийском Хотане, а один из самых выдающихся философов ислама, аль-Фараби, который жил в Дамаске и Алеппо и умер в преклонном возрасте в 950 г., вышел из тюркской семьи, жившей в Центральной Азии. Саманиды вновь ввели в обиход старую политику Ирана, которая заключалась в превентивных нападениях на скопления степных кочевников, но цель была не только в оккупации их земель или в покорении жителей, в ходе этих экспедиций присутствовал фактор веропринуждения, как это было в 893 г. во время Таласской кампании, когда одну церковь превратили в мечеть, однако их масштабы были несравнимы с деятельностью проповедников и мистиков.

Касательно того, что священная мусульманская война, джихад, должна была более эффективно воздействовать на воинственных тюрков в смысле их исламизации, – это ожидание не оправдалось. Тюрки-мусульмане могли участвовать в священных войнах, имея в виду, прежде всего, собственные интересы, однако для того, чтобы воевать, им совсем необязателен был джихада. И священная война не делала их мусульманами. Таким образом, начальные плоды исламизации были скудными. Арабы основали несколько городов на Сырдарье как плацдарм для походов на Иртыш и в страну тюрков Западной Сибири. Первых успехов в тюркской среде ислам добился далеко от мусульманских земель – у волжских и камских булгар, на самом пороге «страны тьмы». Здесь впервые ислам одержал победу в чуждом для себя климате.

Исламизация незначительно изменила образ и уровень жизни булгар, зато дала толчок прогрессу. Они научились писать, хотя редко делали это, и обустроили городскую жизнь. Раскопки показали, что в Булгаре было две мечети, восточные бани, и город насчитывал

около 50 тыс. жителей. Там чеканили серебряные монеты, по крайней мере, в X в., затем снова с 1180 до 1225 г. от имени багдадского халифа. У булгар зародилась промышленность, особенно выделка кож (позже этим занялись и на Руси) и сапожное ремесло, сделавшее булгарские сапоги знаменитыми на многих рынках. Сельское хозяйство развилось в достаточной степени, чтобы продавать пшеницу русичам, когда у тех случалась засуха.

Также Хорезм, крупный торговый центр, расположенный на перекрестке путей на запад и северо-запад, имел мусульманские колонии, и исторические тексты свидетельствуют о том, как торговцы, направляющиеся в район Волги, предпочитали дорогу через Хорезм более прямому пути через Кавказ.

Тюрки-кочевники постепенно переходили к оседлому образу жизни, становясь горожанами или земледельцами. Если в степи, среди своих соплеменников, тэнгрианство удовлетворяло тюрка, то в городской жизни, где племенные и родовые традиции ослаблялись, для сохранения единства народа нужно было что-то новое, что соответствовало бы веяниям времени. Это чувствовали и ханы. Не утруждаясь возведением тэнгрианства на более высокий уровень, некоторые тюркские ханы увидели в исламе выход из кризиса, с которым столкнулся тюркский мир.

Сначала ислам приняли купцы, торговавшие с арабами и персами, тюркские воины – рабы и наемники, служившие халифу, горожане, и самыми последними, в течение нескольких веков, кочевники. Так постепенно тюркский мир, как бы нехотя, отрекался от религии своих предков, принимая арабскую (исламскую) религию, что продолжалось несколько веков.

Принятие ислама тюрками на первых порах как будто положительно сказалось на идеологии их государств. Тюрков, живших в городах и аилах, ислам внешне устраивал. Но в дальнейшем проявились и отрицательные стороны принятия новой для них религии, так как вместе с забвением религии своих предков стали исчезать и тюркские национальные традиции и обычаи. Национальные чувства притуплялись. Национальная идеология подменялась религиозной. Народ читал молитвы на чужом языке, не понимая сути и смысла. Принятие ислама повлекло не только смену одной религии на другую, это имело и другие, более значительные последствия. Тюркские традиции, обычаи, мировоззрение, законы стали подменяться арабскими. С принятием ислама тюркоязычные племена перешли на арабский алфавит, отказавшись от тюркского. Код или ключ познания мира через тюркскую письменность (современники называют ее руни), которую даровал своим любимым Сынам Великий Дух Неба Тэнгри, присущий только им, был подменен арабским. Новые поколения стали терять свои исторические и национальные корни древней культуры, традиции предков, их связь с прошлым была нарушена. Им теперь были недоступны древнетюркские книги и надписи, выбитые на камнях.

Таким образом, смена религий и переход на арабский алфавит повлекли смену жизненных ценностей, изменение мировоззрения всего тюркского мира. По сути, тюрки были лишены источника животворной силы, которая определяла самосознание, национальный дух. Воинственный дух слабел. Тюрки-мусульмане стали все чаще терпеть поражения от тюрков-тэнгрианцев. Духовенство стало вмешиваться в управление государством. С принятием ислама тюрки стали защитниками арабского мира.

Тюркские гулямы

Лет через 50 после хиджры тюрки, а вместе с ними и другие представители евразийцев начали проникать в мусульманский мир.

В то время, когда миссионеры начали проповедовать ислам в Центральной Азии, тюрки уже поступали в качестве рабов на земли халифов.

В 674 г. правитель Басры сформировал мощный отряд из двух—четырех тысяч искусных тюркских лучников, взятых в плен в Бухаре. Их воинские качества сразу получили признание, и арабы решили использовать их.

Некоторые историки считают, что аббасиды, а по их примеру и другие феодалы, вступившие в бесконечные схватки с арабами и их союзниками, брали к себе на службу иностранные военные отряды умышленно, поскольку те не имели связей с местным населением, а потому отличались преданностью. Но если бы дело обстояло именно так, наемники скоро бы вышли из подчинения и предали бы своих хозяев, в результате для последних это было бы даже опаснее, чем вражда с арабами и их союзниками – берберами, коптами, сирийцами или иранцами. В действительности же только в самом начале имел смысл использовать небольшие отряда наемников.

Арабы, взявшие на себя роль основателей мусульманского мира, не хотели воевать, а когда им приходилось заниматься этим, они ограничивались оборонительными действиями, потому что легкая жизнь сделала их изнеженными. Они хотели наслаждаться приобретенными благами и отвергали риск, таким образом, у них не было никакого желания умереть в бою. Аббасиды уже не завоевывали земли, а теряли их. Уцелевший омейяд Абдурахман отделил Испанию и стал там самостоятельным халифом в 756 г. Затем отпали: Алжир – в 777 г., Марокко – в 789 г., Ифрикия (Тунис) – в 800 г., Хорасан – в 821 г., Систан – в 867 г., Центральная Азия – в 900 г. Аналогичный развал шел в Сирии, Месопотамии, Аравии, Иране. А мятежные силы доходили до ворот Багдада.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.